

Владимир Крестьянников

Каникулы на Тунгуске

Повесть

Иркутск
2012

УДК 821.161.1
ББК 84(2=Рус)7
К 80

К 80 Крестьянников В. Д. Каникулы на Тунгуске:
Повесть. – Иркутск, Оттиск, 2012. 299 с.

© В. Д. Крестьянников, 2012

Глава 1

На высоком берегу Лены, там, где принимает она в свои объятия воды быстрого Кирена, стоит маленький уютный городок Кир-Ленск. По преданию казаки землепроходцы атамана Хабарова облюбовали когда-то этот берег и поставили здесь острог. В двух километрах выше по течению была заимка атамана и поныне деревня носит славное имя Хабаровка. Минули века, приходят и уходят поколения, а город стоит, наделяя судьбой сынов своих и дочерей. Для одних он остается домом родным на всю жизнь, для других далекой и милой сердцу малой родиной.

Каждый год приезжают в родной город парни и девушки, чтобы провести каникулы под крышей родного дома в кругу родных и близких, побродить по пропахшим детством улочкам, с тихой грустью постоять в садике возле старой школы. Вот и сегодня встретились друзья. Смерть Альки Гольшева свела их в родном городе через три года после окончания школы. Егор Огурцов и Николай приехали из Иркутска, где заканчивали институты, Дмитрий Сорокин прибыл из далекого Владивостока, блистая морской формой курсанта военного училища. Ребята приехали на каникулы отдохнуть, навестить родных, но страшная весть о смерти Альки настигла их в родном городе. Ребята, сидя на лавочке возле дома Гольшевых, поджидают машину, что ушла в аэропорт за гробом. Гроб вертолетом доставили из таежной Тунгуски, где погиб Алька. День клонится к вечеру.

– Что-то меня морозит, парни, – кутается в пиджак Николай.

– Весна запаздывает, – отозвался Егор.

– Весна, как весна. Это у вас в Иркутске сейчас уже тепло, а здесь север, или забыли, как родина греет. – невесело засмеялся Димка.

– Как служишь Дима? Никогда не думал, что ты моряком станешь, или у нас на Лене для тебя воды мало, – положил руку на плечо друга Николай.

– Не служу, а пока что грызу гранит науки, служба еще впереди.

– Эх, Алька, в голове не укладывается, что такого парня уже нет среди нас, – Егор соскочил с лавки и, нервно растирая виски, сделал несколько шагов перед друзьями

– Говорят, отказало сердце, да еще где-то в тайге, где помощи ждать не от куда, – Димка достает сигарету.

– Он на охотоведческом факультете учился. Отправили на практику пять человек в коп зверосовхоз, а после практики вернулись четверо, – стал объяснять Николай. – Альку нашли в тайге, говорят сердце отказало, да кто там разбирался.

Николай зло сплюнул. Некоторое время парни молчали, потом Егор тихо промолвил.

– Сделали сердечника из двадцатилетнего парня, – он немного помолчал, – да не ожидал я так свидеться с Алькой.

– И как тетя Надя держится?

– Лежит...отец и тот, как помешанный, несколько дней молчит...такого парня потерять, – вздыхает Николай, – загубили парня.

– Неужели убили? – полушепотом спросил Димка.

– Здесь еще разобраться не мешало бы.

Да успокойся ты Егор, – останавливает друга Николай.

Из-за угла показалась машина, чуть притормозившая на повороте. Покачиваясь на ухабах, машина рулит к дому Голышевых.

– Едут! Дядя Петя, едут! – Николай постучал в окно и стал открывать ворота.

Пока машина медленно разворачивалась, пятясь задним бортом к воротам, из дома вышли: Петр Николаевич – отец Альки, его мать тетя Надя еле державшаяся на ногах, брат

Женька и несколько соседей. Машина медленно впятилась в ограду.

– Сынок, да что же ты наделал? – на всю улицу запричитала убитая горем мать, повисшая на руках двух соседок. – Алик, сыночек да как же нам все это пережить? Ой! Люди, зачем нам все это? Чем мы прогневили Бога?

Отец молчит, руки его дрожат, по бледным щекам катятся крупные слезы, но он, не замечая этого, что-то тихо шепчет.

Наверно, разговаривает с сыном о своем, о наболевшем, мало ли о чем, отец, может, поговорить с сыном.

Вот и приехал ты, друг наш Алька, на свои последние каникулы. Здесь ты жил, здесь мы не раз бывали у тебя в гостях, мечтали о жизни в большом городе, о студенческой вольнице. Из этих дверей ты уходил в последний раз прошлой осенью, уезжая, в институт. Прости меня Алька, сам не знаю за что, но прости?

Похоронили Альку за рекой на городском кладбище. В последний раз он переплыл родную реку. Нашу Лену, где мы сотни раз купались, ловили пескарей, загорали на каменистом берегу возле рыбацкого костра. Когда народ разошелся с погоста, ребята остались возле обложенного венками холмика. Долго молчали, да и что тут скажешь.

Вдруг все ясно поняли, что жизнь хрупкая и не долговечная вещь. Только начали жить и вот, одного уже нет.

– Послушайте, братцы! А ведь этот зверсовхоз где-то рядом, – прервал молчание Николай, – Ведь дядя Петя специально схлопотал Альке практику поближе к дому.

– Ну и что из того, – вмешался Димка, – это где – то на Тунгуске.

– На Тунгуске прошло мое детство, – прошептал Егор, – В деревне Еловка жила моя бабушка, я каждое лето там проводил. Совсем опустела деревня, раньше было сорок дворов, а теперь всего две семьи свой век доживают.

– Послушайте, пацаны, может, махнем в гости к твоей бабке?

Егор ошалело смотрит на Николая.

– Ты что с ума скатился, она двенадцать лет, как отошла в мир иной. Я же сказал, что в деревне никого не осталось.

– Но дом-то остался есть, где переночевать?

– Дом цел, даже окна должны сохраниться, но что нам там делать, – не может разуть Егор.

– Половим рыбку, – не сдастся Николай, – возьмем водочки, шашлычки пожарим.

– Я не могу, – вздохнул Димка, – мне еще до Пеледуя добираться, я и так неделю потерял. Родители ждут.

– А мне твоя идея Коля, нравится, – соглашается Егор, – снасти в доме должны сохраниться, хотя я там давно не был, но там жил двоюродный брат, сейчас он перебрался в город. Я у него все прозондирую.

– Вот и мы попробуем, там, на Тунгуске, насчет Алькиного сердца прозондировать. Не нравится мне, когда молодые, спортивные парни от сердечного приступа умирают.

Дорога шла лесом, голые почерневшие за зиму деревья, тянули к дороге свои ветки, как бы стараясь схватить зазевавшегося путника или хлестнуть его по лицу. Сколько раз в детстве, да и потом, уже в зрелом возрасте, Егор проезжал по этой дороге. Все двадцать восемь километров измеряны его шагами, и всегда ему казалось, что он попадает в иной мир, что тайга забирает его у города, отрезает от родных и друзей. Ранняя весна, дорога черная, мокрый, скользкий плитняк заставляет идти осторожно. А по бокам в лесу еще лежит грязный подтаявший снег. В кронах голых деревьев щебечут не видимые птицы.

Сначала друзья шли весело переговариваясь. Дышалось легко, вещмешки за плечами почти не беспокоили. Николай выломал палку и лихо сбивал пожухлую траву.

– Давно в лесу не бывал, понимаешь, за три года привык к городу и на природу почти не тянет. А жаль, смотри какая благодать!

– А я по началу сильно тосковал, – заговорил Егор, – по тайге, по нашей реке. Хорошо у нас, чистота и дышится легко, а в городе бензин, машины шумят, я по началу шарахался от них. Смех, да и только.

– Знаешь, Егор, окончу институт, обязательно куплю машину и из города никуда. А с машиной и тайга ближе будет.

– А я бы в нашем Кир-Ленске остался работать, может, найдется в одной из школ место для физика.

– Дурак! – смеется Николай, – да здесь тебя с руками оторвут.

Солнце поднимается все выше. Николай снял кепку, сбросил куртку, дорога для него становилась все тяжелее.

Спокойный и рассудительный, с копной черных волос и такими же черными глазами, он походил на цыганенка. Еще со школьных времен он любил, чтобы ему подчинялись, любил быть на виду, и друзья охотно признавали его главенство, хотя порой подшучивали над его малым ростом и далеко не спортивной фигурой. Но годы, проведенные в институте, сделали из мальчика красивого, плотно сложенного, парня.

– Далеко еще до твоей фазенды?

– Сейчас будет речка Каштак, там мы всегда на отдых останавливались, – успокоил друга Егор, – водички попьем, умоемся, и через пару часов дома будем.

А солнце жжет не по-весеннему жарко, тяжелая дорога утомила ребят, пот струится между лопаток, волосы взмокли, обувь на ногах стала тяжела, как будто к ногам привязали гири. Когда силы были на исходе, впереди показался мостик.

– Все Коля, привал до Каштака доползли. Сейчас отдохнем, а там дорога под уклон пойдет.

Друзья спустились к небольшому ручью и жадно припали к воде. Потом сбросили рубашки и омылись до пояса, чувствуя не земное наслаждение.

– Может по маленькой, какмотришь Егор?

– Нет, друг, развезет, не обрадуешься, давай лучше немного перекусим.

Достали хлеб, колбасу, помидоры и молча пожевали, отбиваясь от комаров и гнуса. Когда поднялись чтобы идти дальше, солнце вдруг спряталось за набежавшие тучки и прохладный ветерок вдруг, как на заказ, взвихрил жухлую

листву. Друзья шли, весело переговариваясь, строя планы на завтрашний день.

– Послушай, ты хоть места рыбные знаешь? – допытывается Николай.

– Раньше на Тунгуске рыбы было богато, правда в основном сорная: елец, окунь, пескарь, ну, а если щука попадет, или скажем сижок, то это брат, вообще удача большая.

Часа через полтора вдвали между деревьями блеснула река. Ребята пошли быстрее, но еще добрых полчаса топали, пока вышли на берег Тунгуски. За рекой лежала деревня, представляющая жалкий вид. Домов тридцать, без крыш и почти все с черными пустыми оконными проемами. Ни над одной крышей не вился дымок, что всегда отличало русскую деревню. На краю деревни стояли два островерхих чума покрытые какими-то лохмотьями. Между чумами горел костер, и бегало несколько собак. Пройдя метров двести вдоль берега, ребята подошли к высокому песчаному косогору. Из под него били чистые, как слеза, холодные ключи.

– Попробуй, – предложил Егор, – это ключи моего детства. Вот надо же, сколько себя помню, столько бьют ключи холодные в любую жару.

– Фу ты, даже зубы ломит, – выдохнул Николай, – а тишина, какая, кажется, я впервые слушаю такую тишину.

– Подожди, вот солнышко пригреет, появятся комары, вот тогда эта тишина зазвенит, запоет на все голоса.

Лед на Тунгуске видно прошел совсем недавно, вода стоит высоко в берегах, и кое-где еще видны ледяные глыбы вытолкнутые на отмель. От чума к реке уже кто-то бежит, сопровождаемый собакой. С берега столкнули лодку, и она шустро скользит по волнам направляясь в сторону парней.

– Перевоз есть, – удовлетворенно трет руки Егор. – Кто же в лодке, кажется женщина?

– Да, – невесело смеется Николай, – кажется, твоя деревня на ладан дышит.

– Еще при советах развалили, не перспективной оказалась деревня. Эх, а как хорошо жили, умели наши деды и с природой в ладу жить, и закрома полными были.

Лодка уткнулась в берег, на корме сидела молодая девушка, крепко скроенная с каким-то насмешливо вызывающим взглядом раскосых глаз. Егор внимательно смотрит на девушку, улыбается и вдруг радостно кричит.

– Надька голожопка, это никак ты! Какая ты стала красивая!

– Егорша, Бог ты мой, ты чо с прясел свалился?

– С прясел, с прясел Надюха. Ох, как я соскучился по этим пряслам, по тишине вашей соскучился.

Надька придерживает лодку веслом, прижимая ее бортом к берегу.

– Садитесь чо ли, да лодку не переверните чертяги. Нашел о чем скучать, захирела наша деревня, Егорша, совсем захирела. Ну, с Богом.

Надька, оттолкнувшись от берега, сильно и размашисто работает веслом. Сильное течение сносит посудину, и Надька старается грести против течения, поставив лодку почти вдоль реки. Медленно, но противоположный берег приближается.

– Большая вода ноне, – заговорила Надька, – сейчас уже почти спала. А вы чо приехали дело справлять или время убить?

– Время, Надюха, время. Каникулы у нас, вот и решили отдохнуть, да и тебя навестить. Как ты здесь робинзонишь?

– Скажешь тоже, – тихо засмеялась Надька. – Кому мы здесь нужны? Живем в лесу, молимся колесу.

Опустив руку в воду, Егор невольно вспомнил далекие детские годы. Эх, Тунгуска река, помню твои ледоходы мощные, неудержимые. Не было преграды ледовой стихии на реке Тунгуске. Быстрая, своенравная речка, летом мы ее перебродили, закатав штанины, а весной она разливалась необыкновенно. С треском и грохотом несла льдины, накатывая их на берег, наминая огромные торосы. А между льдинами плавали стайки уток первых предвестников долгожданного лета.

– Гуси летят Надюха?

– Летят, Егор, летят. Правда ноне уже меньше стало, основная птица раньше пролетела, теперь уже остатки летят, которые припозднились.

Шурша галькой, лодка ткнулась в берег. Надька ловко выскочила и с силой подтянула ее к берегу.

– Ну, выгружайтесь гости дорогие, – ребята, осторожно переступая по хлипкому суденышку, сошли на берег.

– Как там наш дом Надя, еще цел, или уже на дрова пустили?

– Обижаешь, Егор Андреевич, мы таким пакостным промыслом не занимаемся. Иди в свои хоромы, а мои вон на косогоре дымят.

Надька махнула рукой в сторону чума, где на перевернутой лодке сидел парень лет пятнадцати в лохматой собачьей шапке. Рядом, высунул язык, лежит огромный пес, неподалеку бегают еще две собаки.

Это твой сын такой большой

– Мой, мой Егорша, – громко смеется Надька, и бросив весло на плечо, направляется к чуму.

Старый дом моего детства, как давно я не видел тебя. Ты почернел от старости, но окна твои, давно не мытые, грязные окна, все так же смотрят в этот огромный и удивительный мир. Кто поставил тебя на этом высоком берегу? Я точно знаю не мои дед и бабка, может их старики, которых мне не выпало чести знать. Но дом стоит, как великолепный памятник моим предкам, их труду, их любви и преданности этой затерянной в тайге земле. Вечная вам память мои незнакомые родственники.

Река совсем подмыла берег, дом уже надо переносить или укреплять берег. Но кому это надо – гибнет деревня, гибнет наше родовое гнездо.

На дверях нет замка, лишь трухлявая доска подпирает дверь. Парни робко заходят в этот, собственно, чужой дом, в отсутствии давно ушедших хозяев. Пахнуло сыростью и плесенью, как из подвала.

– Вот мы и дома, – тихо произнес Егор.

– Не забывай что в гостях, – вторит Николай, – дом большой, жили видно не плохо, мебель сделана на совесть, не рассохнется, не заскрипит.

Ребята прошлись по комнатам, заглянули в каждый угол, потом присели на лавку и замолчали, думая каждый о своем.

– Первое, надо прибраться, хотя бы подмести пол, смахнуть пыль с мебели, – рассуждает Николай. – Ты Егор поищи топор и позаботься о дровах, а я займусь уборкой.

Работа закипела, через час в железной печке весело потрескивали дрова, и начинал шуметь котелок с водой. Ребята разомлели от тепла, разулись, скинули рубашки и блаженствовали у печи.

– Сейчас заварим чайку, – Николай, открыв дверцу, шурует кочергой угли, – откроем тушенку, слегка перекусим, ну а потом посмотрим хозяйство.

– Да, – Егор указал рукой на кухню, – там есть подполье его надо обследовать, может, что осталось от хозяев.

– Тебе обследовать подпол Егор, а я пойду посмотрю во дворе, – Николай направляется к дверям на пороге останавливается. – Надо подумать о ночлеге, не на голом же полу валяться.

Хозяйство когда-то было крепким. Большой амбар в два этажа, был замкнут на огромный замок, такого замка Николай в своей жизни еще не видел. Повертев замок, он оставил его в покое. Зашел на скотный двор, под огромным сеновалом было стойло для скота, рядом пристройка, вероятно, для поросят. На сеновале остатки сена пригодного для обустройства ночлега. Николай пошел в дом, пора было перекусить. Егор вылез из-под пола, отряхивая тенета с плеч и с белесого мальчишеского чубчика.

– Ничего нет, крысы и те разбежались, так что обойдемся без шашлыков, – доложил Егор.

– Обойдемся, – подтвердил Николай, – тепло и над головой не капает, что еще надо заезжему человеку.

– Жрать на первое время есть, а завтра я тебе таких пещарей наловлю.

– А привидения в этом замке есть?
– Вот этого не обещаю. Люди здесь жили добрые, так что они по ночам бродить не будут.
– Все хорошо, одного не предусмотрели, – Николай почесал затылок, – темнеет здесь рано, надо было свечей прихватить.

– Обижаешь, сразу видно, что в деревне не жил. Я специально купил хороший фонарик и про запас батареек не забыл.

Друзья достали булку хлеба, банку тушенки, несколько свежих огурцов.

– Хорошо китайцы ранними овощами снабжают, – хохмит Егор, – а то чем бы мы сейчас закусывали.

Не успели сесть за стол, как на крыльце послышались шаги, в дверном проеме нарисовалась Надька, из-за ее плеча выглядывает малорослый, пожилой эвенок, а за ними тот самый парень, что сидел возле чума, когда они переправлялись через реку.

– Гостей не ждали? – громко, ни то, спрашивая, ни то, утверждая, улыбается Надька. – Знакомиться пришли. Это моя семья: хозяин Петр Сергеевич, а это сынуля, – Надька громко хохочет, рывком срывая шапку с головы парня.

Перед присутствующими предстала красивая молодая девушка с раскосыми, черными, как смоль глазами. А улыбка, о, какая у нее была улыбка, парни обалдели от удивления.

– Да это Хакамада! – заикаясь, воскликнул Николай, – откуда это чудо среди тайги?

– Моя дочка, однако, – заулыбался, демонстрируя крепкие желтые зубы, старый эвенок.

Надька выложила на стол и развернула чистую тряпицу, на которой лежал хороший кусок копченого сала и целлофановый пакет соленых ельцов.

– А это, маленько, пить будем, – заулыбался Петр Сергеевич и поставил на стол берестяной туесок, ядрено пахнущий самогоном.

– Может, кто-нибудь скажет, как зовут эту красавицу? – поинтересовался Николай.

– Екатерина, Катя, Катюша, – обнимая девушку за плечи, представила Надька.

– Красивое имя, – как-то очень уж тихо проговорил Николай. – А мне все больше нравятся эти таежные скитания.

– Толи еще будет, – шепчет ему Егор.

Надька смотрит на парней и хитро улыбается.

Жизнь наша – счастливая или не очень, вся ты сплошные встречи и расставания, потеря друзей и обретение новых. Может, тем ты и хороша жизнь, что новое, о чем ты и не мечтал, ждет тебя вон за тем поворотом. Будь же ты благословенна жизнь.

– К столу мужики, – объявляет Надька, – ну и бабы тоже.

Самогонка оказалась злой и очень вонючей. После первой кружки и куска удивительно ароматного сала за столом вдруг стало тепло и весело, а люди добрыми и будто давно знакомыми. Не смотря на разницу в возрасте, к Петру Сергеевичу обращались, как к равному, не чувствуя какого – либо неудобства. Общее застолье всех сроднило.

– Петр Сергеевич вы всю жизнь здесь прожили? – наклонился к охотнику Николай. – А ваши родители тоже из этих мест?

– Отец знатный был охотник, рано ушел...медведь задрал и собаку задрал, жалко, хорошая была собака.

Надька склонилась к Егору, глаза ее блестели, зубы никогда не знавшие зубной щетки, сияли жемчугом.

– Как здоровье матери Егорша? У тебя, кажется, сестра была?

– Мама замуж вышла, хороший человек попался. Сестра младше меня на два года, но тоже уже замужем, сын растет. Вот я пока еще холост Надюха.

– А давно ли сами детьми были, – не замечая игривого настроения Егора, грустно заметила Надька, – мое детство кончилось, когда мама умерла.

Николай, плеснул в кружки, чистит ельца, искоса поглядывая на Екатерину. Ему почему-то стало грустно, вспомнил институт, студенческие вечеринки. Далеко же занесло его: тайга, полу пустая деревня, незнакомые люди. Он придвинулся к Екатерине.

– Как вы здесь живете Хакамада? Зимой наверно очень скучно?

– Зимой я в городе, в интернате живу. Отец в тайге на промысле, белку промышляет, соболишек, а дома Надя хозяйничает.

– Надежда что тебе не мать? – удивляется Николай. – Да что я говорю, она же совсем молодая.

– Отец ее оставил у нас, когда она совсем одна осталась. В тот год пол деревни от тифа вымерло, я совсем маленькой была, да и она не велика. Вот с тех пор и живем вместе.

– Ну, что же леди и джельтмены, – Егор встал с кружкой в руке, – прошу поднять сей вонючий напиток за тепло человеческого общения.

– Мудрено говоришь, паря – перебил Петр Сергеевич, и многочисленные морщинки на его лице весело зашевелились.

– Давайте выпьем за то, чтобы хорошие люди всегда находили друг друга.

Николай удивленно смотрит на старого эвенка. Надька, заметив этот взгляд, весело смеется.

– Ты что думаешь, старый тунгус совсем темный, он раньше в партии состоял, был директором зверосовхоза.

– Однако был, пока не выгнали, – смеется Катя.

– Да выгнали, – зацокал языком Петр Сергеевич. – Плохие людишки в тайгу пришли, шибко плохо тунгусишкам стало, шибко плохо.

– Не будем вспоминать плохое, – вмешался Егор. – Давайте лучше выпьем

– Но и забывать тоже не будем, – как-то вдруг посуровела Надька.

Глава 2

Семья Сергея Карелина была большая и работающая. Трое сынов и две дочки подрастали, как грибочки в лесу.

Вчера еще под стол пешком ходил пацан, а тут смотришь, уже коня сам запрягает. Григорий, старший в семье, рос крупным, основательным парнем. Красивым его не назовешь, но девки от него не шарахались. И женился он как-то без лирики, без ухаживаний. Понравилась Ксюха, дочь колхозного шорника, помялся Григорий, поскреб затылок, да и заявил отцу.

– Что батя, может, зашлем сватов Ивану Козину, дочь у него больно хозяйственная.

И заслали, и свадьбу сыграли, вся деревня на ушах стояла. А Ксюха действительно бабой стоящей оказалась, всем соседям на зависть. Работа горела в руках у бабы, свекруха, бывало, не нахвалится невесткой.

– Моя Ксюха и по хозяйству всех за пояс заткнет и в гульбе первая запевала.

И действительно, как затянет, бывало, Сергеева невестка песню, не у одного мужика сладко замирало в груди. Но Гришкины кулаки-кувалды, что спокойно лежали на коленях, вмиг гасили огоньки в глазах мужиков.

Средний сын Сергея Карелина Илька, рос красивым, веселым парнем. Его любили и ненавидели, он мог для друга снять последнюю рубаху, а при случае, да по пьяному делу, мог и обчистить лучшего друга. А выпить он любил по любому случаю, а чаще всего и без всякой причины, лишь бы было что, да с кем. Напившись, искал кого-нибудь послабее себя, чтобы помахать кулаками. Но, как всегда бывало, нарывался на крепкие кулаки и часто ходил украшенный синяками.

А еще любил Илька девок деревенских, до одури любил и страдал от этого всю свою короткую жизнь. Сколько перепортил он, этого мокростового племени, знают только девки, это и сгубило парня. Нашли его около гумна избитого и

без сознания, так крепко побили, что захирел парень. Стал сохнуть, натужно кашлять, редко появляться на людях. Так и почух парень – красивый, веселый, но без царя в голове. А жаль парнишечку.

Был еще один сын у Карелина, да рано уехал в город доли искать, видно не легка она доля на чужой стороне, сгинул парень ни слуха, ни весточки отцу с матерью. Живет где или косточки сложил, никто не знает. Так и забыла парня родная деревня. Может и плачет мать по ночам, да кто это знает, у каждого свои болячки.

Девчонки подросли в трудах по хозяйству. Были они погодки, очень походили друг на друга, но только не характерами. Старшая тихая, работающая и лицом гладкая. Часто пела во время работы и хорошо пела, но только не на людях... Стеснялась быть на виду, особенно на виду у парней. Так бы и жила тихая, да неприметная, но разглядел эту тихую красоту парень из соседней деревни. Сосватали, отгуляли свадьбу, от плакали, от колобродили. Парни отметили друг друга синяками, и снова затихла деревня, погрузилась в свой каждодневный крестьянский труд. А девчонки не стало, уехала в чужую деревню, в чужую семью и как будто не было девчонки.

Надька росла, как молодая кобылка в чистом поле. Любила отца и мать, но больше всего любила девчонка свободу. С молодых зубов, с детства впряглась она в хозяйские заботы: доила коров, посла овец, а сколько полов перемыла, да дров перетаскала и не пересчитать. Мать работала уборщицей в колхозной школе, а вечерами печи топила, вот и проходили Надька свои университеты, помогая мамке.

Но и детских забав хватало этой егозе с пацанами в лесу, на речке, на озерах – весь мир принадлежал ей. А еще любила она лошадей, всех колхозных кляч по имени знала. Когда колхозный конюх, прозванный кем-то метко Боров, доверял ей почистить лошадь, то казалось, большего удовольствия для Надьки не было. Как она его скребком ласкала, специальной щеткой вычесывала, что-то приговаривала, ласково похлопывая по крупу. А ездила совсем, как маль-

чишка без седла, без узды, ухватившись за гриву, и ловко поддавая, под бока лошади, босыми ногами.

Любила жизнь Надюха. А еще прозвали ее в деревне Надька – голожопка, до двенадцати весен любила девка голышом купаться. Не стеснялась ни сверстников, ни взрослых, а плавала, как гальян, дольше всех пацанов под водой держалась. Нырнет бывало в одном месте, а вынырнет там где никто и не ждет. Ну форменный гальян.

Училась хорошо, но после четырех лет, не захотела ехать в город в интернат, так и осталась дома матери помогать.

Когда Надьке стукнуло тринадцать, случилось не поправимое, в лесу на лесоповале задавило сосной отца. Привезли его в деревню еще живого, но немного оставалось Сергею Карелину – отцу семейство, рыбаку и охотнику. На рубеже пятидесятивосьми лет ушел из жизни отец Надьки. Остались они с матерью вдвоем в этот огромном неустроенном мире.

Старший сын лет семь, как в городе жил, дом купил, детишки подрастали. Неплохо жил мужик, а о деревенских родственниках, вроде бы, и забыл. Все тепло, что осталось в сердце старой женщины, досталось младшенькой, самой любимой из детей.

А деревня жила своей обычной жизнью. Два десятка лет прошло после войны, а жизнь лучше не стала, сеяли хлеба, но какие в этих широтах урожаи, животноводство тоже как-то не прижилось, да и люди работали ни шатко, ни валко. Так и жили: завалят зверя – зима с мясом, рыбы наловят, а если еще и коровенка в хозяйстве есть, значит, голод зимой обойдет семью стороной. Но не во всех семьях был даже керосин в лампах, многие семьи коротали зимние вечера с лучиной. И потянулись семьи из деревни в город, хотя и в городе жизнь медом не казалась, но детей учить надо, да и с работенкой в городе проще. Попробуй, осуди человека за мечту о лучшей жизни. И опустела деревня, в редких окнах светили по вечерам огоньки. Мало ребятишек осталось в школе, да и не в чем зимой ходить, пообносились все. Зимой в калошах ходили, что от старших оставались.

Весной у Надьки умерла мать, не долго после мужа прожила, многих тогда в деревне тиф подобрал. Совсем обзлюдила деревня.

Осталась Надька одна. Пятнадцатый год пошел девчонке, и как бы не была ее жизнь, округлилась, похорошела Надька. Иногда и сама стеснялась своей красоты, стеснялась что грудь так бессовестно торчит из-под кофточки, что красивые ноги заставляли оглядываться встречных мужиков. Надька как-то притихла, уже не купалась в веселой компании пацанов и девочек, а уходила в кусты за школой и плавали там в одиночестве. Но однажды и там нашли ее любопытные глаза. Искупавшись, прилегла Надька нагая на разостланное полотенце позагорать. Хорошо грело солнце, теплый ветерок обдувал тело. И думалось так хорошо: «Отпроситься бы у председателя, да в город к брату съездить. Но нет, не отпустит, хоть и мала девчонка, но и ее руки в колхозе на учете, нет, не отпустит».

В кустах щебетала какая-то пичуга, но вдруг сорвалась и улетела. Треснули сучья, в кустах кто-то был. Надька вскочила, прикрываясь полотенцем. В кустах, улыбаясь, стоял конюх. Боров смутился застигнутый за неприглядным занятием соглядатая.

– Что уставился, дядя Федя?

– Прости, дочка, случайно на тебя набрел. Да ты не стесняйся, у меня своя такая же, – но продолжал пялиться на обнаженную Надьку.

Надька натянула на голое тело старенькое платье и быстро пошла по направлению к деревне.

Прошло несколько дней, и однажды Боров остановил Надьку посреди улицы.

– Как живешь Надежда, одной-то тошно наверно? Заходи с моими девками посидеть, а то с ними ни какого сладу.

У Борова была большая семья, четверо детей и все девки. Худые и плоские, как мать, всегда небрежно одетые, они любили почесать языками про соседей. Они всегда все и про всех знали, могли и приврать не краснея. Боров изредка поколачивал жену, доставалось и дочерям и тогда с его подво-

рья раздавались визг и вопли. Не любили их в деревне, да и сам Боров был, как битюг, мало с кем разговаривал. Всегда смотрел из-под кустистых бровей с недоброй ухмылкой. Никто не знал, сколько ему лет, можно было дать и сорок и пятьдесят. Волосы были не определенного цвета, и не седые, а какого-то грязно пепельного цвета. Что-то отталкивающее было в этом человеке.

Но он любил лошадей, и горе было тому работнику, кто плохо обращался с лошадью.

– Ой, некогда дядя Федя, по гостям ходить, днем на поле, а вечером свой огород обиходить надо, чтобы зимой зубы на полку не сложить.

– Хорошая из тебя хозяйка выросла. Жаль, мне сына Бог не дал, а то возможно и породнились бы.

– Ой, что ты дядя Федя я об этом пока не думаю

Боров внимательно смотрит на Надьку, а что там за его густыми бровями не понять.

– Послушай Надежда, дело до тебя есть. Кони за зиму сильно отощали, на зеленку бы им пора, – он почесал затылок. – Может, подберешь пару пацанов, да сгоняешь коней в ночное? А я постараюсь, чтобы председатель пару трудодней начислил. Как на это смотришь?

Надька задумалась: дома одной ночь коротать, а там с ребятами возле костра, смотришь, еще и трудодни начислят. А почему бы и нет?

– Когда коней гнать надо?

– Да можно и сегодня, успеешь ребят собрать,

– А что их собирать, соседи Ганька с Ленькой всегда под рукой.

– Вот и ладненько Надежда. Подходите поближе к вечеру на конюшню.

Полтора десятка лошадей, при трех голопузых всадниках с шиком пронеслись по деревне. Напылили, курей поразогнали и исчезли за околицей, оставив за собой магазин, где всегда по вечерам собирались мужики потолковать о жизни, школу на окраине деревни и в луга, в просторы, в ночное. За деревней поехали тише, пацаны по бокам не-

большого табуна, Надька замыкала, подгоняя отстающих коней. Мальчишки о чем-то громко перекликались, а у нее свои уже не детские думы. Денег в доме нет, из провизии только картошка, да квашеная капуста, да туесок соленых ельцов остался.

– Пока проживу, а вот на себя одеть совсем нечего, – горько засмеялась Надька. – Вечером на посиделки сходить стыдно, а дома сидеть тошно.

Надька донашивала одежонку оставшуюся после матери, обновок давно уже не покупала. Да на что купишь? Вроде и с голоду не пухнет девчонка, а жить тяжело.

– Ничего, скоро зеленуха полезет, черемша подрастет, – успокаивает себя Надька.

А тут еще Гришка Кузаков беспокоить начал. Ну что надо парню? То рядом подсядет, то за руку схватит, вроде девок в деревне нет, вон и красивые и разодетые, не все так мыкаются, как Надька. А все равно приятно, парень он не плохой, правда, учился слабо, из третьего класса так и не вылез, пришлось бросить школу. Зато отцу первый помощник: – Все равно дурак, что при всем народе за руку хватать.

То хмурясь, то чему-то улыбаясь ехала Надька опустив поводья. Где-то далеко кричали утки, пахло черемухой и полынью.

Остановились за дальними озерами. Здесь и раньше пасли табун, только раньше в нем насчитывалось больше сотни лошадей, а теперь горькие остатки от бывшего – большие, заезженные клячи.

Разожгли костер. Ганька, в соседнем лесочке, вырубил удилище, приладил к нему леску и убежал на озеро. Ленька достал нож, начал мастерить бич, а Надька, укрепив над костром котелок, решила вскипятить чай.

– Зачем тебе Ленька бич? – смеется Надька, – кони еле ходят, да их как гусей хворостиной гнать надо.

– Ничего вы девчонки не понимаете. Какой же табунщик без бича?

– Ха-ха-ха, – Надька упала в траву, – да где ты видишь табун, а тем более табунщика, стадо кляч, да три подпaska

Ленька обиделся, лицо его покраснелось от злости.

– Ну что ты на душу капашь? Никогда кони не могут быть стадом! Кони это ого-го-го!1 Кони это табун!

– Молодец Ленька, что лошадей любишь. Кони даже в старости, даже под хомутом затурканные, всегда будут самыми любимыми, самыми умными животными. И бич для лошади не нужен, ее лаской погонять надо.

Солнце спряталось за верхушки деревьев. Послышались шаги, от озера возвращался Ганька, на плече удочка в руках целлофановый мешок с карасями. .

– Вот это молодец, – похвалила парня Надька, – сейчас будем рыбу печь.

– Ты соли прихватила? – Ганька опустил на траву у костра.

– У меня есть, – откликнулся Ленька, – Надя почишь рыбу.

Надька чистит карасей, ловко работая ножом, потом, посолив, она нанизывает их на прутики.

– А теперь ребята надо разгрести костер, чтобы не было огня и жарить рыбу на горячих углях

– Не учи ученого, – ворчит Ленька, разгребая палкой костреице.

Заварили чай, правда заварка была из сушеной моркови с какими-то травами. Но после карасей чай показался вкусным, гораздо вкуснее, чем дома. Ребята развалились на траве, сытые и довольные жизнью. Где-то в темноте похрустывали травой кони. Звезды, большие и яркие, казалось горели совсем низко над землей.

– Ребята, рядом копешка соломы пошли принесем под бока бросить, а то земля еще холодная.

– Да у меня куртка с собой, – заупрямился Ленька.

– Пошли, пошли соломка лишней не будет, – согласился Ганька.

Принесли соломы, расстелили, поверх бросили куртки и довольные улеглись, подставив бока под жар костра.

– А где Надька? – спохватился Ганька. – Надька, мы спать ложимся!

– Спице, я здесь на соломе лягу, – отозвалась от копешки девчонка.

– Эх, теперь закурить бы, – вздохнул мечтательно Ленька.

– Держи я у отца спер, протянул Ганька большой табачный лист.

Натерли табаку, завернули сигарки и довольные задымили, изредка сплевывая. А ночь вступила в свои права, замолкли птицы, кони перестали шуршать травой, лишь где-то на озере иногда всплескивала рыба. Угомонились и парни, прижавшись спинами друг к другу, спали табунчики. Хорошо спали.

Надька, раскинув руки, примяв прошлогоднюю солому, смотрит в небо. Что там в этом бездонном пространстве? Где – то слышала, что там тоже может быть жизнь, чудно, однако. Говорят Бога нет, и в школе так учили, но кто же создал все это? Вот эти луга, леса, озера, для чего все это? Мама умерла, оставила меня, сестру, брата, а для чего, неужели чтобы и мы мучались, как она? Ведь в мире есть все: хлеба, овощи, скот, машины всякие, так почему люди так плохо живут? И вообще, что в этой жизни главное? Опять же Гришка дурак такой, что он ко мне прилепился, ведь других девок много.

Надька засыпала спокойно, хорошо. Где-то под соломой скребутся мыши, но она их уже не слышала.

Не слышала, как к костру подъехал всадник. Костер уже совсем погас. Всадник спрыгнул с коня, подбросил в костер сухих веток. Веселый огонек осветил лицо конюха. Боров посмотрел на спящих пацанов, их было двое с любопытством обшарил взглядом темноту. Пошел к лошадям, что спутанными стояли не далеко от костра. Надьки и там не было. Возвращаясь к костру, увидел копешку соломы, свернул туда. Надька спала, раскинув руки, старенькое платье задралось, обнажив красивые, загорелые ноги. Боров вспомнил, как она выходили из воды мокрая, лоснящаяся на солнце и покрутил головой, как бы отгоняя наваждение. Развернувшись, он пошел к костру. Снял куртку, бросил на

траву, достал из сумки, притороченной к седлу, бутылку са-могонки и сел на разостланную куртку у костра. Он долго смотрел на языки пламени, потом большими глотками опорожнил бутылку на треть. Снова устался в костер, густые, полу седые брови почти совсем скрывают глаза. . Боров долго о чем-то думает, потом делает несколько глотков из бутылки, поднимается и решительно направляется в сторону копешки.

А Надька спала и улыбалась. Они играли с мальчишками в прятки возле школы, как мало их мальчишек и девчонок осталось в родной деревне. Один голит, а остальные прячутся кто где. Какие только укромные места не знают пацаны. Надька спряталась в кустах, за которыми когда-то купалась, как здесь хорошо. Чьи-то горячие руки обняли Надьку за плечи, оглянувшись, она узнала Гришку, но не отстранилась, а еще плотнее прижалась спиной к его груди. Его горячие губы целуют ее лицо, шею, его бессовестные руки проникли под платье, и ласкают ее небольшие крепкие груди. Она хочет оттолкнуть Гришку и просыпается. Страх, холодный страх парализовал Надьку. Рядом с ней кто-то громко сопит, ее старенькое платье задрано до самой шеи, и огромная рука гладит, мнет ее груди, плечи, живот. Надька хочет закричать, но ее рот закрыл, запечатал чей-то зловонный поцелуй. Надька теряет сознание, а огромная рука уже ползет вниз по телу. Ни рукой, ни ногой пошевелить не возможно, она словно придавлена огромным, пахнущим самогоном, телом, навалившимся на девчонку. Вдруг всепоглощающая боль пронзила измятую, не способную пошевелиться Надьку. Она закричала, но крик заглох под огромной ладонью, накрывшей ей рот. Сотни иголок вонзились в тело, и не было от них спасения. А он все двигал и двигал, вдавливая ее в солому, целовал губы, кусал шею и груди. Надька уже не, не понимала, где она и что с ней происходит. Вдруг Боров как-то странно замычал и остановился, потом еще раза два дернулся и отвалился на спину. Он сел, обхватил голову руками, и некоторое время сидел, раскачиваясь из стороны в сторону, казалось,

он мучился поздним раскаянием. Потом встал, и, раскачиваясь, пошел к костру. А ребята спят, крепко спят табунчики.

Надька лежала без чувств, как оставил ее Боров, так и лежала. Она с ужасом понимала, что случилось, она узнала Борова, и тем ужаснее было осознавать, что это он самый грязный, самый ненавистный старик совершил над ней эту гнусность. Слезы хлынули, хотя она и не хотела плакать, она жить, не хотела, той Надьки, что примчалась сюда на коне, уже нет. Прощай детство, прощай Гришка. Со слезами, всхлипывая, как ребенок, Надька забылась, провалилась в черное бездонное бесчувствие.

Часа два Боров сидел возле костра. Была начата вторая бутылка самогона. Ребята спали, лица их покраснелись от жаркого костра, Боров сходил в сторонку от костра по нужде, посмотрел коней, они тихо дремали, отмахиваясь хвостами от ночных мух. Глотнув еще из бутылки, Боров поднялся и снова пошел к копешке.

Надька вскочила, услышав приближающиеся шаги, но крепкий удар бросил ее обратно на солому.

– Лежи девка, торопиться нам некуда, вся ночь впереди.

– Что тебе надо? – прохрипела Надька сдавленным голосом.

– Понравилась ты мне, девка, – криво улыбается насильник. – Одной наверно трудно жить, буду к тебе приходить иногда, не вздумай кочевряжиться, а то спалю тебя вместе с твоей хибарой. А сейчас давай повторим, да поеду я, поспать еще надо.

Надька поползла по копешке, стараясь увернуться от Борова, но крепкие руки схватили ее за ноги, и подтащили к себе. И снова задохнулась девчонка от самогонного перегара, она вскрикнула и тихо заплакала. А Боров вгрызался в нее, мурлыча, как кот и приговаривая

– Хороша девка, ох, хороша! Вот так, ядрена вошь, вот так!

Он долго и безжалостно терзал обессиленную Надьку. Как он уходил, она не помнит, она не помнит, как дожила до утра, не знает.

Лишь только небо на востоке слегка заголубело, Надька поднялась, как пьяная, пошатываясь, пошла к озеру. Сбросила платье, забрела по пояс в холодную воду и долго мылась, стараясь намоченной косынкой стереть не только всю мразь прошедшей ночи, но, кажется, и кожу, которую лапали грязные, ненавистные руки. Потом пришла к костру, подбросила веток в догорающий костер и долго смотрела в алчные языки пламени. О чем она думала, какие мысли будоражили ее воспаленный мозг? Только языки пламени вспыхивали в пустых глазах девчонки.

Прошло несколько дней, Надька не показывалась ни в поле, ни на улице. Ее усадьба, как будто вымерла, даже куры не ходили по ограде. Бригадиру, что по утрам делал разнарядку, сказала больная, да он и сам видел, что не вполне здорова девка.

– Умоталась девчонка, слаба еще, в поле горбатиться, – решил бригадир и не стал больше по утрам ее беспокоить. А вскоре соседка заметила, что Надька перестала открывать ставни на окнах, пошла ее навестить, а на дверях замок. И лодка, что лежала на берегу, тоже исчезла. Еще одним пустым домом стало больше в деревне, и никогда не узнает деревня, о той трагедии, что случилась с одной из дочерей ее.

А вскоре новая новость всколыхнула деревню, потерял конюх, Лодку Борова нашли в кустах у Чертовой куры. Борт лодки был прошит пулей, а сам хозяин исчез. Осталась еще одна семья без кормильца. Мужики облазили все прибрежные кусты, проневолили сетями реку, но конюха так и не нашли. И что за напасть на мужиков: кого убьют, кто в тайге сгинет, а кто сам, спившись, губит себя в повседневной безнадее.

Глава 3

Там, где таежная речка Ия сливается с быстрой своенравной Тунгуской, на высоком берегу стоит коопзверосовхоз с красивым названием Таежная благодать.

Любят эвенки красоту: парку разошьют или комасы бисером украсят, смотреть любо. И олешки у них ухожены, красивой упряжью разукрашены. Но суровые будни иногда вносят свои поправки, и с названием зверосовхоза произошла своя метаморфоза. Стерлось временем напыщенное слово благодать, осталось просто Таежный – коротко и просто.

Директором в Таежном был коренной эвенок Петр Сергеевич Алымов. Больше десяти лет хозяйствовал в совхозе Алымов, любили охотники своего председателя, да и как не любить честного, порядочного человека. Договора с охотниками заключает по совести, провиантом снабжает, продуктами. Да и сам директор охотник знатный, большим авторитетом и уважением пользуется у промысловиков.

Вот и сегодня, взвесив дробь и порох, Петр Сергеевич поворачивается к Матвею.

– Все охотник, на сезон, однако, хватит

– Пистонов пачку еще брось, а то не известно, как промысел пойдет, может и не хватить провианта, – Матвей поворачивается к товарищу, сидящему на подоконнике. – Виктор Ильич, как думаешь промысел будет?

Огромного роста, сильно сутулый мужчина почесал затылок.

– Не люблю я наперво загадывать, фарту не будет,, но провианту думаю тоже взять побольше.

Мужики захохотали, а огромный, сурового вида Виктор Ильич смутился, как подросток.

– Ох, и хитрый ты мужик

– Не хитрый, а трезвый, – отозвался Виктор Ильич.

– Стоит ли делить шкуру не убитого медведя, – рассудил Петр Сергеевич.

В магазин заглянула Пелагея, худосочная, вечно чем-то недовольная бабенка. Оглядев мужиков, запричитала

– Все люди, как люди, к промыслу готовятся, а мой лиходей опять запил. И куда только лезет?

– И что вы бабы за злыдни такие, ну что ты мужика чернишь? Ведь он в тайге самый фартовый охотник. Да пусть попьет мужик, пусть покуражится, на всю зиму, чай, в тайгу уйдет.

– Надоела мне его пьянка! – сильнее прежнего кричит Пелагея, – Весь дом провонял сивухой, пора бы и остепениться!

– Успокойся, Пелагея, придет Терентий, я с ним поговорю, – успокаивает бабу Петр Сергеевич.

– Батогом его надо, тогда может и поймет, ну да ладно, горькую ему больше не давай Сергеевич, может и оклемается.

Ушла баба что-то, бормоча, кляня своего незадачливого мужа. Матвей слаживает приобретенный провиант в сумку, ворчит.

– От такой бабы не хочешь, да запьешь.

– А что мужики, может по маленькой? – глаза Матвея хитро заблестели. Сергеевич запиши там на меня.

– Вот это можно, – крикнул Виктор Ильич, огромной рукой вытирая растянувшиеся в улыбке губы.

– Чем закусим, может банку тушенки открыть? – лезет под прилавок Петр Сергеевич.

– Да нет, солонины порежь, да хлеба с луком, – предложил Виктор.

Разложили на прилавке не хитрую снедь, Петр Сергеевич достал бутылку водки, его узкие глазки обрамленные веселыми морщинками, хитро улыбаются. Весь он был до боли домашним, добрым и каким-то уютным, этот уже не молодой эвенок.

– Что ж давайте за фартовый промысел, – поднял кружку Матвей.

– До промысла еще далеко, – отозвался Виктор, – я вот нынешней осенью думаю в орешник нырнуть, орех ноне

богато уродился. Баб своих возьму грибов ягод впрок заготовить, чтобы зимой веселее было.

– А у меня вот собака сдохла, не знаю, как в тайгу идти, – вздохнул Матвей.

– Да, без собаки, какой промысел, – согласился Петр Сергеевич, – Могу Дамку свою одолжить. Белку она берет хорошо, а вот на зверя слаба, боится, понимаешь, зверя.

– Трусоватая собака плохо, – разливая по кружкам, согласился Матвей, – но и шибко храбрая тоже не подарок. Вон мой Казбек без ума бросался на зверя, а что толку, помял медведь собаку, пришлось закопать.

– В леспрохозе Кеха хромой продает суку, молодая еще сука натаскивать надо, но с моей Дамкой за сезон втянется. Кеха-то, какой охотник, так себе, – смеется Петр Сергеевич, – мясо зимой ребятишкам подкинешь, вот и будет тебе собака.

– Вот это хорошо, надо съездить до Кехи, вот это хорошо, – посветлел, облегченно вздыхая, Матвей, – Спасибо Сергеевич, за это и выпить не грех.

Мужики крикнули, занюхивая краюхой хлеба. На некоторое время установилась тишина, закусывали мужики, думая каждый о своем. .

– Так-так, да здесь никак праздник, – в дверях прислонившись к косяку, стоит, улыбаясь, Ромашка. – Что справляем, или кого поминаем? – Ромашка ехидно смеется фальцетом, его маленькие глазки мышатами бегают на испитом лице, он словно хочет убедиться, нет ли еще кого в магазине.

Не высокий, с редкими, рыжими волосами, бесцветными и водянистыми глазками, казалось, он всегда плакал. Трудно было сказать, сколько ему лет, Зимой и летом он ходил в старой солдатской шапке, и замасленной телогрейке, стоптанные кирзачи завершали непритязательный наряд. В зверосовхозе его не шибко привечали, бы он скандальным, по – бабьи склочным мужичонкой. Жил бобылем, в старом кем-то брошенном домишке. Откуда появился Ромашка, никто не знал. По его рассказам объехал он всю Россию, но кто поверит Ромашке этому жалкому перекати-полю.

– Пьете? Это хорошо, я уже забыл, как она проклятая пахнет, – зачастил Ромашка, – раньше-то я любил ее проклятую. Эх, какие водки я пил! Столичная, Петровская – чистойшей слезы напитки. А вы что пьете Сучок? Плесни Сергеевич, дай душе порадоваться.

Мужики переглянулись, Виктор уже собрался резко ответить, но Петр Сергеевич остановил его взглядом.

– Садись Роман, есть, однако, хочешь, – подал ему кусок хлеба, накрытый хорошим куском сала, и пододвинул свою кружку. – Как живешь-то?

– Живу, как птичка,...не знаю, переживу эту зиму или нет.

– Работать надо Ромашка, тогда и жизнь легче станет, – не выдержал Виктор, – лодырь ты, где подадут, а где сам стащишь. Тьфу, тля ты, а не птичка!

– Правду говоришь, Виктор Ильич, слаб я, и телом и душой слаб. Живу, как былинка при дороге, любой наступить может.

– Огород-то хоть садишь? – поинтересовался Матвей.

– Картошка наросла, ну и по мелочи кое-что.

– Река рядом, опять же тайга – кормилица наша, ну, как можно от голода пухнуть? Бабы и те с ружьишком по тайге шастают, а ты по деревне только сплетни носишь.

– Хватит Виктор, хватит! Всяк своим умом силен, – вступился за Ромашку Матвей.

Не любил Матвей Егорович склок. Жизнь вдали от дома в охотничьих угодьях, приучила мужика к молчаливой, обстоятельной жизни. Он всегда был готов прийти на помощь ближнему, никогда никого не обидел ни словом, ни делом. Любил выпить, но никто не видел его пьяным. Имел жену и двух сыновей, крепких и красивых. С эвенками Матвей водил дружбу, и они отвечали ему добрым, дружеским отношением.

– Да не могу я терпеть таких мухоморов, горячится Виктор, – пустое место, ни себе, ни людям. Ну, для чего такие на свете живут? Пей болезный, закусывай и мотай отсюда, – зло кинул он Ромашке.

– Не надо Виктор, пусть выпьет, – вмешался Петр Сергеевич, – допивайте мужики, пора закрывать магазин, поздно уже, да и дома надо кое-что сварганить. Нарты совсем за лето разошлись, сети надо перебрать, может, где подштопать придется.

Дверь в магазин отварила, пропуская девчущку лет тринадцати. Высокая, черноволосая красавица с удивительными, раскосыми глазами, высокий, чистый лоб и тонкий правильный нос еще сильнее подчеркивали удивительную красоту девочки.

– О, голубка моя прилетела, – широко заулыбался Петр Сергеевич. – Что потеряли батьку, Катюша?

– Матушке что-то совсем плохо, батя. Лежит, побледнела вся, тебя звать велела, батя.

Ждет Петр Сергеевич прибавления в семье. На сорок втором году понесла его Арина, уже и не думали, что такая оказия случится. Но проросло крепкое семя старого эвенка, и над его крышей пролетающий лебедь обронил перо счастья. Светился Петр Сергеевич, как новый полтинник,

Разогнулась спина, а ноги носили его по поселку, как в далекой молодости.

– Сейчас Катюха, – засуетился Петр Сергеевич, – Ох, грех-то какой, засиделся тут с вами мужики, а дома напасть такая. Все, все мужики, давайте по домам!

– Сергеевич, я что зашел-то, хлеба одолжи, а то дома крошки нет. Платить нечем, может, отработаю когда, – взмолился Ромашка.

Петр Сергеевич молча достал из-под прилавка булку хлеба, молча протянул ее Ромашке, и замахал руками.

– Все, все уходи паря, не до тебя мне сегодня.

Дружной толпой мужики вываливаются из магазина.

Глава 4

Арина работала всю свою жизнь, кроме работы она ни чего не помнила. Работала в детстве, работала в юности, да и после замужества работа была ее главным занятием. Муж жалел ее, стараясь всю тяжесть бытия взять на свои плечи, оставив для жены что полегче. Но разве есть в деревне легкая работа? А быть женой охотника, всегда тяжкий труд. С осени и до весны муж в тайге на промысле, и вся тяжесть домашней работы ложится на женские плечи. А летом: огород, скотина, покос, жатва и десятки других мелких забот по хозяйству. Нередко и на охоту ходила Арина, чтобы не разлучатся с мужем. Стреляла не хуже любого мужика и сети ставила, и заездки рубила, всякая работа кипела в руках Арины.

Удивлялись деревенские бабы, чем смог увлечь первую красавицу, пришедший с фронта старший лейтенант Петр Алымов, не высокого роста, да к тому же эвенок по национальности. Но Арине приглянулся этот не высокий, крепко скроенный молодой охотник. Прошли десятилетия, подросла дочь, но они все так же нежно обожали друг друга. Вот и еще одного наследника собирается подарить Арина своему Сергеевичу. Запоздали немного, но кто осудит два любящих сердца, что так поздно еще раз улыбнулось им счастье.

Все было хорошо, да вот напасть какая, хотела Арина чугунок с вареной картошкой поднять чтобы свиней накормить, и вдруг хрустнуло что-то в спине. Боль разлилась по низу живота, да такая острая, пронизывающая боль, что еле до кровати доползла бедная баба. А тут, как на грех, дома нет ни кого, Сергеевич в магазине охотников отоваривает, сезон ведь скоро, а Катюха по своим девичьим делам по поселку шастает. Устроилась Арина поудобнее в постели, и провалялась весь день, боясь пальцем пошевелить. Под вечер заглянула соседка по какой-то нужде.

– Ульяна, что-то прихватило меня, до магазина дойди Петра покличь, не посчитай за труд.

– Может, помочь чем, травки, какой заварить, я мигом.

– Нет, ты Петра позови, или, может, Катюху встретишь, ушла куда-то и душа не болит у девки. Ты что приходила, может что нужно?

Ульяна махнула рукой и скрылась за дверью. Не плохой бабой была Ульяна, да жизнь не жаловала ее, муж был запойным: и работающий, и лицом пригож, но любил водку, как олень кусок соли. А под хмельком любил Терентий покуражиться. Все свои обиды, которые всплывали в хмельном мозгу, и действительные, и придуманные, решал с помощью кулаков. А кулак у Терентия, с хорошую кувалдочку. Кто испытал вес его кулаков, может подтвердить. Был у них сын, да по глупости утонул в прошлом году. С тех пор совсем свихнулся Терентий.

Лето напролет пьет, а Ульяна в слезах, не чесаная, в грязном, старом халате бегаёт по соседям, ища защиты и умиротворения. Но, как только открывался охотничий сезон, преображался Терентий. Кормил и холил собак, закупал провиант, бегал по поселку помолодевший и какой-то обновленный. Он спешил в тайгу, как в спасительную обитель, словно только тайга могла излечить его от недуга.

Отличный охотник был Терентий, любил он тайгу, и она отвечала ему взаимностью. Даже в самые не урожайные годы, когда приходили охотники с промысла налегке, Терентий приходил не с пустыми руками. Много прощали ему мужики за его охотничий талант.

Петр Сергеевич пришел домой вместе с дочерью, не раздеваясь, бросился к кровати.

– Что с тобой Аринушка, схватки начались? – он гладит ее волосы, заглядывает в глаза, словно надеясь увидеть в них ответ на свой вопрос.

– Рано вроде бы, а что-то скололо всю поясницу, пошевелиться не могу. Там на полке у меня сирень настоящая, натри мне поясницу.

– Катя, сходи за Екатериной Михайловной, – повернулся Петр к испуганной дочери, – попроси, чтобы пришла, не

верю я в эти настойки. Я натру, а вдруг при беременности нельзя.

Дочь ушла, а Петр Сергеевич достал из-за печки черную бутылку, понюхал, поморщился.

– Подождем Ариша, сейчас Михайловна придет, а то, не зная, помажем, как бы лиха не случилось. Подождем коса-тушка.

Он ласково гладит Арину по голове, поправляет подушку, весь какой-то виновато – расстроенный этот всегда спокойный, уверенный в себе человек. Наклонился к печке, не понимая что она холодная, подбросил дров, долил чайник и поставил на печку. Потом опять склонился к изголовью жены.

– Что-то Катюхи долго нет, может мне самому сбегать? – он поднялся, собираясь идти, но на крыльце послышались шаги. – Кажется, идут потерпи, Аринушка.

В дверях показалась дородная фигура поселковой повитухи. Она сразу заполнила половину горницы, а от низкого, почти мужского голоса, кажется, задрожала посуда в буфете.

– Ну что разлеглась, никак собираешься опростаться? Рано милая, рано! Чем занималась, никак мешки таскала, тебе, как раз в твоём положении.

Она сбросила с плеч какую-то фуфайку, наверно копалась в огороде, подошла к рукомойнику.

– Дай-ка Сергеевич тряпку, руки вытереть, да идите с Катюшей во двор. Мы тут сами с Ариной разберемся рожать нам или повременить.

Петр Сергеевич с Катей вышли на крыльцо, сели на ступеньки, прижавшись, друг к другу. Вечер был теплый, еще совсем летним, лишь, иногда, вечерний ветерок дышал прохладой. Мычали где-то еще не доенные коровы, лаяли собаки, да монотонно стучал в кузне припозднившийся кузнец. Милые звуки русской деревни.

Вся жизнь прошла у Петра в этом поселке под аккомпанемент этих звуков. Здесь он родился, здесь охотились его родители, отсюда ушел он в армию. Окончил годичную

школу, а там фронт, фронтовая разведка, кровь, госпиталь. Господи, как снились ему не госпитальной койке родные места, даже Трезорка его любимая собака и та прибежала по ночам в его солдатские сны. Многих друзей похоронил Петр Сергеевич, ох, многих оставил в чужой земле. А сам пришел, через всю Европу добираясь до этих мест, сколько стран повидал, и только здесь вновь почувствовал себя дома. Какое это счастье: родной дом, семья, друзья к которым прикипел сердцем с далекого детства, вот эта речка и тайга на том берегу. Как тосковал Петр по своей тайге, по зимовьюхе, что притулилась в распадке у Золотого ключа. Пол жизни прожил в той зимовьюхе. Катя хлюпает носом на плече у Петра Сергеевича.

– Ты что дочка сырость разводишь? Скоро мамка нам парня родит, братишка у тебя будет, счастье-то, какое.

– Да, я ничего папаня, мамку жалко, боль-то какая, вон, она как побледнела, хоть и вида не показывает.

– Сильная у нас маменька, Катя, – тихо молвит Петр Сергеевич, чувствуя, что у него что-то запершило в горле.

Старый охотник отвернулся от дочери и протер пушинку, попавшую в глаз. На крыльцо вышла Михайловна, потопталась, словно что-то вспоминая, потом снова направилась в горницу, через минуту вышла с фуфайкой в руках.

– Знаешь, Сергеевич, везти надо Арину в леспромхоз, там акушерский пункт, врач есть, а я ей помочь не смогу. Чугунку она подняла, вот и надорвалась. Беречь надо бабу, эх, грехи наши тяжкие, – крестится старая повитуха. – Вези Петя нельзя медлить, – тихо добавила Михайловна и пошла за калитку. Потом вернулась, как будто что-то вспомнила. Лучше водой, быстрее будет.

– Как же водой, – соображает Петр Сергеевич, – скоро совсем темно станет. До утра ждать тоже не резон. За полтора часа на моторке с Божьей помощью доберусь. Нет, надо ехать.

Светило упало за горизонт, но небо еще светлое, а макушки деревьев купаются в последних лучах солнца. Осенний день уходит на покой. По Тунгуске шустро скользит мотор-

ка, разрезая темно – фиолетовые воды. От холодной воды – мурашки по телу. Петр Сергеевич прикрыл жену плащом, чтобы холодные брызги не беспокоили больную. Арина прикрыла глаза и как будто дремала, но иногда, видно от боли, судорога искажала прекрасные черты лица.

– Прикрой лицо дорогая, – предложил Петр Сергеевич, – с полчасика потерпи, скоро приедем.

Арина молчит, широко открытыми глазами, она нежно смотрит на мужа. Постарел ее Петр, а какой был мужчина. Эх, годы, годы, что вы с нами делаете? Арина вспомнила, как встречала деревня своих солдат, вернувшихся с фронта.

Их ждали с утра. Бабы накрыли столы скудной снедью, но мясо, рыбы, самогонки было достаточно. Мужики с утра ходили навеселе, поглядывая за реку, не покажутся ли дорогие гости. Но задержались в городе фронтовики, и там были старые друзья еще по школьным годам, кого пощадила война.

Ближе к вечеру на противоположном берегу показались два всадника. Первыми, как всегда, увидели фронтовиков мальчишки, закричали, замахали майками пацаны. И тут с берега раздалась выстрелы, это мужики, похватав ружья, салютуют защитникам, вернувшимся домой.

Кажется, боль, раздирающая тело женщины, немного опустила. А лодка бежит, чуть покачиваясь на волнах. И снова сладкие воспоминания трогают улыбкой губы женщины.

По броду лошади перешли реку, и солдаты оказались среди родных и близких. Улыбки, крепкие объятия и слезы, Ну, как же без слез в такой момент. Любят наши бабы поплакать: и с горя, и с радости, от безумного смеха, и задушевной песни плачут русские бабы. Рождаются со слезами, живут с мокрыми глазами и умирают, не успев вытереть слез.

За столом Арина оказалась напротив Петра Алымова. Не высокий, крепко скроенный старший лейтенант, казалось, не обращал внимания на красивую таежницу. Офицерская форма ладно сидела на нем, на груди скромно поблескивал орден Красной звезды. Рубиновый цвет ордена был почти

незаметен на кителе. Ни какой позолоты, только рубиново кровавый цвет войны.

– Что-то скромно Петр Сергеевич? – указывая глазами на грудь, смеется Арина.

Петр поднял глаза, два черных, бездонных омута, и как-то по-хорошему улыбнулся.

– По Сеньке и шапка красавица! Кто что заслужил, тем и бренчит. Был у нас повар, полный иконостас носил, да что-то никто не завидовал. Но и я в кусты не прятался, поверь на слово, и перед начальством шапку не ломал.

– Ох, и въедлива ты Аришка, – вступился за товарища друг детства Витька Кузаков, – вернулся домой солдат, руки, ноги целы, а тебе еще и ордена подавай. Ну, кончились ордена, не хватило на всех, теперь что и домой не появляйся? А ты его Ариша без орденов полюби.

Арина вдруг покраснела, хорошо в сумерках никто не заметил, как растерялась эта бой-девка.

Гуляли долго, пили много, слушали рассказы фронтовиков и плакали бабы, не у всех вернулись кормильцы. Во многих домах без отцовского пригляда подрастали пацаны. Остались семьи без мужских рук, значит, впрягайся снова баба, как в военное лихолетье, гни хребет и нет тебе бедной заменушки. Расходились под утро, хмельные, полусонные, кто с песней, а кто и со слезами.

Терентий Рыбин, огромный, давно не стриженный, в белой рубашке с порванным рукавом, шел по середине улицы, что-то напевая. Он был изрядно пьян, что соответствовало его повседневному состоянию. Его молодая жена шла следом с хворостиной в руках, перелопачивая в памяти пережитии минувшего вечера.

Аришка со своей подругой Верой Селезневой остановились у кузаковской баньки, что стояла на самом косогора над рекой.

– Ты что такая дерганая сегодня? – смеется Верка, приводя в порядок развязавшиеся опорки на чирках.

– Тише ты, иди сюда, – Арина увлекает подругу в тень предбанника.

Зашуршали подвешенные веники, загремела под ногами шайка. Девчонки притихли в темноте, оставив дверь полу открытой.

– Сумасшедшая, да и только, – ворчит Верка, растирая ушибленное колено. – Я здесь в воду села, подумают, что обмочилась. Ох, сумасшедшая.

Из ворот выходили люди, и как тени пошатываясь и перекликаясь, разбрелись по деревне. Вскоре вышли трое парней. Арина до боли сжала руку подруги. Это были Виктор, Петр и их товарищ по школе Сашка Однакурцев. Петр курил, что-то тихо рассказывая товарищам. Наконец и они стали расходиться, Виктор с Сашкой пошли на зада деревни, а Петр побрел вдоль по улице, попыхивая сигаркой. Он шел в сторону от родного дома, вероятно, захотел человек прогуляться после шумного, пропахшего табаком и самогоном, застолья. Ведь так хорошо дома после трудных и таких далеких дорог войны. Тихо, где-то внизу, под яром плещет в темноте река, и звезды такие яркие и загадочные мерцают совсем низко над головой.

– Заблудился капитан, или из дома выгнали?

Петр оглянулся, огромные, красивые глаза глядели прямо в душу, косынка небрежно брошенная на плечи, чуть прикрывала высокую, нервно вздрагивающую, грудь.

Хороша девка, правда на голову выше Петра, но он не придал этому значения, не думал солдат, что стоит перед ним его судьба, его единственная на всю жизнь, Богом данная, половина.

– Ты, чья будешь, красавица? Как вы все выросли! На фронт уходил, наверно, без штанов бегала, а тут смотреть боязно, в глазах утонуть можно.

Арина нервно смеется.

– А я помню, как вас провожали. Мать ваша белугой кричала, видно чувствовала, что не дождетя.

Сигарка задрожала в губах Петра, он отвернулся от девушки, поправил ворот кителя.

– Чья ты красавица, убей, не вспомню? – перевел разговор Петр.

– Поликарповская я, отца еще до войны медведь задрал, а маманя два года, как убралась. Живу теперь у тетки, а у нее своих огольцов четверо. Вы то, как в город уедете или здесь жизнь налаживать будете?

– Здесь, девонька, здесь! Нет у меня на этой земле другого места. Звать-то тебя как?

– Ариной назвали, а для вас капитан, Арина Николаевна, -деваха звонко смеется, хитро прищурив, свои удивительные глаза.

– Ну вот что Арина Николаевна, во первых не капитан, а старший лейтенант, а во вторых не будем выкать, или я так стар, что по-другому язык не поворачивается?

Арина хохочет, ей легко и как-то особенно хорошо с этим тунгусом в офицерской форме.

– Ой, да конечно старый, сколько тебе лет сорок? А я всего шестнадцатую весну отгуляла.

– Что ты городишь, каких сорок? – остановился Петр. – Двадцать четыре года старшему лейтенанту Алымову. Жених хоть куда!

– Ой, держи меня, жених! Таких женихов у меня до Москвы ра...

– Но и язык у тебя Ариша, нельзя так, ведь ты же девушка.

– Простите, товарищ капитан, я еще молодая, может, исправлюсь, если учитель хороший попадетя.

– Слышишь, петух на задах проснулся. Как давно я не слышал наших петухов, даже сердце зашлось. Как хорошо Арина, как хорошо, что я дома.

.... Моторка скользит по ночной реке, ровно и весело поет мотор, а думы Арины там, в том далеком сорок шестом.

Свадьбу отгуляли шумную, по-деревенски пьяную и зажили молодые на виду у всей деревни. Кто осуждал, а кто и завидовал, были у Арины вздыхатели, кому перешел дорогу Петр Сергеевич. Даже стрелять пробовали. В тайге на охоте прилетела пуля, да видно не для Петра была отлита, впилась в дверную колоду, когда он с собаками возился возле зимовья. Никому не стал рассказывать Петр о той оказии.

Зачем, подозрения к делу не пришьешь, а врагов плодить не в его характере.

...До леспромхоза оставалось совсем ничего, уже виднелись дальние огоньки между деревьями, когда страшный удар остановил лодку. Нос лодки поднялся высоко над водой, на корму, где был подвешен мотор,

хлынула вода. Петр Сергеевич не успел сообразить, что случилось, лодка, двигаясь по скользкому полузатопленному бревну, вдруг накренилась на один борт и, перевернувшись, ушла под воду.

– Арина, где ты, Арина! Кричит Петр в темноту, но только журчание воды на перекате было ответом на истошный крик. Рука ухватила какую-то тряпку в воде, но это был всего лишь брезент, которым он укрывал Арину. Брезент зацепился за сук бревна и полоскался потоком. Петр набрал воздуха и нырнул в темную, как черные чернила воду. Дно было рядом, метра два и Петр нащупал лодку. Ее течением развернуло поперек реки, она лежала, завалившись на один борт, но была пуста. Сколько раз Петр выныривал и, набрав воздуха, снова погружался в холодную, черную воду, но тщетно, Арины не было. Надежды таяли вместе с силами, последним усилием он ухватился за бревно, и вдруг понял, что это все. Страшный вой ни то человека, ни то смертельно раненого зверя разнесся над прибрежной тайгой. Сколько боли, сколько не человеческой скорби было в этом крике. Не дай Бог услышать кому-либо этот крик, эту скорбь человека потерявшего все, что связывало его с этой жизнью, что было дороже самой жизни.

Как он выбрался на берег, Петр не помнит, как упал на холодную, подернутую первыми осенними заморозками землю. Когда он поднял голову, над тайгой робко вставал рассвет. Петр сел, обхватил голову руками и долго так сидел, не соображая, что делать, куда идти. Его била нервная дрожь, он не плакал, нет, на искусанных губах запеклась кровь, глаза с ненавистью смотрели на реку. . Вдруг, что-то вспомнив, он вскочил, подбежал к самой кромке реки и долго обшаривал взглядом противоположный берег. Берег был пуст, он побе-

жал вниз по течению реки, ища взглядом хоть что-то похожее на одежду, на любую тряпку принадлежащую жене. Но ни единого лоскутка не отдала река. Долго бродил Петр по отмелям, длинной палкой шарил по уловам, пробираясь через прибрежные кусты тальника, рвал одежду, ранил до крови руки и ноги. Он не знал, сколько времени прошло, где он находится, сознание отключилось. С трудом выбравшись из зарослей ивняка, Петр упал на землю, сил больше не было. Одна мысль больно стучала в висок.

– За что, Ариша? За что? – Мужик плакал, страшно, больно плакал, слезами, которые не приносят облегчения.

А день разгорался, не по-осеннему теплый день. Солнце уже поднялось высоко над деревьями. Вверх по реке прошла моторная лодка, но Петр даже не пошевелился, чтобы остановить ее, сил уже не было. Надо было вставать и идти к людям, но ноги отказывались нести бременное тело. Подняв палку, Петр, тяжело опираясь на нее,

побрел вдоль берега. Он брел к леспромхозу, огни которого, они видели, плывя по реке. Тогда казалось, что поселок рядом, но прошло больше часа, прежде чем Петр услышал лай собак.

В леспромхозе гуляли свадьбу. Люся повариха из второй бригады, выходила замуж за Саньку тракториста, длинноногого, рыжего парня, весельчака и гулявана. Пили уже второй день, кому надо было напиться – напился, кому надо было подрачься – подрался.

На площадке перед баракom, где жила Люська, гармонист рвал меха старого баяна. Несколько человек отчебучивали что-то невероятное, плясали кто во что горазд: один бил чечетку, не попадая в такт музыке, другой выкаблучивал присядку перед своей хмельной подругой, еще одна пара, прижавшись, друг к другу, пытается попасть в ритм фокстрота. Бедный баян, что он может чувствовать, выдавая такую белиберду, за музыку. Это какофония оглушила единственную улицу леспромхоза, пугая собак, собирая толпу любопытных. Ребятишки с криком и визгом кружатся возле пьяной компании. Бегают собаки, в траве развали-

лась свинья, пьяный мужичонка присматривает рядом место для отдыха. Обычная деревенская картинка, обычная пьяная гульба.

Но для двоих этот тарарам – начало семейной жизни. Кто знает, быть может только Всевышний, как долго будет продолжаться это счастье: год, два, а может им написано в книге Судеб долгая и счастливая жизнь в кругу детей и внуков. А свадьба пела и плакала, пила и кривлялась, дралась и завязывала новую дружбу. Видно это в крови русского человека: пить, так пить в усмерть, любить, так до гроба, или, в крайнем случае, до первой ругани.

Репертуар меняется, старый баян выдает вальс «На сопках Манчжурии», толпа расступилась, молодые закружились в вальсе. Любили ли они, или тоска таежной жизни, вечный инстинкт полов, толкнули их в объятия друг друга. Сейчас они счастливы.

Вдруг музыка захлебнулась каким-то испугом, толпа развернулась и молча смотрит в сторону дороги, идущей от реки.

Тяжело опираясь на палку, в грязной мокрой одежде, с лицом, покрытым засохшей кровью, к толпе приближается человек. «Кто он такой, откуда появился?» – Недоумевают люди, в нем трудно узнать Петра Сергеевича. Почти все в леспромхозе знали Алымова, но сейчас он мало походил на того спокойного, улыбчивого директора зверосовхоза. Потух огонь в глазах старого охотника, согнулась спина, седые волосы, спутанные, грязные, перебирает ветер. Он идет, как слепой не разбирая дороги, запинаясь о камни и колдобины. Страшен и жалок человек, все скорби земные давят его, и никто не может помочь ему в эти минуты.

Он остановился перед толпой, тяжелым, полу сумасшедшим взглядом обвел притихших людей и остановил взгляд на молодых. Счастливые, жених и невеста стоят перед убитым, потерянным Петром Сергеевичем.

– Петр Сергеевич, что с вами? – бросается к несчастному кладовщик леспромхоза. – Вас что ограбили, избили?

Как безумный, оглядывая толпу, Алымов чуть слышно хрипит.

– Я сам себя убил,...сам убил, – и опускается на дорогу.

Глава 5

Прошел год с тех трагических дней. Похоронил Петр Сергеевич свою первую и единственную любовь в Еловке, на родине Арины. Нашли ее через пару дней после трагедии на отмели возле нижнего склада леспромхоза.

Горе, свалившееся на старого охотника, перевернуло всю его жизнь. Постарел Петр, осунулся, голова совсем побелела, а самое паршивое – начал пить старый эвенок.

Появилась странная привычка уходить от людей. Уйдет к реке, сядет на берегу, и может просидеть пол дня в одной позе, не шелохнувшись. Катюха совсем измучилась, после смерти матери она чувствовала, что теряет и отца. Повзрослела Екатерина, похудела, лишь глаза, огромные черные глаза, стали еще прекраснее, еще бездоннее и горе тому парню, который осмелится заглянуть в эти омуты души девичьей.

Работал Петр тоже спустя рукава, в магазине помощницу свою пристроил Евдокию, она и бухгалтерию зверосовхоза вела, а Петр только договора с охотниками подписывал.

Работы было не густо, полтора десятка промысловиков, да летом бабы ягоды, грибы собирали, да в некоторых домах торбаза шили бисером украшая. Но и этим не большим коллективом надо было руководить, а Петр Сергеевич совсем опустил руки. Пил охотник каждый день и пил крепко, бывало, не хватало сил дойти до своей калитки, где свалит сон, там и засыпает. Часто подбирали Петра и приводили домой такие же полупьяные собутыльники. Видели земля-

ки, что погибает мужик, но чем можно было помочь этому потерявшему себя человеку. Одни жалели Петра, другие осуждали, третьи злорадно смеялись, но равнодушных не было. Слишком заметным человеком был в поселке Петр Сергеевич.

Екатерина лежала с открытыми глазами, глядя в потолок. Было еще рано, рассвет заглядывал в окно, но вставать не хотелось. Не хотела и спать, не смотря на то, что пол ночи провела без сна. Опять отец пришел не совсем трезвый. Нет он не ругался, не приставал с пьяными, ненужными разговорами, сбросив сапоги и отказавшись от ужина он прошел в свою комнату. Долго, очень долго скрипели половицы под тяжелыми шагами отца. Потом стало тихо. А когда Катя решила, что отец уснул, из комнаты раздались тихие сдавленные рыдания. Не в первый раз слышала Катя, как плачет родной, раненый горем человек, и всякий раз ей хотелось бежать из родного дома, заткнув уши. Горе и ей разрывало душу, сколько слез было пролито в подушку, сколько бессонных, невыносимо длинных ночей, провела эта юная душа, прислушиваясь к каждому шороху за заборкой. Боялась Катя, что не выдержит отец навалившегося на него го­ря. Боялась потерять отца девчонка.

Катя встала, опустила ноги на холодный пол, нашарила тапочки. За ночь в доме стало холодно, с вечера осталась открытой форточка. Надо затопить печь и согреть пищу для свиней, да и о себе надо подумать, хотя бы чаю согреть. Завтракать отец все равно откажется, а одной и кусок в горло не лезет.

В печи загудело пламя, Катя села на лавку, глядя, как огонь лижет сухие, смолевые дрова. За заборкой закашлял, застонал отец, потом послышались тихие не уверенные шаги.

Опухший, со слезящимися глазами, весь какой-то виноватый, показался Петр Сергеевич. Молча прошел к бочонку с водой, молча зачерпнул ковшом холодную влагу и долго, жадно пьет, охлаждая похмельный организм. Потом, так же

молча садится на лавочку рядом с Катей. Только пламя гудит в печи, да скребется, где-то под полом мышь.

– Устала ты со мною, дочурка, прости батьку своего, – шепчет старый охотник. – Я сам себя ненавижу,...душа болит, если бы кто знал, как болит.

– А у меня не болит, батя? Ты свое горе в вине топишь, а куда мне свое деть? В себе носить эту боль уже невозможно. – Екатерина тихо плачет, отец обнял ее,... прижал к себе.

– Теперь ты доченька для меня все! Больше на этой земле меня ничто не держит.

На печи запел, зашумел закипевший чайник. Екатерина взяла чайник и прошла к столу.

– Чай пить будешь?

– Завари мне погуще дочка. Завтракать не буду, пожалуй, ни что не полезет, а вот чайку попью.

Екатерина накрыла на стол. На улице уже светло, новый день разгорался почти по-летнему ярко. Когда сели за стол в дверь постучались и, не ожидая приглашения, на порог шагнула Надька. Да, это была она, похудевшая, потерянная, как затравленный звереныш. Екатерина отодвинула кружку, удивленно уставившись на гостью, Петр Сергеевич даже не оглянулся.

– Здравствуйте вам. – Надька топчется у порога, вытирая ноги.

– Кто там? Что нужно? – не оглядываясь, Петр Сергеевич обжигается чаем.

– Я это дядя Петя, дочка Сергея Карелина из Еловки.

– Надежда что ли? – Петр Сергеевич, поднимается из-за стола и долго смотрит на смущенную девчонку.

– Ну, проходи, садись к столу, Катюша налей чаю гостье.

– Мне бы поговорить с вами дядя Петя.

– На голодный желудок, какой разговор, подвигайся к столу.

И снова за столом повисла тишина. Надька присела к столу, пододвинула кружку с чаем, взяла ломоть хлеба. Да, она была голодна, почти двое суток во рту ничего не было, кроме нескольких пригоршней брусники. Она пришла к Петру

Сергеевичу, так как знала его, как близкого друга своего отца. С отцом они вместе росли, вместе шкодили в детстве, вместе бегали на вечерки, а потом, заматерев, были самыми фартовыми охотниками. Прошла жизнь, как не заметно и быстро прошла, одного из друзей уже нет в живых, а другой, поломанный жизнью, никак не может понять, зачем живет. Дочь выросла, скоро упорхнет из родного гнезда, а его Петра ничто ни греет в этой жизни. Как любил раньше Петр эту деревенскую круговерть: любил друзей, баню в конце недели, шумную неразбериху при выезде на промысел.

Екатерина, заметив, что гостя голодна, налила еще чаю, и принесла из кути рыбный пирог, что остался с вечера.

– Пейте чай, а я пойду свиной покормлю, – схватив ведро с кормом, Катя шагнула за дверь.

Петр Сергеевич повернулся к Надьке. Он был давно не брит, потух обычный огонек в его узких, окаймленных сеточкой морщинок, глазах.

– Что привело тебя дочка? Выглядишь ты не важно, не сладкая видно житуха.

– Дядя Петя, я человека убила, – Надька съежилась, опустила голову и заплакала.

– Ты? Да, брось ты Надя. Кого ты могла убить?

Надька плакала, вытирая слезы кулаком, размазывая грязь по лицу.

– Успокойся дочка, расскажи толком, что случилось?

– Я Борова застрелила, он на реке сеть выбирал...я выстрелила, он упал в воду. Я ушла из дома, совсем ушла, дядя Петя.

– Да, ты что Надя...ты что...как ты могла?

– Смогла, дядя Петя, я курицу зарубить не смогу, а этого гада, смогла, – Надька снова горько зарыдала.

– Успокойся Надюша, чаю вот попей, и успокойся, – Петр Сергеевич понимает еще немного, и с девчонкой случится истерика.

Он гладит ее спутанные волосы, краем платка вытирает лицо, и говорит, говорит хорошие слова, успокаивая дев-

чонку. Со двора с пустыми ведрами вернулась Екатерина. Она смотрит на отца и Надьку в глазах удивление и любопытство.

– Ну, вот что Катя, постели-ка Наде в своей комнате, устала она очень, от Еловки пешком шла.

– Пошли Надя, я тебе на своей кровати постелю, у меня двуспальная, широкая кровать, места хватит. Пошли отдохнешь, у меня в комнате прохладно.

Девчонки ушли, Петр Сергеевич набил самосадам трубку, достал из печи уголек и сладко затянулся. Что случилось с девкой? Ведь не будет ребенок без причины стрелять в человека. Крепко задумался старый охотник. Если бы застрелили Борова, слух уже достиг бы зверосовхоза. Слухи быстро распространяются, жизнь слухами полна, но про Борова ни слуху, ни духу. Что же произошло в Еловке?

Давно не был Петр Алымов в родной деревне, с похорон жены не навещал он родные места. Своего гнезда в деревне давно уже нет, сгорела усадьба у старого охотника, а дом Арины стоит заколоченный лет двадцать. С тех пор, как похоронили тетку, а Петр с молодой женой переехали в зверосовхоз. Но видит Бог, тянет неведомая сила на родное пепелище.

Рано утром Петр проснулся от какого-то шума. Он приподнял голову, в кути шептались девчонки, брякала посуда.

– Хозяйничают хлопотуньи, – подумал Петр Сергеевич и почувствовал какое-то теплое облегчение, словно с души сползает темная туча печали. Он закрыл глаза, откинулся на подушку и снова заснул. Это был тихий, спокойный сон, сон выздоравливающего человека.

А девчонки стряпали блины. Трещали дрова в русской печи, сполохи пламени весело трепетали на стенах, освещая куть. На нагоревших углях стояла чугунная сковорода, на которой пузырился блин. Надька ловко сковородником выхватывала из печи сковороду, и очередной блин ложился на стопку своих собратьев, а на сковороде уже шипела новая порция блинного теста. Катя, глядя на ловкие Надькины

руки, только удивлялась. Она старалась развеселить подругу, рассказывая о интернате, куда ей скоро предстояло уехать, о городской жизни, но в мыслях Надька была где-то очень далеко.

– Через месяц в город ехать, занятия начинаются, – вздыхает Екатерина. – Как отца одного оставлять?

– Жил же отец один, да и люди рядом.

– Запьет он Надя, совсем плохой стал отец. Как с мамой беда случилась, он сам не свой, пьет до беспамятства, а легче ведь не становится.

– Нам бабам легче, у нас слезы рядом, все боли слезами выходят. Вот у меня...

Надька вдруг словно споткнулась на полу слове, остановившимся взглядом уставилась на пламя в печи, забыла, что на сковороде горит блин, не слыша, как в спину подталкивает Катя.

– Ну, что ты Катя, за отца так расстроилась, да? Дай Бог поправится батя, он ведь сильный, всю войну прошел.

А Надька молчит, в ее огромных наполненных слезами глазах отражаются сполохи огня в мыслях она далеко, на том берегу Тунгуски, где свела ее судьба с ненавистным для нее человеком.

Собралась Надька бежать из деревни, от позора своего бежать. Знала не оставит ее Боров в покое. . Рано утром, когда деревня еще спала, оттолкнула Надька лодку от берега и растворилась в утреннем тумане Мешок со скудной провизией, которая нашлась в доме, рядом положила старое отцовское ружьишко. Сама примостилась на корме с веслом. Прощай родной дом, что ждет впереди, какие испытания еще приготовила жизнь. А, как больно в груди. Не знала девчонка, что так не просто покинуть дом, где родилась, где впервые почувствовала тепло мамкиных рук, где росли, и мужали ее сестра и братья. Какая большая и хорошая семья жила в этом доме, и вот он пустой, с закрытыми ставнями, растворился в туманной дымке. Горько!

Прохлада проникает под ветхую одежку, а может, это волнения последних дней все не отпускают девчонку.

Надька гребет из последних сил, стараясь согреться. Вниз по течению лодка идет быстро, и незаметно деревня остается позади. Через некоторое время в тумане послышался скрип уключин, кто-то греб навстречу. Чтобы не встретаться, Надька свернула к берегу, загнала лодку в прибрежные кусты и, схватив ружье, выпрыгнула на берег. Плеск весел затих. Как ни вглядывалась Надька, в тумане было не разобрать, кто там на лодке. Она пошла по берегу, пристально обшаривая реку глазами. А туман, то редел, то снова наплывал густым облаком.

Вдруг клубы тумана поредели, и Надька ясно увидела лодку, а в ней Борова, который выбирал из речки сеть. Он стоял к ней спиной, но она узнала бы из сотни спин одну, ненавистную ей. Что с ней случилось, она не смогла бы объяснить, руки сами сорвали с плеча ружье, она не целилась, но была уверена, что не промахнется. Выстрел оглушил ее, какое-то время она не соображала, что произошло, но она ясно видела, как пустую лодку понесло течением. Схватив ружье, что выпало у нее из рук, Надька бросилась прочь от реки, забыв, что в кустах осталась стоять брошенная лодка.

Сколько она бежала неизвестно, ветки били ее по лицу, руки были поцарапаны в кровь, но силы оставили Надьку. Выйдя на поляну, она в изнеможении упала на траву.

– Что я наделала, зачем он попался на моем пути? Что я наделала? – повторяет Надька в каком-то беспомоществе. – Ну, за что жизнь так бьет меня, в чем я провинилась перед ней? – Надька горько плачет, как обиженный ребенок, всхлипывая, вытирает глаза кулаком.

– Надя блин сгорел, ты что задумалась? Дом вспомнила, да? Я тоже в интернате, первое время, места себе не находила.

– Ничего Катюша, в жизни не только первый блин комом, – приговаривает Надька, соскребая со сковороды, пригоревший блин. – А ты наливай чаю, да ешь, пока блины горячие.

– А меня, значит, не приглашаешь, хозяйка? – В дверях стоит, улыбаясь, Петр Сергеевич. – Конечно, куда тако-

му бородатому. Сейчас девоньки, приведу себя в порядок. Водички горячей дайте деду, пора бриться, а то вон какая срамота narosла.

– Батя проснулся, – засуетилась Екатерина, – сейчас будет вам и белка, будет и вода. На держи ковш, а может, в баньке побреешься, там вода с вечера теплая.

– Хорошо Дочка. Эх, давно мы с тобою блинами не баловались.

Петр Сергеевич, захватив полотенце, направляется к бане. На дворе уже совсем светло, где-то у реки переключаются в тумане кулики, хлопают двери, в соседнем дворе звенит в подойник молоко, видно баба Катя доит корову. К ней Катюха постоянно обращается за молоком. Вот и сейчас Петр Сергеевич подумал, что к блинам не помещало бы молочко. Он постучал в окно и распорядился, чтобы дочка сбежала до соседей.

В бане было еще тепло, пахло вениками и каким-то особым умиротворяющим уютom. Петр Сергеевич глянул в обломок зеркала, что стояло в углу на полке.

– Ну и хара, совсем опустился, все мужик, хватит! – мысленно приказал себе Петр Сергеевич.

Намылив лицо, он долго скреб его бритвой, потом чисто вымывшись, довольно крякнул.

– Ну вот, совсем другой коленкор, – он похлопал себя по щекам, потом присел на лавку и задумался.

– Что же случилось с девчонкой? – Ни как не хотел верить Петр Сергеевич, что такая серьезная, самостоятельная девушка, как Надька, могла совершить убийство. В голове не укладывалось – За что ей убивать этого Борова? Надо поговорить с девушкой, а лучше сегодня же смотаться в Еловку, на месте разобраться. Но в этом деле надо быть осторожным, как бы девчонке не навредить.

Надев свежую рубашку, что висела здесь же на веревке, Петр Сергеевич пошел в дом. В клетушке ревели не кормленные еще поросята. Войдя в сени, он взял два ведра, пригoтовленные с вечера для поросят, и пошел кормить свое беспокойное хозяйство.

Чаевничали в кути. В доме было натоплено, чисто вымытая посуда расставлена на полке. Свет не зажигали, хотя в доме еще гуляли утренние сумерки. С каким удовольствием Петр Сергеевич макал блин в слегка подсоленное сливочное масло, запивая густым, крепким чаем сдобренным молоком. О начатой бутылке водки, что с вечера стояла в шкафу, он даже не вспомнил. Так хорошо, так по – семейному тепло, давно не было в этом доме.

– Вот что девчонки мои милые, сейчас я схожу в контору, потом мне надо кое-куда съездить, так что к обеду мне не обернуться, не ждите, – он посмотрел на дочь. – А ты Катя посмотри корчажку, может, к вечеру рыбки пожарим.

– Ладно, батя, мы вместе с Надей все сделаем. Правда, Надя?

– Сделаем, сделаем, вы не беспокойтесь дядя Петя, – вставая из-за стола, смущенно проговорила Надька.

– За снесь спасибо девчонки. Пойду я, однако, в конторе уже мужики собрались.

А в конторе уже действительно сидело несколько охотников. С одними надо было заключить несколько договоров на промысел, с другими расплатиться за прошлый сезон. Но денег не было, а очень ограниченное количество дрови и пороха ставило промысел на грань срыва.

Не успел Петр Сергеевич умаститися за стол, как в кабинет просунулась голова Ромашки, льстивая улыбочка приклеена на рыжей физиономии.

– Петр Сергеевич, дружище, может, сначала подлечимся перед трудовым днем, – он достает из кармана бутылку водки.

Петр Сергеевич какое-то время молча перебирает бумаги, потом, как от назойливой мухи отмахивается от Ромашки В голосе ни нотки раздражения, парень просто не интересен.

– Во первых Роман, никакой я тебе не дружище, во вторых, чтобы с бутылкой я тебя никогда здесь не видел,...все баста, два раза я повторять не буду. А теперь вон от сюда, мне работать надо.

Удивленный и расстроенный, с растерянным видом Ромашка вывалился из кабинета. За дверями раздался смех мужиков, Петр Сергеевич улыбнулся, довольный собой. Это была его маленькая победа.

Взяв у Виктора Кузакова моторку, Петр Сергеевич отправился в Еловку. Тридцать минут пути не расстояние, моторка шла ровно и быстро, с детства знакомые берега оставались за бортом. Вот здесь когда-то была мельница. Одни развалины остались, поросшие чертополохом. Вон там за теми кустами был покос семьи Алымовых. Петр Сергеевич помнит, как с отцом и братом косили там сено. Хорошее было время, куда все ушло? Отец лежит на Еловском погосте, а где могила брата никто не ответит, может, и живет где-нибудь пропавший без вести в войну старший брат. А вон там Еловские озера, где пацанами ловили карасей, где теперь те пацаны, мало кто вернулся из мясорубки названной Великой Отечественной. Мало мужиков осталось в деревне, а теперь и последние уезжают. Пустеет родное гнездо. А вот и школа, на высоком берегу, встречает Петра Сергеевича блеском солнца во всех окнах. За ней дом Вовки Космачева, а следующая усадьба Тольки Кириллова. Стоят дома, а хозяев нет, закончили свой земной путь вчерашние друзья Петра, только горькая память больно ранит сердце старого охотника. За рекой, напротив деревни, возвышается Красный Яр, где-то там под ним бьют холодные и чистые ключи, вырываясь из-под земли, чтобы слиться с водами Тунгуски.

Кое-где над деревней курятся трубы, значит, жива еще деревня: роются в прибрежной тине утки, бегают возле домов собаки, валяются на берегу в грязи свиньи. Жива деревня: дымят самосадом возле калитки двое мужиков, от реки, с карамыслом на плече, несет воду женщина. Жива деревня, все, как тридцать лет тому назад, но Господи, как много пустых с заколоченными окнами домов.

Петр Сергеевич пристал к берегу, выпрыгнув из лодки, подтянул ее повыше на берег. От дома напротив уже приветливо махали руками.

– Сергеевич, какими ветрами тебя к нам занесло? – Кричит Иван Кузьмич давний друг и бессменный кузнец – Поднимайся к дому, дай пожать твою руку.

Рядом с кузнецом стоит его сосед и кум Илья Егорович.

По крутому взвозу Петр поднимается к мужикам.

– Давно, давно к нам не заглядывал, в начальники выбился, – подзуживает Иван Кузьмич.

– Как там поживаешь на своей фактории? – Улыбается Илья.

– Живем мужики, наверное, так же, как и вы, чем дальше, тем смешнее. Не знаю, как мужики в тайгу пойдут, ни провианту, ни продуктов, – вздыхает Петр Сергеевич.

– Не переживай Сергеевич, ты всегда чужими болями живешь. Мужики народ хитрый, всегда на черный день какой никакой запасец имеют, – Иван Кузьмич обнимает друга. – Ты что-то похудел, хуже некуда. Слышал о твоей беде, я тогда в городе был, кой какие делишки справлял, поддерживать тебя не смог, извини. Беды они приходят и уходят, а жить надо, детей растить надо, так что держись дружище. Пошли Сергеевич, встречу отметим, по маленькой, думаю, не грех пропустить.

– Простите мужики, но я свое, уже выпил. Ты Иван сам сказал, что жить надо, ну, а если жить, так жить на трезвую голову. Я и так чуть не свихнулся.

– Понял друг, прости, по привычке дурной предлагаю.

– Да ладно. Как живете, что нового в деревне? В город не собираетесь переезжать?

– Кое-кто уехал, пустеет деревня. На неделе ветеринар с семьей в город подались. А тут еще оказия приключилась, конюх утонул. Лодку к берегу прибило, а самого, сколько не искали, не нашли, видно вниз унесло, вода-то ноне большая, а может, где в улово прибило. Баба с дочками ревут, как жить будут, не представляю. Хлебнут горя по самые ноздри.

– Сами-то собираетесь в тайгу? – перевел разговор Петр Сергеевич.

– А как без тайги? – рассудил Илья, – одна у нас кормилица, земля-то в наших широтах не шибко щедрая.

– А я что приехал, мужики? – хитро блеснул щелками глаз Петр Сергеевич, – дочку Сергея Карелина мне пови-
дать надо. Я ее отцу за сданную пушнину должен остался,
надо бы расплатиться.

– Напрасно ехал, – чешет затылок Иван Кузьмич, – уехала
Надька, видно нужда одолела. Бабы говорят в леспромхоз
подалась, там с работой попроще, глядишь, и проживет дев-
ка.

– Зря, выходит, лодку гнал, столько времени потерял.

– Ладно, Сергеевич, не сокрушайся, пошли моя хоть чаем
напоит, она всегда тебя уважала.

Друзья направились к дому, возле калитки которого ма-
ячила женская фигура, рассматривающая из-под руки при-
ближающегося гостя.

Глава 6

Выпал первый снег. Екатерину Сергеевич увез в интер-
нат, в школе начинались занятия. Надька осталась жить в
доме, охотника, взвалив на себя его не хитрое хозяйство.
Пара свиней, да десяток курочек, хрюкали и кудахтали на
подворье охотника. Он ходил по двору, давая последние на-
ставления перед уходом в тайгу.

– Завтра дочка, ты пойдешь со мной в тайгу. Завезем все
необходимое, и ты пригонишь обратно лошадь. Ну, а потом
все хозяйство свалится на твои плечи. Одна в доме не бо-
ишься оставаться? Вот и хорошо. Коня отведешь к Виктору,
ну, а если нужда какая будет, обращайся к его бабе, она жен-
щина добрая, поможет.

– Да знаю я, что надо делать, отца не раз в тайгу снаряжа-
ла. Сумы уже уложены, ни что не забыла.

– Все, все дочка, – Петр Сергеевич подобрал оставленную в снегу лопату, и поставил ее возле дома, где стояли две метлы.

– Снег не забывай убирать, а то двор занесет. Поросятам не давай горячую пищу.

– Да знаю я дядя Петя, собирайся в баню, а я чай поставлю.

– Ну, вот и хорошо, вот и хорошо. Я всегда перед тайгой волнуюсь Надежда, вся жизнь отдана тайге и по другому, однако, не смогу жить, а вот перед выходом волнуюсь, как мальчишка.

– Ладно, я пойду курам брошу, а ты дядя Петя иди в баню. Веник в предбаннике, а белье у вас на кровати лежит.

Надька пошла к стайке, где был отгорожен угол для птицы. Впервые за последние дни на душе девчонки было спокойно, в новую семью она вошла удивительно легко, как будто всю жизнь жила с этими хорошими людьми. Петра Сергеевича знала с детства, как хорошего друга отца, а с Екатериной встречалась редко, она родилась уже здесь в зверосовхозе и в Еловке бывала редко. В школе они тоже разминулись, когда Катя поступала в первый класс, Надька уже завершила свое образование и, навсегда, попрощалась со школой.

Надька дала курам корм и, наблюдая за их суетой, вдруг заметила, что она что-то негромко напевает. После смерти отца она не помнила за собой такого.

– Распелась бура, – улыбнулась про себя Надька

Подойдя к ящику, где было устроено гнездо, она подняла два яйца.

– Вот молодцы какие, утром глазунью сварганю, – приговаривает Надька плотно прикрывая дверь стайки.

Вечер уже опустился на поселок. Сумерки окутали тайгу за рекой, в домах зажигаются редкие огни, не во всех домах достаточно керосина. Тихо и морозно, где-то взлает собака и снова тишина. Только журчит еще не покрытая льдом река, да о чем-то своем шумит за рекой тайга, уже не видимая в сумерках. Тишина над поселком, тишина на душе.

Отряхнув от снега старенькие валенки, Надька шагнула в жарко натопленную избу, в ее избу, в ее тепло, в новый этап жизни, что дарила ей судьба.

Лошадь, запряженная в легкие сани, бойко бежит по первому снегу. На санях лежат заботливо притороченные мешки с провизией, связки капканов, два охотничьих ружья. Третье ружье висит на плече Петра Сергеевича. Он бежит рядом на широких охотничьих лыжах, обтянутых оленьими шкурами. Две собаки то, обгоняя упряжку то, убегая в глубь леса, радовались выезду в тайгу. Надька восседает на санях, управляя лошастью, но лошадь знает дорогу лучше возницы и идет спокойно, лишь изредка недовольно подергивая вожжи.

Все беды Надьки остались где-то далеко далеко, ей легко и спокойно, а этот старый эвенок, что бежал рядом с санями был для нее самым родным и близким человеком.

А в лесу тишина, только дятел, где-то вдали, сыпал баробаньей дробью. Куржак на ветках сверкал миллиардами алмазов. Залаяла собака в стороне от дороги, Петр Сергеевич направился туда, снимая с плеча ружье. Он махнул рукой, чтобы Надька продолжала путь. Раздался выстрел, и через некоторое время, собака догнала упряжку. Дамка вскочила в сани и лизнула Надьку в лицо, девчонка, весело смеясь, обняла Дамку за шею, стараясь положить рядом, но она вывернулась из-под руки и выпрыгнула на дорогу. Показался Петр Сергеевич, подбежав к саням, он бросил в Надьку убитым тетеревом.

– Держи Надежда, похлебка на ужин будет, можешь поздравить меня с началом промысла, – он весь светится от удовольствия.

Через пару часов показалось зимовье. Маленький домик притулился в тени разлапистой ели. Возле домика поленница сухих лиственных дров, рядом станок для чистки кедрового ореха.

– Ну что ж дочка, давай, распрягайся, да вари чай, а я пройду по лесу, посмотрю, что мое зверье по насту написало. Проверю свое хозяйство.

Петр Сергеевич ушел в тайгу, собаки убежали следом.

Надька распрягла лошадей, перетаскала с саней не хитрые пожитки, растопила железную печурку. Набрав в котелок снега, поставила чай.

Петр Сергеевич меряет шагами свою тайгу. Сколько верст исхожено здесь за тридцать с лишним лет, сколько интересных историй мог бы рассказать, но не рассказчик был старый охотник, нет, не рассказчик. Идет по тайге Петр Сергеевич, как книгу по снегу читает. Сколько троп натоптали зайцы, надо будет петли поставить, а вот здесь белка между деревьями пробежала, здесь еще одна, а вот остатки ее трапезы, нашелушила кедровую шишку на снегу. Видно есть зверье в лесу, будет славная охота. А вот и кабаны постарались, изрыв землю, видно искали съедобные корни. Давно кабанов не было в этих широтах. Между деревьями сверкнула река, Ия здесь не широкая, но рыба водится, надо будет корчажку поставить, все к столу разнообразие.

Любил охотник рыбу в любом виде: жареную с золотистой, хрустящей корочкой, в ухе с ароматной юшкой, а расколотка с перчиком и луком, самая, что ни есть национальная еда местных аборигенов.

От речки повернул Петр Сергеевич обратно к зимовью. Над крышей из трубы вьется дымок, дверь распахнута настежь, а на пороге Надька с тряпкой в руке.

– Вот и я управилась, пол помыт, чай вскипел, картохи напекла, сейчас сала нарежу, да огурчиков достану, вот.

– Спасибо дочка, сейчас повечеряем, только собак сначала накормлю.

В зимовье тепло и даже уютно, потрескивают в печурке дрова, свет от печурки разбавляет полумрак. Лампу не зажигают, за небольшим столиком уместились по-семейному друг против другом, и таким вкусным показалось это не хитрое варево, а крепкий, пахнувший травами чай, бросил в пот. Довольный и разомлевший Петр Сергеевич достал трубку.

– Хорошо! теперь и закурить, однако, не грех.

– Сколько лет вы в этом зимовье хозяйничаете?

– Да, считай, больше тридцати, – попыхивая трубкой прищурил глаза Петр Сергеевич, – Еще с Ариной здесь зимовали, она отлично белку стреляла. Верный был глаз, никогда не мазала. Видишь нары в два яруса? Зимовье маленькое, вот и пришлось второй ярус пристраивать.

– Я тоже не плохо стреляю, еще батя к ружью приучал, – похвалилась Надька.

– Знаю, знаю, – пряча ухмылку, проворчал Петр Сергеевич, – но рано тебе еще по тайге шастать, да и дома присмотр нужен.

Надька взялась убирать со стола, а Петр Сергеевич подошел к печурке, покуривая.

– Вы слишком много курите, дядя Петя, вредно ведь, – заметила Надежда.

Но охотник думал о чем-то своем, попыхивая трубкой, глядя в огонь.

– Молодым парнем рубил я это зимовье, вот и состарился в нем, сколько тут пережито. Однажды волчонка в тайге подобрал, рос у меня вместе с собаками, эти мокрохвостые сначала ворчали на него, шерсть дыбом поднималась, а потом ничего, привыкли. Знаешь, для охоты он оказался не пригодным, а так для игрушки в доме зверя держать, я не способен, не в моем это характере. Выпустил зверя в тайгу, жив, погиб ли, не знаю. Жили у меня белки, бурундуки, рысь даже жила, какое-то время. Арина ей лапу лечила, – замолчал охотник, задумался. Впервые заметил, что упоминание о жене не обжигает болью душу. Надежда под села рядом, подбросила в печурку дровишек.

– Жарко не будет, дядя Петя?

– Можно больше не шуровать, зимовье теплое, обжитое.

– Тогда я полезу наверх, завтра поутру в обратный путь.

– Ложись дочка, ложись, – думая, о чем-то своем, промолвил Петр Сергеевич.

Ночью Надька проснулась от остервенелого лая собак, свесившись с нар, увидела, что Петра Сергеевича на лежанке нет.

Собаки лают, бегая вокруг зимовья, потом лай стал удаляться, раздался выстрел. Некоторое время стояла тишина, потом в дверь с клубами холодного воздуха вошел Петр Сергеевич.

– Что-то случилось дядя Петя, – тревожно спросила Надька.

– Напугали тебя. Успокойся дочка, хозяин видно на огонек приходил. Завтра посмотрим, кто нам спать мешал.

Надька повернулась на другой бок и вскоре уснула, а Петр Сергеевич еще долго сидел возле остывающей печурки, посапывая свою трубку.

Утром встали рано. Надька на скорую руку сгонашила завтрак, а Петр Сергеевич, покормив собак, обошел вокруг зимовья. Да, ночью приходил медведь. Что его заставило бродить, когда давно уже должен лежать в берлоге? Но раз шатун появился возле зимовья, ничего хорошего это не обещает, придется быть настороже. Поев, собаки весело катаются в снегу, а Петр Сергеевич идет в зимовье.

– Ну, что Надежда, однако, перекусим, да в дорогу. Одна не побоишься ехать?

– Что вы дядя Петя, дорогу я знаю, конь надежный, часа за три доберусь до дома.

Лошадь бежит быстрой рысью, похоркивая на бегу, Надька, полулежа, устроилась в санях. Под овчинным тулупом ей тепло и уютно.

«Хороший все же человек Петр Сергеевич, как отец родной. Что бы сейчас делала она, не встретив этого человека? Катюха тоже, как сестра стала. Как сейчас она там в своем интернате? За всю свою жизнь Надька всего раза три была в городе, и ничто ее там не поразило. Город, как большая деревня, зелени мало, за то воды много, на острове стоит город. Конечно магазинов много, в кино можно сходить, вот и все удовольствия. Раньше в Еловку тоже передвижка привозила фильмы, но как давно это было, наверно, в другой жизни».

Надька стала засыпать, конь бежит быстро, сани раскачиваются на ухабах.

« Детство, жаркий летний день, они семьей ворошат сено. Отец идет передом, за ним братья, сестра и замыкает эту цепь Надька. В руках у нее большие не удобные грабли, которыми она неуклюже переворачивает валки. У отца и братьев это получается, как-то легко. и даже красиво, а Надька измучилась. Пот заливает ей лицо, скользит за ворот, кофточка прилипла к телу. Сейчас голышом бы в реку в прохладные воды Тунгуски. , но покосу не видно конца, а солнце так высоко. Вдруг Надька спотыкается, падает в кусты, царапая лицо и руки».

Она просыпается от удара о землю, перевернутые сани с треском ломаются от удара об дерево, а конь несется в лес не разбирая дороги. Надька поднимается с земли, растирая колено, и кровь стынет у девчонки в жилах. Возле самой дороги, метрах в двадцати от нее стоит медведь. Огромный, взлохмаченный, он встал на задние лапы, довольно что-то ворча. Нет, он не рычал, он молча шел на нее, и от этого казался еще ужаснее. Надька пятилась, понимая, что бежать бесполезно, а зверь приближался, из раскрытой пасти падала слюна. Это был конец всему: одинокой не устроенной жизни, сиротству, голодному детству, всей этой безнадее, что придавила ее. Прощай дядя Петя, прощай хороший человек. Надька закрыла глаза, еще мгновение и все. Лай собак заставил Надьку посмотреть на дорогу. Две собаки Петра Сергеевича с отчаянным лаем кидаются на медведя, стараясь ухватить его за задницу. Медведь увертывается от собак, бьет лапами, но собаки проворнее, они отскакивают от него, потом снова кидаются. Живой клубок крутится на дороге в клубах пыли. Надька поняла, что это ее единственный шанс и бросилась бежать по дороге. Ни когда еще она так не бегала, она не успевала за своими ногами.

Раздался выстрел, потом другой. Надька остановилась, удивленно оглянувшись назад. Метрах в пятидесяти от нее на дороге лежал медведь, а над ним с ружьем в руках стоял Петр Сергеевич. Ноги отказали девчонке, ее колотила нервная дрожь. Господи, если она сейчас не заплачет, она потеряет сознание. К ней подбегает Петр Сергеевич подни-

мает за плечи с земли, нежно прижимает к груди, и Надька заревела, как баба на похоронах, она икала и плакала. Она возвращалась к жизни.

– Ну, все дочка, – успокаивает ее охотник, – все успокойся, вон он лежит, можешь даже пнуть его.

– Нет, нет, что ты дядя, – она впервые назвала его на ты, – как ты вовремя появился, как ты вовремя!

– Я пошел по вчерашнему следу и вдруг увидел, что он свернул к дороге. Я понял, что шатун пошел за тобой. Скажи спасибо собачкам, они остановили зверя. Что успокоилась немного? Пойду искать коня, далеко он не ушел, где-нибудь в кустах запутался. Собаки с тобой останутся, не бойся дочка.

Надька обняла собаку за шею, вторая лизнула ее в лицо, как бы успокаивая.

– Значит, будем жить – прошептала Надька и снова заплакала.

Зима выдалась холодная и снежная, но дров было запасено вдоволь, дом теплый, так что зимовала Надька хорошо. Она забыла о своих невзгодах, жизнь текла, как спокойная река, давно уже так хорошо не было на душе у девчонки. Часто забегали соседки, деревенские девчата звали Надьку на вечерку, но никуда ей не хотелось из, пригревшего ее, дома. Днем хозяйство, хоть и не большое, все равно пригляда требует. Вечерами пообшивала всю обтрепанную одежду, починила и перестирала Катюхины тряпки, да и Петр Сергеевич поизносился изрядно. Навязала всей семье носков, варежек – пригодилось материнское обучение, хорошей рукодельницей была мамаша. Виной вечер заглянет соседка галина Семеновна, да еще со своими семечками придет, тут уж разговоров до полночи. Одна живет баба, сын где-то в городе науку грызет, мужа какая-то мудрая болезнь загрызла, вот и бьется горемыка. Огород да рыбалка кормят, пробовала охотиться, да, видно, руки не оттуда растут. Не сладкая жизнь у бабы, то с мужем пьяницей мучилась, теперь вот без мужа, а жизнь слаще не стала, все та же нужда из всех щелей лезет.

На Новый год приехала домой Екатерина, на каникулы распустили. Веселая, вся из себя – даже разговаривает и то по-другому. Восьмой класс кончает девка, скоро заневестится, как старая бабка думает Надька, глядя на Катюху. Позабыла, что разница в возрасте у них каких-то четыре года. Рвалась Катюха в тайгу отца навестить, но Надька еще не забыла распластанную тушу медведя на дороге, при одном воспоминании о котором, мороз пробежал по спине. Удержала она Екатерину от опасной затеи, но чтобы не скучала девчонка дома, согласилась сходить с ней на вечерку. Вечер был теплый, валил снег, где-то на другом конце деревни играла гармошка.

– Гошка играет, – вышагивая рядом с Надькой, сообщает Екатерина. – Где же сегодня собираются?

– Шла бы ты Катя одна, куда мне, я здесь никого не знаю.

– Идем, идем! Здесь молодежи-то человек десять, ну еще женатики приходят потанцевать.

– У нас в Еловке на вечерку одна пьянь собиралась, – замечает Надька, – танцевать не с кем было.

– А у нас думаешь лучше? Но не дома же сидеть, плесенью покроешься.

Гармонь приближалась. Двое парней и девушка идут по середине улицы.

– Привет Катюха, ты сегодня не одна. Знакомь! – сжимает меха гармонист.

– Сестра моя, Надей зовут, – представила Надьку Катя.

– Сестра, так сестра, лишь бы красивою была. А ко мне вот друг из леспромхоза приехал, Александром звать, а это жена его Люся, недавно окрутились.

– Загибашь друг, скоро четыре года будет, как поженились, – поправил Сашка.

– Уже четыре, ты смотри, как время летит, а давно ли на свадьбе гуляли, – Гоша снова рванул меха гармони, и песня о тонкой рябине и высоком дубе вдруг больно защемила сердце Надьки.

– Разворачиваем оглобли! – шутливо командует Гоша. – Сегодня у Лукиничны собираемся, у нее изба большая, да и Терентий на промысле.

Повернув на девяносто градусов ребята сворачивают в проулок ведущий на зада поселка.

– Играй Гоша, я петь хочу, просит Катя.

И снова та же рябинушка закачалась на семи ветрах. Тихий грудной голос Екатерины подхватил и понес грустный, с детства знакомый мотив. Надька любила эту песню, сама пела ее с подругами, но сейчас вдруг что-то случилось с девчонкой. Сердце словно остановилось, перестало биться, на глаза навернулись слезы, и было стыдно вытирать их у всех на виду. Екатерина задушевно пела знакомую песню, а Надька тихо плакала о своей проклятущей жизни, о сломанной судьбе своей, о мечтах, которым уже никогда не сбыться. Хорошо, что на улице темно. Катя кончила петь и притихшая шла рядом.

– Катя, я наверно пойду домой, что-то голова разболелась, – тихо шепчет Надька, но Катя еще сильнее прижимает ее локоть.

– Брось Надя, без тебя и я не пойду, а мне так не хочется сидеть дома, да и вечер какой хороший.

Из проулка вынырнули еще две девчонки. Весело здороваясь и знакомясь, молодые люди идут дальше. Гармошка играет что-то не понятное, вероятно попури музыкального запаса Гоши.

В избе Степаниды Лукиничны уже сидят по лавкам парни и девчата. Лузгают семечки, визжат и смеются, парни травят анекдоты, стараясь привлечь внимание прекрасной половины. Девушки переобуваются в легкую обувь, сбрасывая унты и валенки. Парни уже навеселе, в кути Степанида делает свой бизнес, бойко торгуя, мутной отравой.

В клубах морозного тумана, разукрашенный куржаком в окружении красавиц, гармонист шагнул через порог Степанидиного дома. Веселый, гордый под гогот собравшихся, Гоша прошел в передний угол и уселся под божницей. Какой-то вихрастый парень протянул ему кружку са-

могона. Гоша выпил и состроил такую рожу, что все покатились от хохота.

– Ох, и хорошее молочко у бешеной коровки. Это у тебя Степанида так корова доится? – хрустит огурцом Гоша.

Лукинична, лукаво улыбаясь, уходит в куть. Катя с Надькой подходят к девчонкам, многих Надька знает еще по школе, с некоторыми знакомится заново. Вальс, и первые пары, сначала одна, потом другая закружились по горнице. Вихрастый парень, который подносил Гоше самогон, подходит к рыжей, худой и длинноногой Моте Сизовой. Девчонка давно перезрела и стеснялась своего далеко не привлекательного вида.

– Мотя, не откажи, а то не доживу до утра. Сегодня ночь не спал, все мечтал с тобой танцевать.

– Пошли балабол, на ногах-то пока держишься?

– Ты что ягодка моя, да я, как огурчик

Еще одна пара закружилась в вальсе, и вот уже тесно стало в сельской горнице. Между танцующими шныряют ребяташки. Кривые, изломанные тени отбрасываемые огнем керосиновой лампы, пляшут по стенам. А дверь с порами холодного воздуха впускает все новых любителей повеселиться. Молодые и не очень, пьяные и еще не совсем, входят, громко здороваются, рассаживаясь по лавкам. В углу растет гора шуб, тулупов, телогреек, и даже чья-то собачья доха нашла себе место на этой куче одежды.

К Катюхе подбежала Зинка Лузина и утащила ее в круг. Надька осталась стоять одна, ей было и хорошо и тревожно. Еще у себя в Еловке бегала она на вечерки с подружками, но там было все по-другому. Там она была еще подростком, а здесь она чувствовала себя взрослой, но чужой и ни кому не интересной.

Появился Ромашка, направился, было, к Надьке, но потом остановился и присел на край лавки. Закончился очередной танец, Гоша отставил гармошку и достал сигареты.

– Девки, перекур с дремотой, – выпендривается чубатый, кто желает заправиться прошу к Лукиничне, ну, а кто хочет

оправиться – на двор, да углы черти не мочите, а то изба загниет. – Чубатый был в своем репертуаре.

Веселый живчик, он не сидел на месте, перемещаясь по горнице, с одними шутил, с другими успевал хлебнуть из кружки, в третьем месте обнимал девчонок, и все ему были рады.

– Кто такой? – интересуется Надька, – что-то раньше я этого фрукта не встречала.

– Я его сама не знаю, – смеется Катя, обмахиваясь платочком. – Откуда приехал никто не знает, занял пустующий домишко, охотой не интересуется, рыбалкой промышляет, у лесников в штате числится. Один живет, но парень вроде не плохой.

Словно услышав, что говорят про него, парень вдруг оглянулся и пристально посмотрел на Надьку. Девчонка смутилась и, покраснев, отвернулась, но даже затылком она чувствует взгляд чубатого.

– Ребята, давайте играть в ремешки, – кричит Мотя. – Ну, что сидеть, становись по двое в круг.

– Не ремешки, а третий лишний, – поправил кто-то.

Ребята и девчонки встали по двое в круг, держа друг друга за талию. Одна была лишняя и тот, кто голил, гонял ее ремнем по кругу, пока она не встанет к какой-нибудь паре. Тогда, сзади стоящий, в этой паре попадал под удары ремня. Били по настоящему, и у нерасторопных по настоящему от ремня горела задница. Крик, смех наполнили горницу. Визжали не только те, кто играл, но и те, кто оставался сидеть на лавках. Степанида Лукинична смеялась и кричала вместе со всеми, она словно сбросила года, раскраснелась, глаза горели молодым задором. А, может, за компанию и Степанида опрокинула стопку, кто ее осудит.

А с улицы шли новые посетители, некоторые уходили с Лукиничной в куть, и выходили от туда, пряча под полой тулупа бутылку, все с той же мутной жидкостью.

Гоша, уже изрядно подпитый, берет в руку гармошку и, пробежав пальцами по клавишам, запел.

– Мы работы не боимся, но работать не хотим,

Вы работайте до пота, мы до пота поедим.

Веселый хохот заглушил частушку, круг играющих распался.

– А ну, Гоша, давай нашу! – кричит чубатый, и снова пристально смотрит на Надьку.

Гоша, не останавливаясь, с частушки перешел на русскую, залихватскую, плясовую. Чубатый хлопнул себя по бокам, заразительно засмеялся и, как молодой жеребчик, пошел по кругу, притопывая и шлепая ладонями по сапогам. Вдруг он остановился перед Надькой, и дробь каблуков рассыпалась по горнице. Боже, как он плясал, что выделывали его ноги, только чуб развивался то, закрывая глаза, то, взлетая на затылок. Глаза горели каким-то дьявольским светом, в них была бесшабашная удаль, восхищение пляской, Надькой, жизнью. Остановившись, он припал на колени, и, поклонившись, пригласил Надьку на круг. И она не отказалась, она, вероятно, и сама не смогла бы объяснить свой поступок.

Надька высоко подняла голову, плечи распрямились и, сорвав с головы платок, она, не глядя, бросила его Екатерина. В следующий момент она уже плыла по кругу, а чубатый, стоя на одном колене прихлопывал ей в ладоши. И столько женского изящества было в каждом Надькином движении, что все вдруг замолкли, любуясь на это чудо. А Надька, остановившись перед чубатым, выдала такой перепляс своими старыми, растоптанными сапогами, что у того от удивления поползли вверх брови. Соскочив с колен, приплясывая, выделывая замысловатые коленца, он стал наступать на Надьку, как бы пытаясь поймать ее, но та вдруг закружилась волчком, ловко уходя от его рук. Столько молодого задора в этой бешеной карусели, что окружившие их, прихлопывая и притопывая в такт пляске, невольно заразились зрелищем, готовые сами ринуться в эту бешеную круговерть.

Надька остановилась, ладонью отерла пот со лба и, раздвигая собравшихся, бросилась не улицу. Холодный воздух обжог разгоряченное тело, но следом выскочила Екатерина и набросила Надьке на плечи шубейку.

– Ну, ты и выдала, сумасшедшая, – хохочет Екатерина, – ведь все рты поразевали. Да где ты так насобачилась?

– Мамуля у меня знаешь, как плясала, – тихо ответила Надька, – пошли домой, а то поздно уже, да и дома наверно выстыло, подтопить надо, – повязывая платок, заторопилась Надька.

На крыльцо вышел чубатый, сделав несколько шагов по направлению к девушкам, он нерешительно остановился, переминаясь с ноги на ногу.

– Смотри, какой стеснительный, – ткнула Надьку в бок Екатерина. , девчонки весело смеются.

– Катя познакомь с подругой, – попросил парень, робко подходя к подругам,

– Да, я и сама с тобой вроде не знакома, – смеется Катя.

– А я тебя знаю, ты же дочь Петра Сергеевича?

– Я то дочь, а вот кто ты не знаю. Вроде в одной деревне живем, да вот дорожки наши не пересекались.

– Аркадием меня зовут.

– И все? – хохочет Екатерина.

– А что еще, может анкету заполнить? Приехал из Иркутска, работаю в лесничестве.

– Из города в нашу глухомань? Что так? Сейчас наоборот, из деревень в города бегут.

– А меня вот на север потянуло, подальше от людей. Жизнь какая-то стервозная пошла.

– Ты парнишечка философ или бродяга?

– А я и сам себя не пойму, кто я.

Разговаривали, подкалывали друг друга и не заметили, что отошли на изрядное расстояние от дома Лукиничны. Эх, молодость, молодость – прекрасная пора. Как быстро заживают раны, душевные и телесные и снова мечтается, ведь вся жизнь впереди. Вся, хорошая и плохая, счастливая и не очень, но ведь это – жизнь. Успевайте жить пока молоды, пока кровь играет, пока каждый день открытие.

– Пошли Аркадий, обогреешься, сейчас печь затопим, – предлагает Надька.

– Только дров под завозней набери охапку, уважь девушек, – хохочет Екатерина.

– Вам, может всю поленницу перетаскать, – отшучивается парень? – Я до утра успею.

– Нет, нет, а то нам с тобой не рассчитаться, – смеется Надька.

– Плясать заставлю вместо расчета. .

В дом ввалились с шумом и хохотом, обивая с обуви снег. Загорела керосиновая лампа, а через несколько минут, в железной печурке загудело пламя.

– Аркадий, есть хочешь? – интересуется Надька.

– Стакан чаю я, наверно, уже заработал, – смеется парень, – так что от куса пирога отказываться грех.

– Извини, пирогов для такого гостя не напекли, а вот заплесневелый сухарик в хозяйстве найдется.

– Мы люди не гордые подойдет и сухарик.

– Никого так не угощала, – шутит Катя, – запомни это парень, а еще лучше запиши.

Надька принесла буханку хлеба и кусок сала. Аркадий нарезал сало кусочками и наколол на березовый прутик.

– Сейчас шашлыками побалуемся, – объявил парень, открывая дверцу печи.

Зашипело, затрещало над горячими углями сало, распространяя вкусный ни с чем не сравнимый запах.

– Надя порежь головку лука и посоли, – командует Аркадий, – и хлеба ржаного, если есть.

Как хорошо сидеть возле горячей печи: трещат дрова, по стенам пляшут блики от горячей печи, а ты улетаешь поджаренное сало и болтаешь, болтаешь, забыв, что на дворе ночь, и давно пара на боковую.

Аркадий стал хорошим другом для девчонок. Нет, он не претендовал ни на чье особое внимание, был вежлив и предупредителен к обеим девушкам. То придет дров наколет, то снег в ограде разгребет. А, иногда, поможет просто скоротать вечер, разговорами о городе, о прежней своей жизни. Он был не плохим рассказчиком и в свои молодые

годы многое успел повидать, и очень интересно рассуждал о жизни, о людях.

Закончились каникулы, уехала Катюха в город и снова Надька осталась одна в пустом доме. Зайдет соседка, поговорят, посплетничают, да какой интерес молодой девчонке слушать бабьи байки, да жалобы на семейные неурядицы. А однажды, провожая вечером соседку, остановилась Надька на крыльце, а та ей и выдала.

– Ты бы Надежда осторожнее с парнем-то, а то одна ведь живешь, разговоры по деревне пойдут, потом не отмоешься.

А, как отказать хорошему парню в доверии. Сказать, чтобы не приходил обидится парень. Но Аркадий сам перестал бывать у Надьки, или подсказал кто, или сам понял щекотливое положение девчонки. Однажды выйдя утром по нужде во двор, нашла Надька возле дверей большую замороженную щуку. Поняла Надька откуда приплыла эта рыбина и на душе стало теплее от такого знака внимания.

В феврале, когда вовсю еще трещали морозы, поползли по поселку странные слухи. Кто-то побывал в леспромхозе и привез весть, будто продали леспромхоз, а с ним вместе и зверосовхоз какому-то приезжему предпринимателю. Не нужны стали лес и пушнина государству, партийные органы распускались, профсоюзы притихли, как лесные пичуги перед грозой.

Долог путь для новостей от больших городов до таежной глухомани. Собираются стайками бабы судачат о переменах, что надвигаются на жизнь и быт деревни. Верят и не верят, но знают бабы, что дыма без огня не бывает. А мужики в тайге, далеко кормильцы и заступники, и еще сквернее становится на душе от этой незащищенности. А тут еще Ромашка, подвыпив с утра, ходит, распуская слухи.

– Все бабы кабыздох всем пришел. На хозяина мужики ваши спины гнуть будут. В реке рыба хозяйская без разрешения пескаря не выловишь, в тайге дичь тоже хозяйская, всю тайгу колючкой опутают. Забыли, как при царе жили?

И хоть не жили бабы никогда при царе, будущее казалось им чернее ночи. Кое-где стали собираться бабы и по-

пивать горькую, да и мужики, что оставались в поселке, не отставали от женщин. По вечерам из-за закрытых ставень домов раздавались пьяные песни. На вечерках и то, сквозила какая-то нервозность, больше пили, больше дрались, русские задирали тунгусов, а те хватались за ружья. И это в самый разгар промысла.

Однажды, когда Надька домывала полы, в окно постучала соседка.

– Надежда, в контору всех собирают, ты правда не член кооператива, но сходи, а то у меня пацан приболел, боюсь одного оставить, а узнать, что там объявят, хочется. Сходи дева, не посчитай за труд. Да, и Сергеевич не последний человек в кооперативе, кто без него может народ скликать.

– Хорошо! Сейчас подотру у порога, да поросятам вынесу и схожу, – Надька дружелюбно улыбнулась соседке. – Может, в избу зайдете, погрееетесь?

– Нет, девонька, пойду, я парня одного оставила. Как живешь-то милая?

– Хорошо, зимой работы немного, себя бы обиходить, да скотину покормить.

– Славная ты девонька, не избалаванная, дай Бог тебе удачи в жизни. Ладно бывай!

Справившись с домашними делами, Надька накинула шубейку, и выскочила на крыльцо. На улице солнечно и морозно, снег ослепительно блестит, деревья осыпанные куржаком, необыкновенно красивые, словно одеты в белое кружево. Дышится легко, и на душе удивительно хорошо и спокойно. Надька нагнала двух соседок, тоже шедших в сторону конторы.

– Что девонька на собрание идешь? А я думала, молодых наши собрания мало интересуют, – щебечет одна из женщин.

– Да, вот пошла, одной в доме тошно.

– Это точно, девонька, на людях и лихо не так страшно, согласилась соседка.

Пошли втроем, а мороз уже пощипывает щеки. Надька трет лицо шерстяной варежкой, пока щеки не запылали жаром.

Народу в конторе много, но в основном женщины, редкие мужики, дымя сигарками, толпятся возле входных дверей. Некоторые сидят на подоконниках.

За столом сидят два незнакомых мужика. Бухгалтер кооператива, наклонившись над столом, что-то объясняет одному, водя карандашом, по раскрытой тетради.

Надька, не обращая внимания на приезжих, что сидят за столом, устроилась в последнем ряду. Она разглядывает собравшихся, многих узнает, некоторых видит впервые. На подоконнике сидит Аркадий с каким-то парнем, высоким с грубо вырубленным лицом, но приятным на вид. Аркадий, встретившись взглядом с Надькой, кивнул, тепло улыбнувшись.

Бухгалтер, непосредственная помощница Петра Сергеевича подошла к небольшой трибуне, сколоченной из фанеры.

– Товарищи! Мы собрали вас сегодня, – она откашлялась, – по очень не приятному для нас вопросу. Самое неприятное, что мужики в тайге, но именно сейчас в нашей жизни должны произойти большие изменения. Послушаем, что нам сообщит арендатор, а точнее хозяин, – она поперхнулась на слове, – господин Алтханов.

Высокий, крепко скроенный человек поднялся из-за стола. На первый взгляд было ему лет сорок, нос с горбинкой, черные с блеском волосы, дорогая шапка зажата в руке. Он встал перед столом, широко раздвинув ноги. . Весь его вид говорит, что он крепко стоит на земле Могучая фигура Алтханова закрыла сидящего за столом. , а маленькие глаза на широком лице, сверлили собравшихся, как бы проверяя на прочность.

– Господа! – голос, у этого могучего телом человека, был мягким и по-женски визгливым. Когда он заговорил, бабы засмеялись, но под колючим взглядом маленьких глаз смолкли. – Меня зовут Арсен Джамонович, в стране сейчас

тяжелое время, – он говорил с приятным акцентом, – чтобы содержать такие зверосовхозы, как ваш у государства нет денег. Вас бы прикрыли, оставили без финансирования, вас бы попросту бросили, как тысячи таких поселков. Я взял ваш поселок в аренду, – он взял со стола папку и поднял ее над головой. – Вот здесь все документы, все сделано по закону. Вы господа, можете заключить новый трудовой договор с директором, которого я здесь оставляю. Все заключившие договор будут наемными рабочими, а кто не согласен с условиями, могут весной уехать, нахлебников я держать, не намерен. А теперь прошу познакомиться, это ваш новый директор Федор Викторович Раков.

Из-за спины Алтханова вышел высокий, грузный человек и снял шапку. Надька взглянула на стоящего перед столом человека, и вдруг все поплыло у нее перед глазами. Она не понимала, что с ней случилось, она открывала рот, чтобы закричать, но голоса не было, казалось, ей не хватает воздуха. Еще немного и она свалилась бы с лавки, но чьи-то сильные руки подхватили ее и осторожно вывели на улицу. .

– Сомлела Надюша? Накурили, как в кочегарке, – раздался голос Аркадия, – подыши свежим воздухом.

Надька прислонилась к плетню, она не понимала, что с ней творится, как это могло случиться. Ведь только что в человеке, которого представили, как директора она узнала Борова. Да, да этого ненавистного конюха, в которого она стреляла и, который утонул в Тунгуске. Как кружится голова, кровь бешено стучит в виски.

– Да, что же это такое! – Заплакала Надька, – неужели я совсем свихнулась, ведь этого не может быть, не может!

– Пошли Надя, мы с Аликом тебя проводим до дома и Галину Семеновну позовем.

Ребята, придерживая Надьку, шли рядом, о чем-то разговаривая, но она не понимает, о чем они говорят. Все перепуталось в голове девчонки: «Если Боров жив, как же жить теперь ей? Снова бежать, но куда? Ведь зимой закрыты все дороги. Но, как мог оказаться живым Боров? Она сама видела пустую лодку в тумане. А, как она сходила с ума из-за того

выстрела, сколько она пережила, сколько слез пролила, а он оказывается жив, да еще в кресле директора. Постой, а как же дядя Петя, ведь он ничего не знает».

– Мне надо в тайгу, мне немедленно надо в тайгу, – Надька не замечает, что разговаривает сама с собой, – да только так, на лыжи и в тайгу.

В какую тайгу Надюша? – ласково обнимая ее, шепчет Аркадий, – ведь ты еле идешь. Тебе отдыхать надо. . .

– Спасибо тебе Аркаша, но ты ничего не понимаешь, этот человек подлый, это страшный человек.

– Какой человек? О ком ты Надюша?

Но Надька опять замолчала. В мыслях она была где-то далеко. Морозный воздух освежил ее, она шла без посторонней помощи, о чем-то задумавшись, и казалось, совсем забыв о парнях. А они шли рядом о чем-то разговаривая, услышанное на собрании, видно задело обоих. .

– А, как же моя практика теперь, ведь я ехал по направлению института, – беспокоится парень, которого Аркадий назвал Аликом.

– Представишься новому директору, для дирекции сотрудничество с институтом выгодно и престижно.

– Но если это частное предприятие, то для них выгода только, – Алик двумя пальцами показал выгоду предприятия.

– Да, я предвидел эти перемены, – вздохнул Аркадий, – но все равно, как обухом по голове.

– А что будешь делать ты? Ты же не член кооператива, могут и попросить.

– Могут, но по – моему, я им не по зубам. Я в штате лесхоза, а это совсем иная организация. Мы над леспромхозом, и не в коем случае не в подчинении дирекции леспромхоза. Так что мы пока государевы люди.

Парни снова идут молча, у каждого свои заботы, свои горькие мысли

В доме у Надьки тепло и чисто. Она запалила лампу, хотя на дворе еще светло и, не раздеваясь, села на кровать.

– Послушай Аркадий, ты можешь меня завтра проводить в тайгу к дяде Пете?

– Но зачем Надя? Почему ты не хочешь мне ничто объяснить, ведь мы же друзья?

– Аркаша, дорогой не спрашивай пока ни о чем! Если не можешь, я одна пойду, – Надька стала раздеваться.

Повесив шубейку, она подошла к печурке и обняла еще теплую трубу. Девчонку явно знобило.

– Придется тебе завтра Алик, одному хозяйничать, – обращается к другу Аркадий. – Да, кстати, Надюша, познакомься, это Алик – студент из Иркутска.

Надька, не подавая руки, молча кивает головой.

– Приехал на практику, – старается завести разговор Алик, – и сразу попал под перестройку. Вся страна перестраивается. Мои родители здесь в райцентре живут, так что иркутянин я временный, мой дом здесь.

– Оклемалась Надюша? – Аркадий внимательно смотрит на Надьку. – Во сколько завтра выходим?

– Да я и сейчас бы полетела, подходи, как рассветает. Лыжи-то есть?

– Обижаешь, мне без лыж нельзя. Может, чаем угостишь?

– Не до чая мне сейчас, не поняв шутки, отрезала Надька.

– Отдыхай, а мы еще в контору заглянем, узнаем, чем там все закончилось.

Ребята ушли, а Надька упала лицом в подушку и громко расплакалась. О чем она плакала, от воспоминаний той страшной ночи, или оттого, что Господь отвел ее руку в тот роковой момент, и нет на ее душе страшного греха. Так с зажженной лампой и мокрым лицом уснула Надька. Как ни странно, но спала она крепко, без сновидений, а проснулась бодрой и вполне готовой к неожиданностям нового дня.

И первая неожиданность не заставила себя ждать. Возле дверей стояла котомка, и пара унтов с длинными голенищами, а из соседней комнаты раздавался громкий храп. Надька тихо подошла к дверям спальни, на кровати спал

Петр Сергеевич, прикрыв голову подушкой. Не скрывая радости, она выскочила на крыльцо, две собаки ее недавние спасительницы, с визгом бросились к Надьке, облизывая ей лицо и руки.

– Ох, вы милые мои, – приговаривает обрадованная девушка, – как вы закуржавели, замерзли, наверно, лапушки. Сейчас я вас покормлю, идите в избу, пока хозяин спит. Раздается скрип снега и к калитке на лыжах подходит Аркадий.

– Что Надя, я не опоздал? А собаки откуда?

– От верблюда! – смеется Надька. – Поход отменяется Аркаша, дядя Петя сам пришел. Да, ты заходи, вчера чаю просил, так уж и быть, напою. Блины умеешь стряпать?

– Не приходилось, но если учитель хороший подвернется, почему бы, не поучится? В жизни все пригодится.

– Аркадий сбросил лыжи, смахнул с валенок снег и входит в дом вслед за Надькой. Она приложила палец к губам.

– Тихо пусть дядя поспит, он, наверно, поздно пришел, а я соня и не слышала.

Они прошли в куть, Надька сначала вылила вечерошний суп в собачью миску и лишь потом приступила к обучению Аркадия премудростям выпечки блинов. Она налила в кастрюлю молока, разбила несколько яиц, и завела жидкое тесто. Аркадий внимательно наблюдал за Надькиными руками.

– Растопи пока русскую печь Аркаша, дрова в печи уже есть. Надо, чтобы угли нагорели, а я пока поросьятам вынесу, да собак покормлю.

«Что же с ней вчера случилось, – думает Аркадий, – ведь совсем невменяемая была девчонка. Вчера после возвращения в контору удалось поговорить с Федором Викторовичем, мужик вроде не плохой, правда, речь простолюдина, да взгляд какой-то волчий, а в разговоре обходительный. Семья говорит в Еловке, перевозить собирается».

Прибежала Надька, румяная с мороза, со смехом холодными руками схватила парня за уши.

– Расшумелась, дядю Петю разбужу, – упрекнула себя Надька, – вообще-то он спит крепко, бессонницей не страдает. Ну, что сидишь, не уснул еще?

– Жду, когда меня будут учить, как печь блины. Вдруг жена попадетса безрукая. . .

– В наших краях нет баб безруких, все хозяйки хорошие, смеется Надька.

– А я не собираюсь на бабе жениться, мне девушку подавай, – разглядывая ладную фигуру Надьки, шутит парень, – а они не все к хозяйству приучены.

Надька, доставая из шкафчика сковороду, вдруг остановилась, будто кто подтолкнул ее сзади. Медленно выпрямилась и тихо вышла из кути. Аркадий, не заметив перемены в настроении девушки, продолжал помешивать тесто в кастрюле.

Трещат дрова в печи, пламя пляшет по стенам – хорошо и уютно в гостеприимном доме. Аркадий смотрит на огонь и улыбается, раннему утру улыбается, хорошему настроению и счастью видеть, слышать эту удивительную девчонку.

Надька зашла так же тихо, как и вышла, но это была уже другая Надька: взгляд потух, плечи опустились, и двигалась она, как бы не осознавая, что делает.

– Надюша, что с тобой, опять вчерашний приступ?

– Послушай Аркадий, ты меня извини, но блины отменяются. Я действительно, наверно приболела. Впрочем, ты хороший друг и я думаю, не обидишься на мои слова, но нам лучше быть подальше друг от друга, а то по деревне пойдут сплетни. Ты парень городской, грамотный, а я...

– Надя, ну что ты говоришь? Ведь это такая ерунда!

– Все, хватит Аркадий! Иди, и не будем зла держать. Все!

Надька выбежала из комнаты, а ничего не понявший Аркадий некоторое время посидел, опустив голову, потом поднялся и тихо вышел. Он ничего не понимал.

Надька стряпала блины и тихо плакала. Огонь печи освещает ее милое лицо, горькие складки, что легли возле губ. Боль, невыносимая боль, застыла в глазах, и подсвеченные

огнем, огромные рубины падали на блины. Надька не замечала этого, она вся была в своем горе.

– Что с тобой, дочка? Может, мне не рада, почему глаза на мокром месте?

– Ой, дядя, разбудила я вас, еще рано спали бы.

– Старики мало спят, вот пришел тебя попроведавать. Как ты тут справляешься?

– А я к вам собиралась идти. Беда приключилась дядя.

– Беда? Что-нибудь с Катей?

– Нет, нет, Катя уехала с ней все в порядке. Знаешь, дядя, вчера был общий сход. В зверосовхозе новый хозяин. Продали наше хозяйство, и нового директора поставили.

– А я ждал этого, правда, не так скоро, но ждал. И это ты называешь бедой?

– Но ведь это не правильно, как можно продавать то, что принадлежит всем?

– Правильно дочка, все правильно! Сейчас схожу сдать бумаги, печать новому директору и я свободен, как птица.

– Вы не знаете, кто новый директор! Я сама ошарашена и как такое могло случиться? Директором назначен Боров, да, да, Федор Викторович Раков.

Петр Сергеевич не был готов к такой новости. Он удивленно смотрит на Надьку, не понимая, о чем она говорит. Потом достал трубку, набил ее табаком и достал из печи уголек.

– Так, значит, жив негодяй? А ты Надежда никак испугалась? Брось, надо еще доказать, что это был твой выстрел, ведь он тебя не видел. Да и тебе не упрятать его за преступление, темная ночь все прикрыла, не переживай твоя совесть чиста, нет греха на твоей душе.

– Давай чай пить дядя, – по-детски всхлипнула Надька. – Ну, за что меня так бьет жизнь?

Петр Сергеевич обнял девчонку за плечи, она благодарно прижалась к его плечу.

– Ничего дочка, переживем, беды они ведь тоже не вечны, главное не думать о них, не давать им приют в своем сердце. Выше голову и веселей, смотри в этот прекрасный

мир, и любая беда отвернется от тебя. Ну, давай же наконец блины, пока я слюной не захлебнулся.

Надька поставила масло, налила чай и большую стопку блинов в центр стола. Русские блины, кто придумал это чудо, откуда пришло это удивительное кушанье в русскую кухню? С давних времен по всей Руси пекут бабы блины. Разные рецепты, разные предпочтения людские, но всегда неизменна любовь к русским блинам

– Хороши блинчики, люблю, грешным делом, поесть, а поесть со вкусом, получить удовольствие от пищи, особенно люблю.

Петр Сергеевич вытер полотенцем руки и, отодвинув чашку, похлопал себя по животу.

– Хорошо, однако, поел! Молодец дочка! А теперь рассказывай, как Екатерина четверть закончила, тройки есть?

– Есть дядя, русский письменно тройка, зато по пению пять

Старый охотник покатился от смеха, Надька удивленно смотрит на него.

– Что вы смеетесь? Знаете, как она поет, сердце останавливается, и плакать хочется.

– Ну, плакать вы всегда, во все времена хорошо умели. А теперь расскажи голубушка, какого это вы дворника на работу наняли?

– Дворника, какого дворника? А, кто вам, что сказал, про дворника? – Надька совсем растерялась, – ну, от кого вы узнали?

– Белка на хвосте принесла! – охотник хитро улыбается. – Я же вижу: двор чисто прибран, пехло, со сломанным черенком, отремонтировано, дрова поколоты и аккуратно сложены в поленницу. .

– Вы же ночью пришли, как успели все заметить?

– Плохой бы я был хозяин, если в своем дворе не заметил бы изменений.

– А хороший хозяин не оставил бы бедную девушку с хозяйственными проблемами. Ну, как бы я справилась с этими промерзлыми откомлевками, от них колун отскакивает.

– Винюсь, дочка, винюсь, но кого ты все же захомутала?
– Фу, слово-то, какое. Это Аркадий с другом дрова перекололи, – девушка вдруг почему-то покраснела, отвернулась и стала прибирать посуду со стола.

– Аркадий, да это же проходимец. Откуда пришел не известно, и куда уйдет никто не узнает. – Петр Сергеевич не на шутку встревожился.

– Дядя, да он не плохой парень, просто напускает на себя какую-то таинственность. А, может, просто не любит парень о себе распространяться. Душа не телогрейка, перед каждым не распахнешь.

– Как ты, однако, за него заступаешься. Да, я понимаю, когда я первый раз влюбился, мне тоже, только шестнадцать стукнуло.

– О чем вы дядя? – Надька удивленно смотрит на Петра Сергеевича. – О чем вы, я вас не понимаю?

– Я тоже сначала не мог понять, что со мной творится.

– Дядя перестаньте насмеяться надо мной!

– Мне сначала тоже казалось, что надо мной насмеются.

– Дядя! – Надька посмотрела в смеющиеся, хитрые глаза и вдруг сама весело засмеялась. – Ох, и хитрый вы, дядя Петя.

Он больше не придет, я так решила.

– А вот в этом не зарекайся дочка. Все у вас впереди и ссоры и радости житейские. Может, он и правда не плохой парень, жизнь покажет дочка, кто чего стоит. Ладно, пошел я, дела Надежда, дела.

Он взял какие-то бумаги, оделся и вышел. Надька взяла кочергу, чтобы пошуровать в печи, да задумалась.

«Нравится ей Аркадий, уж от себя не скроешь, но не пара она ему, городскому, грамотному парню. Хоть и не выставляет он на людях свою грамотность, но Надька не дура, видит, какого поля ягода перед ней. Да он и сам заявил, что женится только на девушке, а кто она ни девка, ни баба. Так что знай сверчок свой шесток. Брось ты Надька эти думы, а то голова распухнет. Прав дядя, надо смотреть на жизнь

веселее, а беды есть и будут, куда от них денешься. Так что держи хвост пистолетов Надежда».

Глава 7

Алтханов, выдав Федору Викторовичу ценные указания по руководству зверосовхозом, укатил восвояси. Ознакомившись с делами, и приняв от Петра Сергеевича все проблемы и заботы, решил Федор съездить в Еловку за семьей. Хозяйство оставил на бухгалтера, она стала его заместителем. Магазин кооператива Федор взял на себя. Зимой работы было мало и, заседлав лошадь, поехал новоиспеченный директор в деревню, где прошла вся его жизнь, где оставил он семью, которая давно уже похоронила Федора Викторовича.

Дорога шла вдоль реки, а кое-где и по льду Тунгуски Лошаденка бежала легко, дровни были почти пустыми, охапка сена, да мешок с гостинцами для ребятишек, вот и вся поклажа. Федор мурлыкал какую-то песенку, настроение было отличное. Он любил жену и дочерей, правда, всегда был строг с домочадцами, а жену иногда и поколачивал. Его отъезд из дома был скоропалительным, скорее похожий на побег, никто не знал куда он исчез, а вот теперь он не представлял, как его встретят. Ну, кто мог подумать, что эта сумасшедшая девка возьмется за ружье, а что эта была она, Федор не сомневался. Хорошо, что пуля прошила лодку, а он успел свалиться за борт. Да, перепугался тогда старый конюх не на шутку, ждал второго выстрела, да видно туман спас тогда старого греховодника. Вместе с лодкой отнесло его тогда до ближайшей косы, где прострелянная посудина окончательно села на дно, а он выбрался на берег. В кустах нашел чью-то лодку и мешок с провизией. Хлеб и сало пригодились Федору

в дальнейшем путешествии по Тунгуске. В леспромхозе, не показываясь ни кому, он вышел на тракт, и остановил идущий в город лесовоз.

Почти год прожил Федор в городе у знакомого мужика. Устроил его товарищ и на работу, копать могилы на местном кладбище, там и жил в сторожке. Оброс, одичал, совсем разучился разговаривать, днем рыл землю, вечером жрал водяру. Так бы наверно и остался здесь в одной из вырытых могил, но господин случай, снова перевернул судьбу Федора.

Хоронили какого-то авторитетного господина, пышно хоронили, блещущие лаком авто заполнили площадку возле ворот кладбища и ближайшую дорогу до поворота. А венков, корзин с цветами хватило бы на несколько процессий.

Гроб с усопшим несли на руках крепкие, как молодые дубки парни, а по бокам процессии шли такие мордовороты, от которых за версту разило криминалом.

Смотрел Федор и удивлялся, даже ему деревенскому мужику было понятно, что идут представители другого мира с холодными, равнодушными глазами, с презрительным взглядом на жизнь, на закон, по которому приходится жить ему. Но самым странным казалось то, что мелькают среди провожающих мундиры милицейских чинов и даже с большими звездами. Видно все перевернулось в жизни или он что-то не понимает своими проспиртованными мозгами. Гремела музыка, распугивая ворон, голосило несколько женщин в дорогих траурных одеждах.

Процессия остановилась возле могилы на пригорке, которую вчера приготовил Федор. Он взял лом лопату, веревку и направился к могиле, где уже суетились два его напарника. Пока говорили фальшивые речи, прощаясь с усопшим, вчерашние друзья и подельники, кладбищенские рабочие курили, тихо переговариваясь. Чья-то тяжелая рука легла на плечо Федора. Оглянувшись, стрельнул из-под кустистых бровей тяжелым взглядом вчерашний конюх. Перед Федором стоял красавец мужчина, черные, влажные глаза улыбались из-под дорогой шапки неизвестного меха, доро-

гая кофейного цвета дубленка распахнута, демонстрируя модный со вкусом подобранный костюм.

– Здравствуй, дорогой! – с легким акцентом приветствует Федор незнакомец. – Что не узнаешь старых друзей?

Что-то знакомое было в черных улыбающихся глазах, но хоть убей, Федор не мог вспомнить его.

– Не узнаешь? Вспомни армию, 76 разъезд, батальон связи. – Глаза не устают улыбаться.

– Пойдите! Неужели Арсен, а вот фамилию не вспомню. – Федор изобразил на лице что-то похожее на улыбку.

– Столько лет прошло, – вздохнул Арсен, – ну, разве мог я подумать, что встретимся с тобой на кладбище.

Теперь Федор вспомнил, как служба в армии сдружила его с кавказским мальчишкой Арсеном. Кровати стояли рядом, и после отбоя они подолгу разговаривали, вспоминали дом, родных, рассказывали друг другу о гражданской жизни. Больше говорил Арсен, и в далекой юности Федор был молчуном, такая уж натура у человека. Три года они шли рядом по военным дорогам, три года жили, как братья, и, расставаясь, после демобилизации, обещали обязательно встретиться. Вот и встретились здесь среди крестов и могил под траурную музыку оркестра.

– Постарел ты дружище, что жизнь прижала или болеешь?

– Да, нет, живу, работаю, все у меня хорошо.

– Где живешь? У тебя квартира в городе? Ты вроде в деревне жил или я что-то путаю?

Федор не знает что ответить, сказать, что живет здесь в сторожке язык не поворачивается, а другого ответа не мог придумать. Видя, что Федор в замешательстве, Арсен перевел разговор на другое.

– Вот что друг, давай завтра встретимся. Вот тебе моя визитка с телефонами, если захочешь сменить работу, поговорим, думаю я смогу тебе помочь. Да и встречу отметить надо. Завтра в тринадцать жду тебя, адрес в визитке, а сейчас сам понимаешь с коллегой проститься надо.

Хлопнув по плечу грязного, растерянного друга, Арсен направился к толпе прощающихся.

Все перемешалось в голове Федора. Вечером, ложась спать, на жестком топчане в жарко натопленной сторожке, он впервые был трезвым. Арсен, армейский друг стоял перед глазами, нет, не тот шикарный франт, что встретился сегодня, а черный, с тонкой длинной шеей и торчащими ушами пацан, завезенный с южных гор в забайкальские сопки и одетый в армейскую форму. Как измывались над ним старослужащие за его странный акцент, за слабость рук и какую-то робкую интеллигентность. Что толкнуло Федора, наверно, он и сам не смог бы объяснить, но он взял под свою опеку этого несуразного парня. А потом родилась дружба, нет, не опека сильного над слабым, а настоящая солдатская дружба.

Федор уснул спокойно без сновидений, утром впервые за последнее время, проснулся без похмельной ломки, без помойной горечи во рту. Взглянул в зеркало и ужаснулся, в хорошем же виде предстал вчера он перед другом. Вода, бритва и горячий компресс, оказывается и от утреннего туалета можно испытать блаженство. Теперь хорошо бы перекусить, но кроме черной краюхи хлеба, да засохшего сырка, в ночлежке ничего нет. Ладно, в городе есть где перекусить, а вот с одежкой совсем плохо. Почистив старый пиджак, Федор, насколько было возможно, привел в порядок свой жалкий гардероб. Вот и все, теперь зайти в контору предупредить начальство о своем отгуле, за ранее отработанные дни, и можно ехать в город.

Автобус до центра шел минут двадцать. Теперь найти бы улицу Ленских коммунаров, да, собственно, вот она улица, стоило только свернуть за угол, а вот и старый особняк с резными наличниками. Возле входа Федора остановил один из мордovorотов, что были вчера на кладбище. Визитка и звонок по телефону открыли для Федора двери особняка. На лестнице, ведущей на второй этаж, стоит улыбающийся Арсен.

– Проходи Федор, а ты пунктуален, это хорошо, это залог любого успеха. Согласись, что успех в жизни кое-что стоит.

– Думал, не пустят. Тебя здесь охраняют.

– Охраняют не меня, я здесь сошка малая. Ты сегодня ел, или у тебя диета?

– Вынужденная.

– Понятно. Сейчас пойдем перекусим и поговорим. Присядь здесь, я сейчас освобожусь.

Арсен скрылся за дверью, там звонил телефон, раздавались голоса, хохот. Из дверей укрывшими Арсена вышла высокая женщина в роговых очках. Проходя мимо, остановилась, и внимательно посмотрела на Федора, так внимательно, что Федору стало холодно, под этим гипнотизирующим взглядом из-под толстых стекол очков. Кривая усмешка скривила губы, она как будто кивнула головой, то ли здороваясь, то ли осуждая за столь жалкий вид. Ждать пришлось не долго. Арсен вышел в своей распахнутой дубленке, шапку держал в руке, красивый шарф обвивал шею.

– Тебе не холодно в такой одежке, ведь осень уже?

Разве объяснишь этому франту, что эта телогрейка у Федора на все случаи жизни, впрочем, Арсену и не надо было ничего объяснять.

– В ресторан не пойдем, могут не пустить. Здесь рядом кафешка есть, зайдем, перекусим, поговорим.

Впервые Федор отказался от спиртного, а вот на чебуреки накинулся с великим аппетитом. Арсен молча смотрел, как он жадно насыщается, и чему-то улыбался, нет, не обидно, а как старший брат над младшим, с легкой иронией.

– Да, не жалуется тебе жизнь, дружище! Но если ты мне доверишься, мы можем поломать, а вернее, отразить эти удары судьбы. Слушай сюда, мои люди снимают общежитие давно развалившегося завода, будешь жить там. Я даю тебе аванс, чтобы оделся и для поддержки штанов, на первое время.

– А что я должен делать Арсен?

– Не перебивай! Если не ошибаюсь, ты жил на Тунгуске? Видишь, я ничто не забыл, почему уехал из деревни меня не

интересует. На Тунгуске я беру в аренду леспромхоз и зверосовхоз, документы уже оформляются, но принять предприятия я смогу только зимой, сейчас набираю людей, надежных людей, на кого можно положиться. И ты друг, как местный житель, мне очень нужен. Так что будешь думать, или по рукам?

Думать Федор не стал, он решил, раз снова пересеклись их жизненные пути, значит надо идти рядом с этим преуспевающим другом. У Алитханова вероятно есть деньги и огромное желание преумножить их, а Федор Раков знал, какую дверь открыть в родном районном центре, кому и какой толщины кошелек показать, чтобы быстро и без волокиты добиться желаемого. С помощью Федора в районе быстро оформили бумаги, и через пару месяцев они уже на месте осматривали покупку. Облазили с Алтхановым все лесосеки, он довольно хрюкал и что-то прикидывал в уме. Раков понимал, что шеф планирует что-то связанное не только с лесозаготовкой, но пока не посвящает его в свои планы.

– Лес – это прекрасно, со временем мы не будем продавать его кругляком, мы наладим его переработку. Поставим пилораму, а Бог даст и две, да и на делянах технику надо менять. Развернемся Федор! Эх, развернемся!

..Сани подкинуло на повороте, и Федор чуть не вывалился из них. Почувствовав близкое жилье, лошадь бежала быстро. Деревня показалась из-за поворота, как только повозка выехала с дороги идущей по льду реки и поднялась на берег. Третий дом от школы был домом семьи Раковых. Федор рассчитывал подъехать затемно, чтобы меньше посторонних глаз видели его возвращение в родную деревню. Но на дворе было еще светло, две дворняжки облаяли повозку, Федор шикнул, но собачонки не отставали. У соседнего двора стояла запряженная в сани лошадь, во дворе раздавался визгливый голос жены Ермолая, видно опять ругаются соседи.

Заскрипела, висящая на одном шарнире, калитка, и хозяин вошел во двор. Двор был пуст, даже стайки, вероятно, пошли зимой на дрова. Отварив дверь, Федор шагнул в

знакомую с детства горницу. Остановился на пороге, глаза привыкали к полумраку комнаты. В доме никого не было горница, казалась, не жилой. Громко откашлявшись, Федор шагнул от порога. Не кровати стоящей в углу, закопошилась куча лохмотьев, и показалась худая, изможденная с давно не чесаными волосами голова женщины. Федор с трудом узнал в этой страшно худой с полу дикими глазами женщины свою жену. Боже, как изменилась она за эти полтора года. Она и раньше болела и по долгу проводила время в постели, но сейчас перед ним был живой труп, живой скелет смотрел на Федора с постели.

– Кто там пришел? Подойди, а то я плохо вижу, – Ульяна хрипло закашлялась.

– Это я Федор, ...муж твой Ульяна.

– Мой муж в реке рыбу кормит, а тебя я не знаю. Федя был с бородой, да и здоровее тебя, – она подслеповато вглядывается в незваного гостя.

– Ты что-то путаешь, я бороды не носил. Не взяла меня река, Уля, не утонул я... в городе жил. Вот вернулся.

– О, Мать Пресвятая Богородица, неужели и правда Федька! – Больная приподнялась на руке. – Да где тебя черти носили, когда мы с голодухи мерли? – Она говорила тихо, часто останавливаясь передохнуть. – Как же это ты родных детей бросил, а сам в город за легким хлебом отправился? А ты знаешь, что Лизонька умерла от голода и холода, умерла, не выдержав, этой проклятой жизни? А ты знаешь, что Веру пришлось отдать в люди и я теперь не знаю где она, как живет моя кровинушка? В чужих людях и побьют, и не покормят, кому пожалуется моя доченька? Кто за нее заступится?

– Ладно, хватит, мать, не по доброй воле пришлось мне уехать. Сама плохо выглядишь, давно болеешь-то?

Ульяна замолчала, силы покинули женщину. Она молча откинулась на подушку, закрыла глаза, из горла вырвался ни то стон, ни то крик, ей было тяжело дышать.

– Второй месяц лежу, – не открывая глаз, прошептала Ульяна, – грудь скололо, да кашель проклятуший душит.

Сейчас встану, чаю хоть согрею, жрать в доме давно ничего нет, на картошке держимся.

– Лежи, лежи я сам все сделаю. А девчонки где?

– Малую соседка к себе взяла. Холодно у нас, а топить нечем. Роза у кладовщика Кузьмы в няньках живет, пятнадцать годиков ей, совсем большая стала.

Федор вышел во двор, выломал из остатков забора две жердины и ловко нарубил дров.

– Все отцовское хозяйство прахом пошло» – грустно вздохнул Федор. – Ничего, Бог даст, на новом месте поднимемся.

Вспыхнули сухие дрова, весело зашумело в трубе. Федор налил в закопченный, грязный чайник немного воды, сполоснул посудину и наполнил до краев. Потом достал такую же грязную кастрюлю и тщательно помыл ее.

– Совсем засрались, ведь одни бабы в доме, – раздраженно ворчит Федор. – Картошка-то есть Ульяна?

– Посмотри в ящике за печкой, если нет спустись подпол.

Ульяна долго и хрипло кашляет. Федору искренне жаль жену, всю жизнь прожил он с этой не любимой, порой скандальной женщиной. Четверых детей родила она ему и вот лежит исхудавшая и совсем немощная. Но и себя винить во всех грехах, Федор не может. Порой доходило до сознания, что во всех невзгодах и неустроенности в их жизни, есть и его вина, хозяина и кормильца, но он гнал эти мысли.

Федор помыл картошку и поставил варить. Любил он картошку в мундире, с крупной солью, салом и обязательно с черным хлебом. Правда, иного хлеба, кроме черного, семья никогда не видела. Вот и сейчас достал из привезенного мешка буханку ржаного хлеба, шматок сала и две банки тушенки.

– Все Ульяна, я за вами приехал. В зверосовхозе жить будем, там уже и дом нас ждет, и работу мне предложили.

– Ты же не охотник, какая для тебя может быть работа?

– Директор я там, все хозяйство в моих руках, а охотников на мой век хватит, всю пушнину скупать буду. Конечно, есть хозяин, но и нам с барского стола что-нибудь упадет.

Федор перенес стол поближе к кровати, наломал хлеба, нарезал, большими кусками сало и открыл банки с тушенкой.

Потом помог сесть Ульяне, обложив ее подушками.

– Давай перекусим, чем Бог послал, – из мешка появляется бутылка красного вина, припасенная еще из городской жизни Федора.

Налил стакан до краев себе и немного плеснул жене.

– Ну, со свиданием, и не сердись ты на меня, Ульяна, нужда заставила меня такой фортель выкинуть, не бросал я вас. Мне самому эти полтора года вечностью показались. Не было дня, чтобы я о вас не думал, но не мог даже весточки подать.

От выпитого вина лицо Ульяны порозовело, глаза заблестели, она с удовольствием ела давно забытый хлеб и тушонку, запивая горячим, крепко заваренным чаем.

– Тебя по всей Тунгуске искали, затопленную лодку возле косы обнаружили, все поверили, что ты утонул.

– Да, видно кому-то очень хотелось этого, – наливая вино процедил сквозь зубы Федор.

– Я совсем голову потеряла, думала, все выйдем с голодухи. Спасибо соседи помогли, да, и Роза у Кузьмы в няньках, сама сытая и нас не забывает, то картошки подбросит, то хвост рыбы хозяин пошлет. Живем помаленьку, многие сейчас так живут.

– Ладно, мать, не рви душу. Теперь тебя бы на ноги поставить, да и девчонкам учиться надо. А Верку я через знакомых в городе поищу.

– Да, у меня где-то и адрес был, а письма писать, сам знаешь, какие мы грамотеи. Вот так и потерялась девка.

– Что нового в деревне, много пустых домов появилось?

– Уезжают людишки, совсем захирела деревня. Из сорока дворов восемь семей еще держатся, да и те наверно скоро сорвутся. Вот и наше гнездо опустеет.

Деревни, деревни русской глубинки, что с вами делает жизнь? Ведь цвели когда-то на ваших улицах черемухи, ой, как цвели, разливая духмяный запах, будил окрестные леса смех детей, играла по вечерам гармоника, веселя парней и девок. А как умел работать русский мужик и праздновать свои шумные праздники. Какие свадьбы, пели и плясали, на этих улицах. Рождались и умирали люди на своей земле, в родном доме, что остался от отцов и дедов. Дома остаются, а люди уезжают, и смотрят дома пустыми глазами, на старый погост, где лежат их бывшие хозяева, так же брошенные и забытые.

Слабое десертное пойло разобрало Федора, он вдруг почувствовал, что неодолимо хочет спать. А может, и не пойло, а волнения от встречи с семьей и усталость последних дней сломили этого крепкого мужика.

– Ладно, мать, отдыхай, я, пожалуй, тоже прилягу. Печь больше подбрасывать не буду, вроде тепло стало.

Федор вышел в соседнюю комнату и упал на Веркину кровать. Как хорошо в родном доме, где с детства знаком каждый сучок в стене, где тараканы копошатся за печкой и это твои тараканы, а не соседа. Здесь ты родился, здесь прошло детство, и первым, непонятным чувством обожгла молодость, сюда привел молодую жену. Гудели полы от пьяной пляски, ох, как гудели. Федору показалось, что за печкой трещит сверчок, раньше в этом доме не было сверчков, подумал Федор, и в следующую минуту здоровый храп разнесся по горнице. Ульяна, лежа в постели, счастливо улыбалась, мужик храпит, кормилец ее храпит, значит, жизнь продолжается.

Роза вбежала в дом веселая, румяная с мороза. Худоба не портила девчонку, она вполне могла сойти за молодуху, так вытянулась за последний год эта пятнадцатилетняя девчонка. Глаза Розы удивленно округлились, в дверях спальни стояла мать в длинной ночной рубашке с наброшенным на плечи платком.

– Мама, ты с ума сошла, тебе надо лежать!

– Хватит лежать дочка, хватит болеть. Надо баньку испотить, да слазь на чердак, сбрось пару веников.

– Веники? Да, тебе же нельзя париться, зачем тебе веники?

– Отец пришел дочка, отец. Живехонек наш батя, – шепотом, чтобы не разбудить спящего, сообщила Ульяна.

– Что...отец? Роза в изнеможении опустилась на лавку. – Да, как же так ведь вся деревня знает, что он утонул.

Глаза Розы в ужасе расширились, руки беспомощно стараются расстегнуть пуговицу на телогрейке.

– Мама, да как же так...ведь он меня убьет, когда узнает, ведь...скоро невозможно будет скрыть.

– Убьет, убьет у него рука тяжелая, по себе знаю. Раньше надо было думать, потаскушка ты подзаборная.

– Мама, да ты же сама меня учила, уступи, а то с голоду сдохнем. Ведь сама виновата, а теперь, все шишки на меня.

– Молчи потаскуха! Свою голову на плечах иметь надо, а то под мужика подкатиться сумела, а от греха избавится, ума не хватила.

– Да, не знала я что отяжелела, до сего дня не знала бы, если бы ты не заметила.

– Ладно, молчи пока, после отца порадуем, время еще есть. он, ведь, за нами приехал, в зверосовхоз хочет нас перевезти.

Директором его там поставили, надо пожитки собирать, хотя, какие пожитки, постель, да горшки собрать.

– Мама, а может, мне здесь остаться, у Кузьмы в няньках? – робко, с тихой надеждой шепчет Роза.

– Подстилкой ты у него будешь, а не нянькой. Ладно, с отцом поговорю, может, и к лучшему, здесь остаться. Иди топи баню, да про веники не забудь.

Роза ушла, а Ульяна подошла к кровати и опустилась на постель. Сил у женщины уже не было.

Глава 8

– Что же гам с тобой делать дочка? Встречи с Федором тебе не избежать, а как он себя поведет, одному Богу известно, – Петр Сергеевич поскреб макушку.

– А, может, мне с вами в тайгу? – робко отозвалась Надька.

– Думал я об этом, а как дом бросить? Да, и поросят кормить надо, и в тайге вечно прятаться не резон. А, думаю я девонька так: показаться надо ему на глаза, пока я здесь, тебе бояться нечего, а там посмотрим, как он на твое появление отреагирует.

– Да я его не боюсь, – совсем не весело улыбнулась Надька. – Это в первый момент, когда он объявился со мной какая-то кондрашка приключилась. А теперь я спокойна, пусть он меня боится.

– Он не из робких, – Петр Сергеевич достал трубку, немного помолчал. – Вчера семью привез, видно серьезно решил обосноваться. Завтра пойдем с тобой в магазин, да и вообще почаще на людях бывай, нечего затворничать.

– Когда в тайгу думаешь возвращаться?

– Два, три дня пробуду еще дома, обувь починить надо, да хлеба поставь. Сейчас в тайге, как в страду, каждый день дорог.

Не хотелось Надьке выходить из дома, ну, никак не хотелось. И не Борова она боялась, а боялась снова встретить Аркадия, боялась встретиться с ним взглядом. Ведь поймет парень – все, поймет проклятуший.

Не успели утром старый охотник с Надькой отойти от дома, как их догнал Ромашка. Он был уже навеселе, рыжий чуб лихо выбивался из-под старой солдатской шапки, изрядно поношенная телогрейка полурасстегнута, несмотря на утренний морозец.

– О, Петр Сергеевич, а я думал вы в тайге. Никак престол передавать приехали, – Вся его физиономия так и сияла от

какого-то внутреннего удовольствия. – Да, не справедливо с вами обошлись, раз и нет престола, теперь трудиться надо.

– А я всегда трудился Роман, понимаешь всегда! Я не знаю другой жизни, а вот ты, что сегодня хорошего сделал для себя, для других? Не обижайся Роман, я ведь по-хорошему спрашиваю. Ну, выпил с утра пораньше, Бог с тобой, но ведь и то не на свои, а сейчас вот отрабатываешь, за новой бутылкой в магазин бежишь. Ведь сорок с лишним лет, а все на побегушках. Так и последний свой час встретишь на пути к магазину.

Ромашка ошалело смотрит на охотника. Его не ругали, не срамили, этот старый тунгус, казалось, выворачивал ему душу, говорил теми же словами, которыми и сам Ромашка наедине корил себя, за свою непутевую жизнь.

– Видно такая мне в жизни карта выпала, Петр Сергеевич, Ну, где я здесь могу работать? В леспромхоз идти – здоровье не то, охотник из меня тоже хреновый, рыбешки наловлю, картошки накопаю, вот и зимую. Ну, а что пью, так я с детства испорченный, что-то у меня не так внутри сложено, видно шестеренки перепутали, когда собирали.

– В голове у тебя шестеренки перепутали.

Ромашка обогнал их и, оглянувшись, прокричал.

– Мое время еще не пришло Сергеевич! Будет и в моем окне солнышко отражаться!

– Будет, будет, – смеется охотник, – сейчас еще глотнешь, вот и засветит твое солнышко.

Последние слова охотника больно ударили по самолюбию Ромашки. Никогда не обращал он внимания на подкалывания и обидные шутки односельчан, но сейчас слова старого эвенка, как шальная пуля застряли где-то там в подсознании. Настроение, с утра подогретое спиртным, упало до нуля. Ромашка знал свою натуру, сейчас он займется закопанием, и уже никакая доза алкоголя не поднимет настроение до точки кипения.

Ромашка, Ромашка, как потерял ты имя свое? Как могло случиться, что из Романа Степановича – художника подаю-

щего не плохие надежды, превратился ты в Ромашку – бомжа, бездельника, алкоголика?

Он рос хорошим парнишкой в семье не большой, но дружной и работающей. Бог не обидел парня талантами, он не плохо рисовал, хорошо пел, писал милые стихи, которые нравились девчонкам. Родители гордились своим рыжеволосым отпрыском, ожидая, что их Романа ждет не плохое будущее.

Талант любит трудолюбивых, а здесь у Романа что-то не срасталось, не мог парень сосредоточиться на чем-то одном, добиваясь совершенства. Рано покинув родительский дом, почувствовал Роман свободу и вседозволенность. Из института, куда поступил он с первого захода, пришлось уйти. Опасаясь тяжелой руки закона и срока за хулиганство, уехал Роман в другой город и поступил в художественное училище. Учился легко, карьера художника, вполне, устраивала Романа.

Преподаватели в будущем видели в нем неплохого художника, при обязательном условии, что парень будет трудиться. Но парень не понимал, зачем прилагать массу усилий там, где все получается легко, без тяжкого напряжения.

Окончив училище, он не поехал по назначению в одну из районных школ, а избрал дорогу свободного художника. Прожил два года в глухой деревушке на берегу Байкала, рисуя красоты священного моря. Рисовал и надеялся, что первая выставка поставит его в один ряд с теми художниками, о которых писали газеты, и показывало телевидение. Но вчерашнему студенту устроить персональную выставку оказалось не реально, и все же несколько работ усилиями и настойчивости бывших преподавателей, Роману удалось выставить в одном из фойе театра. Работы оказались не замеченными, книга отзывов не замаранной отзывами посетителей.

Первый удар судьбы больно ударил по самолюбию. Роман отдался меланхолии, но надо было на что-то жить, где-то вить гнездо. Квартиры не было, а снимать квартиру

слишком тяжело для кармана. По совету товарища устроился Роман оформителем в Дом Культуры одного завода, здесь же в очаге культуры поставил он кровать в одной из комнат. О такой ли жизни мечтал Роман? Наверно окончательно спился бы парень, но чем-то привлек он внимание молодой девчонки, что пела в художественной самодеятельности Дома Культуры. Хорошо пела девчонка, голос был слабенький, но, сколько души вкладывала она в песню. На одной из репетиций, Роман, оформляя очередную афишу и, слушая, как поет девчонка, неожиданно стал подпевать. Голоса их так гармонично слились, что присутствующие на репетиции невольно заплодировали. Молодые смутились и впервые взгляды их встретились.

Девчонке сразу понравился этот рыжий художник, большие чуть навывкате глаза, смущенная улыбка – все говорило, что у парня чистая, хорошая душа, но горькие складки возле губ указывали, что жизнь уже показала парню почем фунт лиха. После репетиции девчонка подошла к Роману.

– Ну и смутил ты меня. Как звать-то?

– Романом дразнят, а что песню вам испортил, прошу извинить. Сам не знаю, как вклинился.

– У тебя голос хороший, где-нибудь учился?

– Нет, меня учили рисовать, а петь я не умею. У меня бабка певуньей была.

– Ты хорошо рисуешь. И картину можешь нарисовать?

– Если бы хорошо рисовал, я бы здесь не сидел, – казалось, парень обиделся на похвалу девчонки, но, взглянув на ее бесхитростную улыбку, улыбнулся сам.

Они долго проговорили в тот вечер, но Роман так и не решился узнать ее имя. А через пару дней к Роману подошла солидная седовласая женщина, она руководила самодеятельностью Дома Культуры, женщина постояла, наблюдая, как работает Роман, потом взяла стул и присела рядом.

– Хорошо рисуешь парень, и поешь хорошо. У меня к тебе предложение, приходи к нам на занятия, послушаешь, как мы поем, может, сам попробуешь. Мне, почему-то, кажется, что у тебя должно не плохо получится.

– Какой из меня певец, да я никогда перед публикой не пел.

– А мы певцов не готовим, просто помогаем тем, у кого есть хоть какие-то задатки. А на публику выйти только первый раз страшно, а потом затягивает. Приходи, если не понравится, никто держать не будет.

И Роман пришел. Он знал, что неплохо поет, но Клавдия Ивановна хмурилась и, казалось была недовольна его пением.

– Все, вроде бы, хорошо, но ты глотаешь слова, у тебя не правильная артикуляция, так можно петь где-нибудь в деревне на вечеринке, но не на сцене. Ничего несколько упражнений для губ, для языка, для дыхания и ты запоешь у нас, как Карузо. – Даша, а что если попробуете петь дуэтом? – обратилась Клавдия Ивановна к подошедшей знакомой Романа.

– Я не против, Клавдия Ивановна, – ответила девчонка и почему-то покраснела.

После репетиции она опять пришла в комнату, где работал Роман и, робко присев на стул, спросила.

– А долго надо учиться чтобы так рисовать?

– Я учился четыре года, – положив кисть, ответил парень, – а хорошие, большие художники учатся всю жизнь.

– Хорошие? А ты разве плохой художник? – удивилась девушка.

Роман, как-то горько улыбнулся.

– Скорее всего, посредственный, чтобы стать хорошим у меня характера не хватило.

Он пошел в угол, где были свалены подрамники, старые афиши и достал откуда-то из середины две картины и поставил их перед Дашей. На одной был нарисован Байкал во время бури, огромные волны, чайки и рыбацкая лодка на гребне волны. Даша долго смотрела на картину, потом перевела взгляд на другую. На изгороди из жердей сидит девушка, руки устало и как-то безнадежно опущены, в глазах слезы, в одной руке лист бумаги, вероятно письмо, а на траве под ногами почтовый конверт. За спиной девушки

поле пшеницы и одна единственная березка в левом углу картины. Даша отошла на несколько шагов от картины и, кажется, забыла о присутствии Романа. Долго, молча смотрит Даша на девушку с письмом

– И ты говоришь, что посредственный художник, да это великолепная картина, если я что-нибудь понимаю в живописи.

– Правильно, великолепная, только это не моя работа, это мне друг подарил, а моя вот эта лодка. Я поставил их для сравнения, чтобы ты поняла, где действительно большой художник, а где посредственность.

Широко раскрытыми глазами Даша смотрит на парня, потом подходит и, как-то по-бабьи гладит его по плечу.

– И это тебя огорчает? Понимаю, я тоже мечтала петь на большой сцене, да Бог голоса не дал, так что же мне теперь, завидовать более удачливым? Нет, я радуюсь за подруг, если у них получается лучше.

Они долго разговаривают, сидя друг перед другом. Роман узнал, что Даша воспитывалась в детском доме и окончила ремесленное училище, а теперь работает здесь на заводе револьверщицей.

– Красиво звучит, да? – смеется Даша, – а на самом деле такая нудная работа, весь день болты резать. К концу смены в глазах рябит от этих болтов.

– А живешь где? – поинтересовался Аркадий.

– Здесь при заводе в общежитии. Приходи в гости, чаем угощу, у нас четыре девчонки в комнате, скучать некогда.

За окном уже стемнело, когда Даша засобиравалась уходить. Роман, набросив пиджак, вызвался проводить девушку. Она не возражала. Предупредив сторожа, что скоро вернется, он вышел вслед за девушкой. Почему-то молча прошли до общежития, оно находилось рядом за углом, потом пошли по освященной улице, среди гуляющих пар. Повернули обратно и, снова, пошли до общежития, Роман рассказывал о своей жизни, о родителях в далеком городе, о невозвратном детстве. Сколько они так ходили, потеряв

представление о времени, неизвестно, спохватились, когда в окна общежития стали гаснуть огни.

– Ой, меня вахтеры не пустят, двери закроют, не достучаться. Все я убежала.

Она растворилась за дверями общежития, а Роман остался один среди опустевшей улицы.

– Какое же у нее окно, – шепчет парень, – жаль, не спросил.

Он некоторое время стоит посреди улицы, чему-то улыбаясь. На душе хорошо, хочется верить, что где-то там за этими вот окнами сейчас лежит Даша и, возможно, тоже думает о нем.

Два жизненных потока слились в один. Роман уже не представлял, как он жил без этой девушки, и зачем ему эта жизнь, если ее не будет рядом. На предложение быть его женой Даша ответила радостным смехом.

– А я думала, что ты никогда не предложишь мне этой глупости.

– Почему глупости.

– Давай рассуждать трезво: жилья у нас нет, я зарабатываю гроши, ты тоже не миллионер. Ни на себя, ни под себя и, все же, я благодарна тебе за предложение и говорю да.

Даша бросилась к нему на шею, и он впервые обнял самое дорогое существо в этой жизни. Они захлебнулись счастьем: для них светило солнце, пели птицы, дети играли в песочницах, и прохожие улыбались только для них. Казалось, это счастье не выпить до дна. И ложка дегтя, что попала в их бочку счастья, горчила, но молодые старались пере морщиться, но не дать горечи осесть в душах, чтобы портить настроение. Место в общежитии для Романа не было, и Даша перебралась к мужу в его комнатуху в доме Культуры. Но и там им перекрыли кислород, пожарная инспекция предложила освободить помещение. Жизнь загоняла их в тупик, и Даша боялась обрадовать любимого, что у них будет ребенок. Роман искал какой-нибудь угол в старых развалах на окраине города, но бабульки, сдающие

комнаты, заламывали такие цены, что у Романа пропадало всякое желание справлять новоселье в этих клоповниках.

Вот тогда-то и примерил на себя хомут молодой глава семьи. По совету товарища, посоветовавшись, с женой, забобовалась молодая семья в один из леспромхозов области. Так появился в леспромхозе на Тунгуске Роман Степанович с молодой, красивой женой. Художники в тайге не требовались, для работы в лесу нужна грубая мужская сила. Поставили Романа сучкорубом, самая простая работа в бригаде, махать топором, очищая хлысты от сучков. За смену, бывало, так намашешься, что еле добираться до кровати. Спал без сновидений, а утром снова трястись в дежурке в лесосеку, пряча кровоточащие, избитые топорщиком руки, чтобы не видели бригадники. Могли и отказаться от такого работничка Бригаде надо делать план, а мужикам зарабатывать деньги.

Природа Тунгуски сама просилась на холст, сколько для художника было прекрасной природы, но редко, очень редко садился Роман за мольберт. Даша устроилась кладовщицей на склад ГСМ. Ее предупреждали, что работа вредна для женского организма, особенно для беременной. Она скрывала свое положение, чтобы хоть как-то помочь мужу. В ее обязанности входила заправка лесовозов бензином, перед уходом машин в лесосеку. Работа была утренней, а день был свободным, и Даша наводила порядок в небольшом домике – первом семейном гнезде молодой семьи.

Прошло время, и Роман втянулся в рабочий ритм бригады, работа уже не казалась такой тяжелой, как в первые дни. По выходным выезжала молодая семья куда-нибудь подальше от поселка на берег реки, и Роман рисовал красоты северной природы. Писал вдохновенно, чувствуя, что все у него получается прекрасно. Жена была рядом, и каждой клеткой своего организма, чувствовал Роман, что его кистью водит любовь. В мечтах он уже видел свою выставку в одном из салонов Иркутска. Понимает парень, что его картины стали совершеннее, что он чувствует природу и умеет передать это чувство на холсте.

Даша научилась ловить удочкой рыбу, это занятие так захватило молодую женщину, что она с нетерпением ждала очередного выезда на природу. Роман поглядывал из-за мольберта на супругу, колдовавшую над поплавком, и сердце его наполнялось таким теплом к жене, что все невзгоды жизни казались далекими и мелкими.

Рождение ребенка молодая семья ждала, как манны небесной, как праздника жизни, на котором для них написана главная роль. Роман уже сейчас любил не рожденного еще ребенка. Он боялся за Дашу, стараясь взять на себя все домашние хлопоты. Утром он первым покидал теплую постель, чтобы перед уходом на работу приготовить не хитрый завтрак, и только после будил жену. Как ненавидел Роман эту ее работу, но Даша наотрез отказывалась увольняться

– Пойми дорогой, ведь скоро нас будет трое, ты не сможешь прокормить такую большую семью. Моя зарплата не большая, но я ее откладываю, чтобы купить самое необходимое для ребенка.

– Хозяюшка ты моя, да что бы мы делали без твоей зарплаты, давно бы зубы на полку сложили. А если серьезно, тебе необходимо

беречь себя, у нас такая длинная жизнь, что поработать еще успеешь, – Роман нежно обнимает жену.

– Хватит обниматься, – отталкивает мужа Даша, – на работу опоздаешь. Кто будет сучки обрубать?

– А ты что не идешь с утра?

– Я вчера лесовозы заправила, но все равно на разнарядке надо присутствовать.

– Тогда пошли жена, труба зовет.

Счастливые, они идут по улице леспромхоза, который приютил их, дал работу, крышу над головой и надежду на будущее. Будущее, где оно это будущее?

Глава 9

К магазину, Петр Сергеевич с Надькой подошли молча, каждый думал о своем. . Возле магазина стоит бортовая машина, двое мужиков бойко разгружают какие-то коробки, ящики, мешки. Народ толпится у еще закрытых дверей сельмага. Бабы лузгают семечки, мужики смолят сигарки, тихо переговариваясь, перемешивая речь крепким русским матом. Здесь же резвится ребятня, бегают собаки, мамаша кормит грудью младенца. Начинается обычный деревенский день. Петр Сергеевич подошел к машине.

– Что привезли ребята, – интересуется охотник, читая надписи на коробках. Один рабочий, вытирая шапкой, пот с лица, тихо смеется.

– Понимаешь, Сергеевич, откуда что взялось, то полки были пустыми, а тут масло, колбаса, конфеты нескольких сортов, да и одежонку привезли. Туфли модные чехословацкие, кому они здесь нужны? Может, в тайгу на промысел в них пойдешь? Да, чудна жизнь, как посмотрю, – задумался Петр Сергеевич. – А, как в леспромхозе со снабжением?

– Две машины там разгрузили, а одну сюда направили. Да, еще новость. Люди какие-то приехали в леспромхоз, говорят вербованные, не русские, грузины или армяне, сам черт не разберет, кто они такие. Без семей, одни мужики, говорят что в лесу своей бригадой работать будут.

После короткого перекура мужики закончили разгрузку машины. Дверь сельмага раскрылась, и народ, подталкивая друг друга, хлынул во внутрь. Петр Сергеевич с Надькой вошли последними. Народ уже выстроился возле прилавка, покупателей было не много, больше пришли поглазеть, поспудачить, узнать последние поселковые новости. Первым из толпы покупателей отделился Ромашка с двумя бутылками и с чем-то упакованным в газету.

– Вот видишь Сергеевич, что значит новый хозяин. У тебя в магазине крысы с голоду подышали, а сейчас прилавки ломятся. Хреново работал, товарищ бывший директор.

Промолчал старый охотник, да и что тут ответишь, прав был этот забулдыга. Видно действительно плохо работали, и не только он полу грамотный тунгус, всю жизнь проживший в тайге, а где-то там, наверху. Ведь откуда-то взялось это добро, не с неба же оно упало, кто-то давно готовил этот передрайт власти. Стар и неграмотен старый охотник, но думать, пока, не разучился. Он идет вдоль прилавка – да, есть чему удивляться.

– Дядя Петя, я даже не знала, что такие продукты существуют, – ходит с открытым от удивления ртом Надька. – Халва, что это такое? А мандарины, эти маленькие тыквочки какие на вкус?

– Ладно, дочка, сейчас возьмем и попробуем. Я во время войны за границей ел эти фрукты, знаешь, немного слаще нашей картошки, – смеется Петр Сергеевич.

Народ шутит, удивляется, прикидывает, что можно купить. . Цены, вроде бы божеские, деньги тоже у людей водятся, правда не у всех, но это уж как посмотреть, кто работает у того и ложка больше.

Петр Сергеевич не заметил, как из подсобного помещения вышел Федор Раков. Он стоял в дверях и неподвижным, тяжелым взглядом смотрел в одну точку. Возле прилавка стояла Надька, она разглядывает туфли черные, лаковые с острым носком и тонюсеньким каблучком.

– Господи, да, как на таких ходят, неужели кто-то купит такие? – Надька весело смеется, представляя на себе такие туфли.

Подшитые валенки, да чирки летом, были повседневной обувкой девчонки, да, и те подшитые, перешитые, что остались от старшей сестры.

– Интересно, как бы они сидели на моих разбитых ногах?

– Смеешься красавица? – хриплый полу шепот обрывает смех Надьки.

Подняв голову, она на миг растерялась, всего какой-то миг, встретившись с водянистым взглядом глаз Борова. Она выдержала этот взгляд, а сколько гнева и презрения проли-

лось на Борова из чистых, красивых глаз женщины. Потом, гордо подняв голову, она отошла от прилавка и спокойно, будто ничего не произошло, подошла к Петру Сергеевичу.

– Дядя Петя, давай не будем стоять за этими фруктами, не ели и привыкать не стоит, на картошке проживем.

– Ничего Надюха, мы люди не бедные, своим трудом живем, – Петр Сергеевич полу обнял девчонку, и чуть слышно прошептал. – Встретились?

Надька молча кивнула, и охотник почувствовал, как ее трясет от волнения.

– Спокойно, Надежда, спокойно. Выйти на улицу можешь?

– Ничего дядя! Это пусть он на улицу выходит. Соль не забудь купить, тебе с собой надо, да и дома уже кончилась.

Петр Сергеевич снова ушел в тайгу, а Надька осталась на хозяйстве. Хотел забрать с собой девчонку охотник, но в последний момент отказался от задумки. Да, и Надьке не хотелось, чтобы кто-то хозяйничал без нее в их доме. И снова потянулись дни в заботах по дому, и долгие вечера одиночества. Ни кто уже не разгребал ей снег во дворе, ни кто не приносил к дверям свежую рыбу. Дни в постоянных хлопотах, да и соседки иногда навещают, а вот вечера, длинные, зимние вечера угнетали Надьку. Она вязала носки, варежки, но много ли им троим надо. Перебрала, перештопала всю одежду, все равно вечера были бесконечно длинными.

Однажды зашла на огонек Зинка, подруга Екатерины, поговорили о деревенских новостях, вспомнили веселую, заводную Екатерину.

– Вкусный у тебя чай Надя, а вообще-то за чужим столом всегда все вкуснее кажется.

– Пей, я еще налью, в Тунгуске вода вкусная, со всех дворов нечистоты в речку сбегают.

– Ха, ха, ха! Ох, и умеешь ты Надя, вкусно угостить. На вечерку что не ходишь?

– Какая вечерка, дома дел хватает. Да, и куда одна пойдешь?

– Почему одна, у нас что, парней мало? Да, на твой чай быстро любители найдутся.

– Нет, Зина, на этих любителей у меня времени нет, да и не интересуют они меня.

– Ты что в старухи себя записала? Носки по вечерам вяжешь, так скоро сама с собой разговаривать начнешь. Иди на работу, в совхозе всегда рабочие руки нужны.

– А что я умею? Полы мыть, да свиней кормить.

– В зверосовхозе складские работницы нужны, сейчас пушнину к отправке готовят, а рук не хватает. Не хотят бабы работать, свое хозяйство у всех, да и мужики за сезон, вполне, семью обеспечивают. У многих дети малые, тоже не бросишь.

– Ой, Зинка, не возьмет меня Боров, а потом, я и сама не хочу к нему обращаться.

– А при чем здесь Боров? Ты к кладовщику иди, он за все отвечает. К нам в бригаду люди нужны, приходи, будем вместе работать, а то одни старухи собрались, и поговорить не с кем. А ты, я вижу, любишь поговорить? – смеется Надька.

– Не только поговорить, а и попеть, потанцевать. А знаешь, как у нас парни целуются, на морозе жарко становится.

– Бессовестная ты Зинка! Разве про это говорят?

– Это ты какая-то недоделанная! Ты что в монастыре родилась? А меня мамка с папкой на берегу под лодкой смастрячили.

– Сумасшедшая ты Зинка, но мне с тобой хорошо. Ты приходи, а то я все одна, да одна.

– А с парнями можно? Да, что я дура спрашиваю, конечно, можно, мы здесь такой кавардак устроим в твоём монастыре, небу жарко будет.

– Насчет парней – заворачивай оглобли вспять, а вот на работу, я пожалуй, пойду. Ну, его к чертям этого Борова, не всю жизнь мне в четырех стенах сидеть.

– А что Федор?

Не плохой человек, всегда поздороваётся, поговорит, правда хмурый какой-то. Я ни разу не видела, как он улыбается, а так очень даже приветливый мужик.

– Да, очень приветливый, – глядя в темное окно, тихо проговорила Надька, – очень приветливый.

Посидели молча, потом Зинка вскочила, обняла Надьку.

– Засиделась я у тебя подруга. Это я сегодня парня своего Никиту наказала за непослушание. Он наверно меня по всему поселку ищет, а я у тебя лясы точу, но ничего, крепче любить будет. Пока, не скучай Надя!

Зинка выбежала из избы, хлопнув дверью. Пламя в лампе заколебалось, отбрасывая тени по стене.

«Веселая у Кати подруга, с такой не плохо будет работать», – как о чем-то решенном, думает Надька.

Глава 10

После вечернего застолья студенты спали, как убитые. Солнце было уже высоко, когда Егора с Николаем разбудил стук в оконную раму. Не понимая где они, Николай сел в постели осматривая, незнакомую обстановку. В окно снова постучали, Николай, как был в трусах, босым потопал к двери. Спohватившись, он схватил штаны, и на ходу одевая их, запрыгал на одной ноге. В дверях стояла Надька.

– Вы от кого двери закрючили, медведя боитесь?

– А ты что спозаранку по гостям ходишь? – раздался из-под одеяла голос Егора. – Или опохмелиться пришла.

– Время десять часов, а вы вроде, на рыбалку собирались. Кто вчера у дяди Пети лодку просил?

Надька присела к столу, покачала головой, глядя на остатки вчерашней трапезы.

– Смотрю, солнце на полдень повернуло, а рыбаки еще спят, вот и пришла будить.

– А мы и забыли, что порыбачить хотели. А ну отвернись Надюха, я срам прикрою, прикрываясь одеялом, шутит Егор. – Как там твой папаня, головой не мучается?

– Мы с дядей Петей уже по дрова съездили, а Катя обед сгоношила, так что прошу в гости. А заодно посмотрите, как эвенки живут.

– Поесть горяченького – это хорошо! Как смотришь Егор, на предложение? Эх, сейчас бы ванну принять!

– А, ванна Коленька, вон там, – указывая за окно, смеется Егор. – Головой в Тунгуску с обрыва не желаешь?

– Вода еще холодная, замечает Надька, – Давайте я вам солью.

Весело фыркая и охая ребята подставили шею и спины под холодные струи, а Надька не жалея воды, поливает мужские тела парней.

– Ох, хорошо! Сразу сон, как рукой сняло. Надя, а в штаны-то зачем налила, я что теперь с мокрыми ходить должен, – хохочет Егор.

– Ничего Егорша, обсохнешь, собирайтесь, а то обед стынет.

– Какой обед, ведь мы еще не завтракали. Не могла утром в постель кофе принести.

– Жена носить будет, засоня! Куда бутылку досташь? Здесь с утра не пьют, да и в обед тоже. Спрячь, а то дядя Петя рассердится, не портить хорошего мнения о себе.

Почесав затылок, Егор спрятал бутылку.

В чуме, таком маленьком снаружи, оказалось просторно. Посреди круга горел костер, дым выходил в отверстие в самом верху конуса. Возле стенки стоял столик, явно лишний в этом замкнутом помещении. Напротив, у другой стенки сундук, обитый железными полосками, не нем несколько матрасов и подушки, накрытые целлофаном. Ничего лишнего, все необходимое для жизни.

– У меня здесь в деревне есть дом, – объясняет Надька, – но летом живем здесь, к земле поближе. В чуме можно и

зимой жить, просто, берестяное покрытие меняем на оленьи меха.

От реки пришла Екатерина со стопкой мытой посуды.

– Отец еще не пришел? Вот заработался старый, а у меня обед стынет, – ворчит Катя, расставляя на столике тарелки.

– Да, здесь я, что напрасно ругаешься, – раздался за чумом голос хозяина. – Собак сначала покормить надо, а потом самим за стол садиться.

– Накормлены твои бездельники, возле реки бегают, даже на чужих не взлаяли.

– Значит, чуют, что не чужие пришли, – входя в чум, кивает ребятам Петр Сергеевич. – А собак нечего хулить, для них зимой работа начнется. Собаки в дом достаток приносят. Как спали ребята?

– Рыбалку проспали, если бы не Надя до сих пор бы дрыхли наверно, – улыбается Николай.

– Ничего удочку покидать и вечером можно. Пока оглядитесь на новом месте, отдохните.

– Я в этих местах пол жизни прожил, каждое лето к бабке с дедом приезжал. Вместе с Надей росли, так что для меня здесь вторая родина. – поведал Егор. А во втором чуме кто живет? – интересуется Николай.

– Мой дальний родственник век доживает, – стал рассказывать Петр Сергеевич. – Хозяин-то болен, который год уже не поднимается, а хозяйка по мехам мастерица, больно ладно бисером камасы расшивает. Можете заказать, в городе таких не купите.

Похлебка, из мяса, картошки и каких-то трав, оказалась отменной. Сиг, зажаренный на углях, попахивал дымком и лоснился от жира.

– Такого ни в одном ресторане не подадут, – нахваливает Егор.

– Много ты по ним, по ресторанам-то шастал, – смеется Николай, – можно подумать, что ты на свою стипендию только в ресторанах и обедаешь.

– Один раз был, еще на втором курсе с пацанами в «Арктику» забрели, ничего примечательного, кроме цен, я в том ресторане не заметил. Да, у меня мать вкуснее готовит, такую картошечку с грибами пожарит, пальчики оближешь.

– Родители живы, здоровы? – интересуется Петр Сергеевич.

– А на что бы я учился Петр Сергеевич? Сейчас знаете, какие деньги за науку платить надо? Спасибо предкам, они у меня еще не старые, кормильцы мои.

– Учимся, учимся, а где потом свои знания применять будем неизвестно, – зло заметил Николай, – Ты пойдешь сторожем в какой-нибудь офис, если возьмут, а я к тебе заместителем.

– Время такое смутное парни. От вас будет зависеть, как дальше страна жить будет. Мы свое прожили, хорошо ли плохо, но прожили. А на вас молодых, ох, какая тяжелая обязанность ляжет.

Старый охотник достал трубку и задымил самосадом. Морщинистое лицо его, совсем скукожилось, глаза закрылись. Ребята, удивленно, с немим почтением глядят на этого старого, мудрого эвенка.

– Петр Сергеевич, неужели вы всю жизнь в тайге, – сменил тему Николай, – неужели не скучно, ведь в деревне никого не осталось?

– Скучно парни, ох, как скучно! Летом без тайги скучно! Охота – жизнь моя, жизнь всего моего маленького народа. Что летом делать? Рыбалкой побалуешься, хозяйство, у кого есть, подлатаешь немного и ждешь зимы. Зовет тайга, ох, как зовет, парни. Да, у нас даже женщины охотой балуются. Вот представь себе, женщина одна на медведя идет.

– А вы убивали медведя Петр Сергеевич?

– Было дело, и на медведя ходил. Да, вы вон у Надежды спросите, каково с хозяином тайги встретиться.

– Ой, дядя, лучше не вспоминать, у меня и сейчас мурашки по спине от той встречи. – Надька, как в ознобе передернула плечами.

– Расскажите, наверно, что-нибудь очень интересное можете вспомнить? – Просят ребята.

– Как-нибудь в другой раз, – глядя на девушку, улыбнулся охотник. – Поверьте, что для Надежды ничего интересного в той встрече не было. Охотники считают медведя хозяином тайги, по разуму, по некоторым повадкам, он даже сродни человеку. Если желаете, могу рассказать вам байку, но среди охотников считается, что все это было на самом деле.

– Расскажите Дядя Петя, – придвинулся ближе Егор, – я любил когда-то слушать, как дед рассказывает охотничьи байки.

– Деда твоего Гермогена Васильевича я хорошо помню. Хороший был мужик, хозяйство крепкое, но как давно это было. Ладно, слушайте, коли интересно.

Было у Семена Наймушина зимовье на берегу речки Ия. Хорошее, фартовое было место: летом ловил рыбу Семен, а зимой промышлял белку в ближайшей тайге. Однажды, ранней осенью, когда до промысла было еще далеко, а рыба так и перла в сети, сидел Семен в своем зимовье. Трещат дрова в печурке, чинит Семен сеть, и что-то напевает в прокуренные усы. Вдруг поднялся страшный ветер, поднялась метель, хлопья снега бьются в маленькое оконце, в печной трубе, как в январе завыл ветер. Семен смотрит в окно, ничего не понимая. Слышит Семен, кто-то идет на лыжах, скрипят полозья по насту. Подошел к зимовью путник, хлопал

лыжами, сбивая снег. В зимовье, вместе с клубами холодного воздуха вошел мужчина средних лет в дубленом полушубке, лохматой шапке. Всех мужиков в округе знал Семен, а этот был не знаком охотнику.

– Будь здоров хозяин! – обирая с усов куржак, пробасил незнакомец. – Вот иду к куме на Рождество, а табачок за был, не одолжишь на трубку нос погреть?

Семен молча достал кисет, язык его не слушался.

– Вот спасибо! Да мне только щепоть, трубку заправить.

Набил гость трубку, а кисет бросил хозяину. Показался кисет Семену дуже тяжелым. Попрошался пришелец и

скрылся за дверь. Было слышно, как надевал лыжи путник, как заскрипел наст все тише и тише.

Когда очнулся Семен в окне ярко светило солнце, тайга залитая светом, сверкала осенними красками, пели какие-то птицы, под берегом серебром сверкала речка.

– Спал я что ли? – подумал Семен и развернул кисет.

Кисет был пуст, даже табачной крошки не осталось, а взял гость всего одну щепоть. Ну, кто поверит этим охотничьим байкам?

– А что дальше? – нетерпеливо просит Егор.

Ночью видит Семен странный сон. Все тот же неведомый путник стоит в дверях и, обирая снежный куржак с усов, улыбается.

– Спишь хозяин? Хорошее дело. Принес я тебе за табачок подарок. Отныне можешь смело идти в тайгу. Ни один медведь тебя не тронет. Рядом будет ходить зверь, а для тебя он безопасен, но до тех пор, пока ты на него ружье не поднимешь.

Проснулся Семен, посмеялся ночным грезам и забыл в житейской суете о своем сне. Но стал замечать Семен странные для охотника дела. Сколько раз встречал в тайге зверя, но обходит медведь его стороной. Ночевал в лесу у костра, слышал, как зверь ходит рядом, но никогда не бросался на охотника. Друзья удивлялись, считая его заговоренным, но не верил в этот заговор сам Семен. А однажды нашли Семена в тайге мертвым. Задрал охотника зверь, видно не выдержала душа охотника, выстрелил в медведя. Зверь лежал рядом, но не могли понять мужики, как после смертельного выстрела он мог задрать Семена.

– Значить тот путник, что заходил к Семену был медведь? С ума сойти – медведь в облике человека! – Глаза Егора горят неподдельным интересом.

– Что интересно, паря? Да, среди наших тунгусишек и не такого наслушаешься.

– Ты батя, совсем ребят заговорил, они и про рыбалку забыли. А я тоже хотела бы с ними пойти, – Екатерина весело смотрит на Надьку. – А ты не желаешь удочку побросать?

– Если парни возьмут, я с радостью.

– А вы попробуйте вечером на озера сходить, – советует Петр Сергеевич. – В прошлом году там хорошо рыба брала. Да, ружьишко с собой прихватите, не дай Бог зверь к воде выйдет.

– Ладно, за хлеб, соль спасибо, мы пока пойдем, снасти разберем, червей подкопаем, а вас девчата, к вечеру ждем.

– Пойдите ребята, вы вчера что-то говорили про парня, что нашли мертвым в тайге. Я сегодня ночью подумал, мне кажется это тот парень, что жил у нас в зверосовхозе. Я нашел его не далеко от поселка, за лесополосой. Там в советские времена лесхоз занимался лесовоспроизводством. Несколько гектаров молодых саженцев подрастают там, как память о тех временах. Вот что ваш друг делал там, ума не приложу. Как его звали? Мы его звали Аликом, а полное имя Альберт. Он на охотоведа учился, – ответил Егор.

– Алик, Алик! Да это, вероятно, был он. Помнишь Надя, он у Аркадия жил?

– Я его хорошо знала, он с Аркадием у нас бывал, и я никогда не слышала, чтобы он на здоровье обижался, а вы говорили вчера, что он от инфаркта умер.

– Всякое Надежда в жизни случается, а подумать есть над чем. Ладно, отдыхайте, рыбу ловите, девчонок, вон, развлекайте. А потом будем думать, шибко, однако, думать надо.

Ребята вышли из чума, навстречу им от реки, виляя хвостами, бегут две собаки. Егор гладит их, мохнатых, шелковистых. А внизу шумит на перекате Тунгуска – холодная, беспокойная, несет она свои воды к великому Енисею, одаривая, живущих на берегах, чистой водой и доброй рыбой. Сколько сел и поселков кормится от щедрот ее, для скольких поколений стала долина Тунгуски малой родиной. А сколько сынов своих проводила она на великую бойню, и как мало вернулось сердешных. И кто знает, может там, вдали от родных мест, умирая, вспоминал солдат эту реку, эту тайгу и деревеньку, что опустела, но все еще стоит, как памятник давно ушедшим поколениям.

...Долгая, холодная зима доживала последние дни. Ночью еще трещали морозы, а днем пригревало солнце и с каждым днем все теплее. Надька уже два месяца работала на складе, на упаковке пушнины. Зинка оказалась очень хорошей и душевной подругой, правда, взбалмошной любительницей интрижек с парнями. Несколько раз Зинка приводила в дом Надьки парней, стараясь втянуть ее в свои веселые загулы. Но Надька, не обижая подругу, твердо пресекала поползновения своей очень активной подруги. Работа была не сложная, заработок тоже не велик, но для Надьки главное, что она была на людях, общалась с соседями, знала все поселковые новости. С Боровом сталкивались и не однажды, но он делал вид, что Надька для него мало знакомая и не представляющая интереса работница. И девчонку это вполне устраивало. Он жил с женой и малолетней дочерью, вторую дочь, вероятно, оставили в Еловке.

По вечерам Надька никуда не ходили, хоть и старалась ее Зинка вытащить в люди. Несколько раз встречались с Аркадием, но встречи были какими-то сумбурными, ни к чему не обязывающими. Надька старалась держать парня на расстоянии, хотя глаза парня притягивали каким-то магнетизмом, и после этих встреч девчонка долго не могла уснуть, ворочаясь в жаркой постели.

– Как бы все могло хорошо быть, если бы не проклятый Боров. Всю жизнь переломал стервец! – вздыхает Надька.

Ближе к весне стали появляться в зверосовхозе какие-то люди, по всей вероятности, южных кровей. Шумные, раскованные, как хозяева ходили они по зверосовхозу, занимая пустующие дома. Со слов Зинки молодые, а порой и не очень, черноглазые парни стали появляться на вечерках. Были уже и стычки у приезжих абреков с местными парнями.

Петр Сергеевич появился дома похудевшим, не бритым, но очень довольный промыслом. Сезон выдался фартовым, будет о чем рассказать приятелям, а может, и прихвастнуть. как во все времена умели охотники и рыбаки. В совхозном поселке становилось все многолюднее, выходили из тайги

мужики. Топили бабы бани, отмывали своих завшивевших кормильцев. По поселку с лаем бегали стаи собак, так же рады мокрохвостые возвращению домой. До поздней ночи не утихала жизнь таежного поселка, до поздна не закрывались двери поселкового магазина.

Виктор Ильич, приятель Петра Сергеевича, привез из тайги пару медвежат, и теперь вся поселковая детвора, да и взрослые тоже, торчали во дворе охотника. Угощали лохматых пришельцев, кто сахаром, кто конфетами, ни от чего не отказывались маленькие, ростом с шапку, медвежата.

Сходила и Надька. Долго любовалась на это мохнатое чудо, а они играли друг с другом, совсем, как дети.

– Ну, почему люди убивают зверей, почему не могут жить каждый в своей среде? – размышляла девушка, забыв о своей встрече с хозяином тайги.

– Славные зверята, – раздался за спиной голос Аркадия.
– Любуешься Надюша?

– Возмущаюсь Аркадий, ну, зачем надо было медведицу убивать, маленьких сиротить?

– Значит, заказ охотнику был на медвежат. Для своего удовольствия никто зверя бить не будет, за это по голове не поглядят. Да не переживай ты так, – смеется парень, – определяют медвежат в цирк какой-нибудь, или в зоопарк, а может, и за границу продадут.

– Я не переживаю, просто жаль зверят. Посмотри, какие они славные.

– Маленькие все славные Надюша! Я вот тоже маленьким, наверно, славный был, а теперь вот никто не любит.
– Аркадий шутливо вздыхает. – Девушка, которая мне нравится, не замечает.

– Да, видела я, как тебя на вечерке девчонки осаждают. Ты первый парень на деревне Аркаша.

– Плохо ты обо мне думаешь Надюша, я не из тех, кто липнет к каждой юбке. Так что твои намеки не по адресу.

– Аркаша, я тебя ни в чем не упрекаю, ты хороший парень и найдешь достойную подругу.

– Надя, но ведь я...

– Все Аркадий, на нас уже оглядываются.

Не прощаясь, Надька быстро пошла к своему дому. Аркадий долго смотрит вслед девушке на душе парня скверно. Ну, почему девчонка не отвечает на его чувство, чем так обидел ее Аркадий? Нравится ему эта дочка тайги, с первой встречи почувствовал, как притягивает ее удивительный взгляд, ее манера говорить с милой картавинкой и безобидной насмешкой.

Он появился в поселке два года назад. Сын обеспеченных родителей, он с золотой медалью окончил школу и поступил в университет. Сколько радости было у пацана, когда увидел он свою фамилию в списке принятых. Первые пол года парень находился в состоянии эйфории: от полной свободы человека вырвавшегося из-под опеки родителей, от новых друзей. Он полностью отдался учебе, и все у него удивительно легко получалось. Веселый, с легким не конфликтным характером, он легко сходил с людьми, ценил дружбу и всегда помнил данное кому-либо слово. Все у парня было хорошо, но к своему не малому удивлению, стал замечать Аркадий, что биология не та специальность, которой он хотел бы заниматься всю жизнь. Понял парень, что специальность отца, преподавателя одного престижного вуза, его совсем не интересует. Произошла ошибка, за которую придется в будущем расплачиваться. Что делать Аркадий не знал. Уйти из университета? Это верный разрыв с родителями. Как жить дальше, на что жить? Он не умеет ничего делать. Его всю жизнь готовили к определенной сфере деятельности, и ничто не могло поколебать мнение отца, что его сын – продолжатель дела, которому он посвятил всю жизнь. С кем посоветоваться в таком щекотливом вопросе Аркадий не знал.

На одной из лекций профессор обратил внимание, как студент, который ему чем-то нравился, смотрит в окно отсутствующим взглядом.

– Молодой человек, повторите, о чем я только что говорил?

Аркадий встал и без запинки повторил кусок лекции профессора. Тот откашлялся и, глядя поверх очков на парня, произнес

– Панин, если я не ошибаюсь? Слушайте и поменьше отвлекайтесь, то что я говорю не найдете ни в одном учебнике. Это мой опыт, результаты моих экспедиций. Если это вам не интересно, значит, вы не туда попали молодой человек.

Повернувшись к аудитории, не обращая на Аркадия, ни какого внимания, профессор продолжал лекцию. Аркадию стало стыдно, не ругал его профессор, просто сделал замечание, а парень покраснел, как девица. После лекции профессор за своей кафедрой заполнял какие-то журналы, Аркадий подошел к нему и остановился в нерешительности.

– Выкладываете молодой человек, что у вас там наболело? – не отрываясь от записей и не поднимая головы, спросил профессор.

– Скажите профессор? Вот вы всю жизнь занимаетесь биологией, – Аркадий замолчал, подыскивая слово поделикатней, – вам не кажется, что эта наука, ...скучноватая что ли?

Профессор удивленно поверх очков смотрит на студента. Глаза его хитро засмеялись, губы тронула улыбка мудрого старика.

– Скучная говорите наука? – переспросил профессор. – Но ведь мы молодой человек, жизнь изучаем, а разве жизнь может быть скучной? Вижу, сомнение гложет, а, может, быть и разочарование. Вы, как к нам попали, в школе биологией интересовались?

– Отец у меня биолог, преподает, как и вы.

– Династия, значит, похвально. И что же вас тревожит молодой человек?

– Как-то не мое все это, мало интересуется, чувствую, что не мое, а разобраться в себе не могу. Может, бросить учебу и на работу устроиться? На работу? И куда же позволите поинтересоваться?

– Собственно я еще не определился. Да, хотя бы в милицию, – Аркадий смущенно замолчал, понимая, что говорит глупость.

– Милиция – хорошая мужская работа, – как бы не замечая смущение парня, перебирает бумаги на кафедре профессор. – Очень уважительно отношусь к этим ребятам. Но, молодой человек, там тоже всю жизнь учиться надо. А вдруг и там наскучит?

Аркадий молчит, он согласен с этим мудрым стариком, увлеченным своей наукой.

– Вот что молодой человек, надо этот год доучиться, тем более учиться вы хорошо. На лето я вам предложу хорошую практику, а там уж решайте, как вам поступать.

– Какую практику Василий Иванович, здесь при университете?

– Есть у меня хороший ученик, он работает в Тунгусском лесничестве на реке Ия, одном из притоков Тунгуски. Вот к нему, если вы не будете возражать, я вас порекомендую. Но это если год закончите без хвостов.

Аркадий ушел от профессора с каким-то странным чувством. Что-то новое светило в его судьбе и, как ни странно, он был готов шагнуть в эту неизвестность.

Год Аркадий работал в лесничестве, про университет вспоминал все реже, понимая, что возможно уже отчислен. Родители сначала писали возмущенные письма, а потом и они устали, успокоились.

...Надька ушла, Аркадий долго смотрел ей в след и думал:

– Интересно, как бы реагировала маман, приведи я Надю в качестве жены в родительский дом. Да и отец, наверное, не сразу бы раскрыл объятия, – Аркадий грустно улыбнулся – Ничего, родные мои, все будет хорошо у вашего блудного сына. Все будет хорошо!

Весна пролетела незаметно. Люди садили картошку, копались в огородах, стараясь за короткое лето, вырастить хоть какую-то зелень, к зимнему столу.

Не любил Терентий копаться в земле, но Степанида зорко приглядывала за мужем. Знала баба, что если Терентий слинял из дома, значит, придет вечером на рогах. Любил мужик приложиться к бутылке, а еще была одна страсть у Терентия, посидеть с удочкой на дальних озерах.

Посадили картошку, а утром решил мужик попытаться рыбацкое счастье. Наладил снасти Терентий, и рано утком, когда еще все спали, отправился на рыбалку. Путь на озеро лежал через лесопосадки. Много лет рабочие леспромпхоза возрождают лес, занимаясь лесовоспроизводством. Молодые сосенки, пушистые, одного роста, рядами тянулись на несколько километров. Хорошо гулять в лесопосадках, чисто, вся почва усыпана сосновой хвоей, идешь, как по ковру. А в конце лета эти лесопосадки одаривают жителей поселка обилием маслят и рыжиков. Только ленивый, да немощный не ныряет осенью в лесопосадки за таежным урожаем.

Раннее утро, от реки поднимаются хлопья тумана, слегка примораживает, такие холодные весны бывают в этих широтах. Солнце еще не взошло, Терентий спешит, на зорьке хорошо берет карась. Любит Терентий рыбачить на удочку, сети конечно надежнее, но нет в них того азарта, что дает настоящему рыбаку удочка. Насадишь червя, поплывешь, с волнением забросишь удочку и все, ты уже забыл все дрязги и невзгоды вчерашнего дня. Ты находишься в другом измерении, какая-то неведомая нить связывает тебя с поплавком, что уснул на водной глади. Стоит поплавок чуть дрогнуть, и в сердце твоём отзовется эта дрожь. Вот дрогнул еще раз, и еще и, вдруг, потянуло поплавок куда-то в сторону и вниз ко дну. Легкая подсечка, и в воздухе, на конце лески, как золотой колокольчик затрепетал небольшой, с детскую ладонь, карасик. Фу ты...воти первая радость, и сердце колотится, как эта рыбешка.

– Стой, куда направился?

Перед Терентием стоит молодой мужчина с ружьем наперевес.

– Куда спрашиваю идешь? Ты что немой?

Откуда он взялся, Терентий не робкого десятка, но на много растерян от неожиданности. Мужик был не знауом. Черные, коротко стриженные волосы, большой нос с горбинкой и аккуратные тоненькие усики, черные глаза смотрят с пьяной наглостью.

– На озера иду, а ты что тут с ружьем шастаешь, разбойник что ли?

– Какой разбойник? Охранник я, лесопосадки охранять поставлен, так что поворачивай обратно, не положено здесь ходить.

– Лесопосадки говоришь? А от кого и зачем их охранять?

– Мое дело маленькое, сказано, никого в лесопосадки не пускать, я и стою. Так что заворачивай оглобли.

– Но послушай, а как же озера? Мы всегда этой дорогой ходили.

– Ходили, но больше не будете ходить. И другие дороги перекрыты. Эта земля Алтханова, что хозяин прикажет, так и будет. Так что поворачивай мужик, не доводи до греха, – охранник снял с плеча ружье.

– Значит, накрылась моя рыбалка! – Терентий со смаком выругался.

Домой возвращается мужик злой на весь белый свет. Не мог понять охотник, как это могло случиться, по своей земле, где прожил всю жизнь, запрещает ходить какой-то там пришлый Алтханов. Ведь рыбалка на дальних озерах, была единственным, светлым воспоминанием детства. Эти озера он видел во сне в годы военной службы, это его родина, его второй дом. Да, кто он в конце концов, откуда взялся и, как вот эта земля может принадлежать какому-то там Алтханову. Кровь кипит, злость ищет выхода.

– Эх, магазин еще закрыт, – с горечью выругался Терентий, – к Матрене нырнуть, да наверно, спит еще, а... разбужу, чай не убьет.

Мужик свернул в переулок, где, не далеко от складов, жила Матрена Рыжова – беда и выручка мужской половины поселка. В окнах дома Матрены темно. Визжит в стай-

ке поросенок, с лаем рвет цепь собака, на крыльце сидит Ромашка и дразнит пса.

– Пес сорвется с цепи – мало не покажется, – не приветствуя парня, буркнул Терентий.

– Я против собак заговор знаю, они моего взгляда не выносят.

– Трепач ты Ромка, что подлечиться пришел? – Присаживаясь рядом на крыльцо, интересуется Терентий.

– Да, что-то не открывает Матрена, специально собаку дразню, может, надоест бабе собачий лай слушать.

– Что-то крепко спит красавица наша. Эй, Матрена! – кричит Терентий, – клиенты пришли, не дай умереть!

В ответ мертвая тишина, только поросенок исходит визгом в стайке.

– Она может, Богу душу отдала, пошли от греха подальше, – поднялся с крыльца Ромашка.

– Нет уж, если я пришел, я своего добьюсь. Ты в двери-то стучал?

Терентий подходит к двери, в пробое воткнута палка вместо замка.

– Балбес, да ее дома нет, – ворчит Терентий, открывая дверь.

– Куда она в такую рань могла уйти?

– Может, она дома не ночевала, вон поросенок не кормленный ревет, – Ромашка следом за Терентием входит в дом.

В доме стоит холодный сумрак, печь холодная, кровать стоит не разобранный. Мужики обошли горницу, заглянули в куть. На кухонном столе, переделанном в курятник, стоит не мытая посуда, под столом шубуршат не кормленные куры. Терентий взял из стоящего рядом со столом мешка горсть пшенной крупы и бросил курам. Потом открыл шкафчик над кухонным столом, глаза его весело заблестели, в шкафу стояла бутылка мутной жидкости.

– Что Ромка, полечимся немного? – доставая бутылку, предложил Терентий. – Не дрейф парень, под мою ответственность.

Ромашке дважды предлагать не надо, он подсаживается к столу, достает из кармана луковицу.

– Посмотри там дядя Терентий, может, хлеба кусок найдешь.

– Здесь ведро стоит, наверно, свиньям приготовлено, сходи Ромка, накорми свинью, а то всю деревню разбудит своим визгом.

Ромашка послушно взял ведро и скрылся за дверью. Терентий присел к столу, не нравилось ему отсутствие хозяйки. Она жила одна, ни с кем не дружила, женщины не очень жаловали ее, считая виновницей загулов мужского населения поселка. Приторговывала Матрена первачом, гнать который, была превосходной мастерицей. Она добавляла в напиток какие-то травы, что отбивали сивушный запах, ну, а крепость пошла – быка свалит. Куда могла уйти женщина в такое время? Дома она явно не ночевала.

– Проголодалась свинья, видно, давно не кормлена, – в горнице появляется Ромашка. – Теперь можно и нам подкрепиться, а то я, как та свинья, с вечера голодный.

Мужики сели к столу. После первого стакана на душе стало теплее, но тревога не покидает Терентия.

– Пошел на рыбалку, а там охрана. Не слышал, что это за порядки новые?

– Федор Раков нанял басурманов для охраны лесонасаждений от пожаров, но там, в лесополосе, идут какие-то работы.

– Какие работы там могут идти, что нехристи занялись лесовоспроизводством?

– Не знаю, наших ни кого туда не допускают.

Ромашка жадно смотрит на початую бутылку, а Терентий словно забыл про выпивку. Что-то не ладное творится в жизни поселка, и это что-то коснулось его Терентия, и ему необходимо в этом разобраться. А тут еще Матрена куда-то исчезла.

– А ты, я вижу, у Федора в шестерках бегаешь? – язвит Терентий.

– Врут люди! На хорошего человека наговаривают, – оправдывается Ромашка

– Это кто хороший человек, ты что ли? Да, ты червяк ползучий! – выпитое ударило в голову охотника, а все утренние неприятности подогрели и без того вздорный характер, – да, я таких червей давил и давить буду!

– Что вы дядя Терентий, да я никому плохого, ни когда не делал.

– И хорошего тоже, – перебивает его Терентий, – пить с тобой и то противно. Марш отсюда мокрица!

Терентий зло смотрит на Ромашку, еще мгновение, и кулаки охотника нашли бы для себя работу. Ромашка с сожалением смотрит на недопитую бутылку, но решает не искушать судьбу. Схватив шапчонку, он выскакивает из горницы. Ромашка идет по улице, проклиная Терентия. Но что он взъелся? День, явно, начинался для Ромашки с неприятностей. Думал перехватить бутылку у Матрены, так куда-то черт унес самогонщицу. С Терентием только присел полечиться, так и этот кобель, как с цепи сорвался. Где теперь приклонить голову?

Возле магазина стоит лошадь, запряженная в легкую коляску. В дверях магазина появляется Федор Раков, а руке объемистый портфель. Бросив портфель в коляску, он поворачивается к Ромашке. – С утра трезвый? Ты что заболел Роман? – не здороваясь, смеется Федор.

– День не удачный Федор Викторович. Тяжело в этой жизни маленькому человеку.

– Ну, вот что маленький человек, скажи мне, у тунгуса Петра живет девка, она ему кем приходится? Вроде бы, родителей ее я знал.

– Да, приبلудная она, Федор Викторович. Петр был другом отца Надьки, вот и пригрел девку.

– Ладненько Роман. Говоришь, голова болит, это дело можно поправить. Скажи в магазине, что я велел бутылку дать, да, не наглей там, слышишь, одну бутылку.

– Спасибо Федор Викторович, дай Бог всего вам хорошего.

– Бог даст Роман, всем даст, кто что заработал. Ладно, иди лечись, да не болтай, о чем тебя спрашивал.

– Как можно Федор Викторович, как можно, – чуть ли не раскланивается Ромашка.

Высокий забор скрывает домик в центре поселка лесозаготовителей. Раньше в нем жили две семьи учителей местной школы. Учителей переселили в квартиры барачного типа, а в домике сделали капитальный ремонт. Теперь в домике удобно зажил новый хозяин леспромхоза Арсен Алтханов. Семьи у него нет, где-то там за горами Кавказа, возможно и живут наследники сибирского лесозаготовителя, но здесь в поселке, он живет один. Женщина, лет пятидесяти приходит, чтобы сделать уборку в доме холостяка, а кто ему готовит пищу неизвестно, возможно, та же приходящая домработница.

Вместе с Арсеном Алтхановым в поселке появились молодые люди, здоровые, шумные явно не русского разлива. Они создали свою бригаду лесозаготовителей, русским путь в нее был заказан.

В полдень Федор Раков подъехал к дому хозяина. Из калитки на звонок вышел крепко скроенный мужчина, увидев Федора поднял в приветствии руку. и поспешил открыть ворота. Коляска въехала в просторную ограду, ворота плотно закрылись. Когда Федор вошел в дом его оглушил громкий хохот хозяина. Голый по пояс Арсен лежал на диване, а напротив, за столом, что-то рассказывая на непонятном языке, сидел мужчина средних лет с голым черепом и крупным моложавым лицом, обрамленным небольшой бородкой. Стол накрыт на троих: бутылка красного вина, фрукты, зелень, и разодранная, лоснящаяся от жира курица на большом блюде.

– А вот и Федор! Проходи дорогой, – не поднимаясь с дивана, приветствует Арсен. – Как устроился, как семья? Садись дорогой, всегда рад тебя видеть.

Федор присел на стул возле стола, оглядел убранство квартиры. Красивый ковер над огромным диваном, в углу

на полированной тумбочке большой современный телевизор и круглый стол посередине комнаты.

– Что смотришь, не богато живет Алтханов? Ничего Федор, работать надо хорошо, тогда и жить богато будем. Арсен поднимается с дивана и подходит к столу.

– Подвигайся ближе, – показывая на стол, приглашает хозяин. – У нас на Кавказе умеют угощать гостей, давай выпьем Федор, закусим и поедем в лесосеку.

– Я-то, зачем вам в лесосеке?

– Ты всю жизнь в тайге прожил, посмотришь, посоветуешь, как лучше работу наладить. Ну, а вечером в баньке попаримся, посидим.

Мужики выпили, Федор взял куриную ножку, Арсен закусил зеленью и налил по новому бокалу.

– Много пить не резон, работа ждет, но еще по одному бокалу можно, – Арсен полу обнял за плечи Федора. – Я давно понял друг, простую истину, что человек везде может жить хорошо, если имеет голову на плечах.

– Правильно говоришь дорогой, – яйцеголовый пил смакуя, прищелкивая, от удовольствия языком. – Ты всегда умел жить Арсен Джамонович.

– Я родился на Кавказе, Сибирь стала мне вторым домом, – Арсен поднялся из-за стола, раскурил трубку, и меряя шагами горницу, стал поучать Федора. – Ты Федя, не знаешь, в каком краю ты живешь. Сибирь, это золотое дно, для человека предприимчивого, человека умеющего мыслить масштабно. Лес, пушнина, а та плантация, что мы заложили в лесополосе, это наше светлое будущее Федор. Так что держись за меня Федя, я тебя в люди выведу, а если будешь воровать, в тех же лесопосадках закопаю.

– Как можно воровать Арсен Джамонович? Да, честнее слуги у вас не будет.

– Вот именно слуги. Запомни это и выше чем тебе позволено не прыгай. В бизнесе друзей нет, прошлое лучше забыть.

– Я все понимаю хозяин, – Федор чуть ли не в пояс кланяется Арсену, но кулаки его крепко сжаты, так что побелели костяшки пальцев, а глаза налились кровью.

Арсен не заметил, как изменилось настроение гостя. Выпив второй бокал, он почесал волосатую грудь и вышел в смежную комнату одеваться.

– Один живешь Арсен Джамонович? – заботливо льстит старый пройдоха, – без женской ласки и виноград не сладок.

– Вот здесь ты в точку попал, люблю Федор я этих сестер Евы. Но где в тайге найдешь смазливую телку. Немного обживусь, привезу из города пару на развод.

Арсен громко хохочет в соседней комнате, а Федор задумался, одна шальная мысль ударила в голову. А что если одним выстрелом двух зайцев убить, себя обезопасить, и Арсену угодить. А потом – моя хата с краю.

– Есть у меня в поселке одна бабенка, но больно молодая и строптивая. Опасно с такой связываться.

– Молодая говоришь, а зачем ему старуха? – Вмешался в разговор яйцеголовый. – А строптивую можно и обломать.

– Ты все бы обламывал Гога, – подает голос Арсен. – Лаской надо, лаской и бабками, побрякушку на шею повесить, тряпку какую-нибудь на плечи бросить, она и растает.

– Она сирота, но опекает ее один тунгус, который до меня в зверосовхозе на хозяйстве сидел. Зимой тунгусишка уходит на промысел, а девка одна остается.

Арсен вышел из комнаты, готовым к поездке.

– Тунгус говоришь? Помню, помню такого, ну ладно, поехали, а к этому разговору мы еще вернемся.

По поселку разнесся слух, что потерялась Матрена Рыжова. Несколько дней выла собака, на усадьбе у Матрены, а потом как-то сорвалась с цепи и убежала. Поросятка, что визжал в хлеву, соседи забрали себе, не пропадать же животине. Соседи высказывали разные предположения. Кто-то видел, как сплавлялась она на лодке по направлению леспромхоза, кто-то видел ее на дороге к лесополосе. Кому

верить, да и что ей делать в лесопосадках? Деревня шушукалась, высказывались разные предположения, а Матрены не было.

В один из жарких дней начала лета на пустынной улице поселка появилась Матренина собака. Она еле волочила ноги, шерсть торчала, как грязная куделя, живот подтянут к позвоночнику, а ребра, обтянутые шкурой, торчат, как стиральная доска. Собака еле доплелась до усадьбы Терентия и уткнулась носом в подворотню. Открыв калитку, Степанида узнала собаку, они с Терентием не раз бывали в доме Матрены и хорошо знали ее Палкана. Видно не зря судьба привела собаку именно к их калитке.

– Терентий выйди! – закричала Степанида, – Да, где ты окаянный, уснул что ли?

– Что раскричалась, змея что ли укусила? Да, вроде змеи друг друга не кусают. Ты сама кого угодно покусаеть, – ворчит Терентий, спускаясь с крыльца. – Господи, да это никак Матренин Палкан. – отталкивая жену, склонился над собакой Терентий.

– Откуда она прибежала? – суетится Степанида, – заноси в ограду, я пока поесть что-нибудь сгоношу.

Терентий осмотрел собаку, побоев не было, лапы тоже не сбиты, только сильная худоба выдавала, что Палкан несколько дней был не кормлен.

– Что же с тобой случилось, – поднимая собаку, приговаривает Терентий.

Полкана положили на соломенную подстилку возле амбара, подальше от своего волкодава. Степанида вынесла утренней, еще теплой похлебки. Полкан полакал жидкости и лег, закрыв глаза.

– Пошли, пусть отдохнет, потом поест, – Терентий уводит жену в горницу.

– Откуда он мог прибежать? Неужели все эти дни искал Матрену, – рассуждает Степанида. – Ох, чует мое сердце, сгинула баба.

– Да, – чешет затылок Терентий. – Но ведь могла в леспромхозе у кого-нибудь загоститься, могла в Еловку смо-

таться. Все бабы, как коровы бездомные, хоть болото на шею вешай, чтобы не потерялась.

– Понесло, понесло, что голос прорезался, – повысила голос Степанида, – сами –то за рюмкой хоть на край света уйдете, о доме и не вспомните.

– Хорошо, что напомнила, мне к Сергеевичу сходить надо. Курево кончается, а у него самосад, дюже хороший, может, позычит по старой памяти.

Степанида ушла в куть, загремев кастрюлями. Терентий, подумав о чем-то, достал кисет, но, так и не закурив, шагнул через порог.

Виктор Кузаков возвращался с рыбалки. На озера путь был закрыт, теперь мужики ходили на протоку, что возле Красного яра. Улов был не большой, с десяток окунишек, да несколько сорог, зато отдохнул мужик от домашней суеты. За плечом болтается ружьишко, так на всякий случай, да собака весело бежит впереди.

Ночь была теплая, Виктор любил такие ночи у рыбацкого костра: ушица, вкусно пахнущая дымком, бутылочка самогонки, припасенная ради такого праздника, и весело играющие языки пламени в костре. Красота! Все домашние заботы уходят куда-то, и не рыба главное, а это необыкновенное состояние души. Виктор улыбнулся, затягиваясь самосадам. Хорошо! Собака, бегущая впереди, вдруг остановилась, повела носом и резко свернула к речным кустам.

– Наверно ондатру почуяла, – ворчит Виктор, и пошагал дальше.

Сзади раздался собачий лай, но Виктор шел не оглядываясь, пусть себе играет собака. Уже были видны дымы поселка, когда навстречу Виктору из низины поднялся Терентий. Он торопливо шел за собакой, которая изредка взлаивала и оглядывалась на него, как бы зовя за собой.

– Ты куда Терентий, собаку выгуливаешь или она тебя? – смеется Виктор.

– Скорее она меня. Вчера приползла к дому чуть живая, а сегодня лает и бежит, словно зовет куда-то. Хозяйка у нее потерялась.

– Так это Матренина собака, – догадался Виктор, – да видно в беду попала баба.

В кустах у реки уже лаяли две собаки.

– Пошли посмотрим, что они там нашли, – предлагает Терентий.

Мужики через пашню направляются к реке. Раздвигая кусты, Терентий приблизился к собакам, Виктор немного отстал.

Под кустом лицом вниз лежит женщина в серой вязаной кофте и черной юбке. Терентий наклонился над ней чтобы перевернуть и в ужасе отвернулся. Смердный запах ударил в нос, лицо женщины обезображено грызунами. Несомненно, это была Матрена.

– Не трогай ее Терентий, нужно заявить властям. Побудь здесь с собакой, а я побегу к Ракову, у него есть телефон до леспромхоза, пусть звонит хозяину.

– Хорошо, оставь мне удочку, я здесь побросаю, чтобы время убить.

Позвав свою собаку, Виктор поспешил в поселок Терентий несколько минут постоял над трупом, потом медленно спустился к реке, собака осталась сидеть возле хозяйки.

– Что же с ней могло случиться? – сидя возле самой реки, сам себя спрашивает Терентий. И не находит ответа, – На убийство вроде не похоже. Крови не видно, да и за что ее убивать? Больше недели пролежала баба, и все это время собака сидела рядом. Видно правду говорят, что собака надежнее иного человека.

Низко над рекой пролетела пара чирков, Терентий, проследив полет птиц, лег на спину, заложив руки за голову. Пришла Матренина собака, и легла рядом, Терентий закрыл глаза, и уже поплыл куда-то, засыпая. Стук копыт вернул Терентия из полузабытья, на дороге показался верховой.

– Боров спешит, – отметил Терентий, – хорошо в седле держится бестия. – Он поднялся на встречу Ракову, собака с лаем бросается на коня.

– Что у вас тут случилось, едрит – твою за ногу? – загрохотал Федор, слезая с коня.

– Матрена нашлась Федор Викторович, вернее, ее труп. Больше недели пролежала, разлагаться начала, – раздвигая кусты, пропускает вперед Федора Терентий.

Раков склоняется над трупом, зажав ладонью носоглотку.

– Ну и запашок, от тебя с похмелья так же пахнет Терентий?

– Скажете тоже, я уже забыл когда пил ее проклятую.

– Что же случилось с бабой? Не слышал Терентий, она, может, болела?

– Матрена болела? Да, она здоровее любого мужика была, ее наши выпивохи, побаивались.

– Ладно, сейчас Арсен доктора привезет, я звонил в леспромхоз. Да, нам эти приключения ни к чему, еще милиция нагрянет, начнут всех трясти. Причем здесь все-то? – удивился Терентий.

– Самогонку у Матрены покупали? Может, кто за долги прикончил бабу.

– Какие там долги, если бутылку другую возьмешь у бабы. Разве за это убивают.

– Милиция разберется! Вон в городе за тридцать рублей убили старуху. Жизнь какая-то дешевая пошла.

Мужики присели на берег, долго молчат, каждый думает о своем, о своих повседневных заботах, о быстрой течучести бытия. Смерть всегда навивает грустные мысли, заставляет вспомнить давно ушедших друзей, с кем когда-то делил кусок хлеба, стакан водки, ночные часы у костра под звездным небом. Жизнь, какая бы она не была: счастливая или не очень, богатая детьми и внуками, или одинокая в обнимку с воспоминаниями, все равно это жизнь, однажды данная нам, и нет ничего прекраснее на этой древней земле.

За рекой колокольчиками звенят кулики, серебрится речка, отражая заречную тайгу, ласково светит солнце, а в кустах лежит Матрена.

– Выпить бы сейчас, – прервал молчание Раков, – у тебя ничего нет?

– Откуда Федор Викторович!

– Откуда, откуда, – передразнил Федор. – Вот так бегаешь, бегаешь и не знаешь, где упадешь.

– Это хорошо, что не знаешь. Во что бы превратилась жизнь, если ба люди знали свой последний час.

– Да, ты философ, свинячье рыло, живешь в тайге, молишься пню, а туда же философствовать начинаешь.

– Я ничего Федор Викторович, говорю, как думаю.

– Поменьше думай, умник!

Терентий промолчал, Федор еще, что -то поворчал, и тоже затих. Минут через сорок послышался рокот мотора, и к берегу причалила моторная лодка. Лодкой управлял сам Арсен Джаманович, он ловко выпрыгнул на берег, и подтянул за цепь лодку. За ним на берег сошла врач из леспромхозовского медпункта и сержант милиции.

– Что у вас случилось Федор? – пожимая руку, спросил Алтханов.

– Женщина погибла Арсен Джаманович.

– Этого нам только не хватает! Ну, показывай.

Все поднялись на берег, Татьяна Николаевна профессионально осмотрела труп: подняла веки, ощупала голову, зачем-то расстегнула кофту. Сержант достал из папки лист бумаги, и что-то стал записывать. Врач выпрямилась и вытирая руки платком, обратилась к Алтханову.

– Следов насильственной смерти не нахожу, скорее всего, сердце. Женщина не молодая, да вероятно, еще и выпивала, вот сердце и не выдержало. Точнее всего, могу сказать после вскрытия. Труп надо отправлять в город.

– Присутствующие подпишите акт, – сержант протянул папку с актом Федору, потом поставил свою закорючку Терентий. Алтханов махнул рукой, и подписывать не стал, последней. Врач поставила подпись последней.

– Перенесите ее мужики в лодку, – распорядился Алтханов. – В поселке лишнего не болтайте, не надо возбуждать не здоровые разговоры. Ну, будьте здоровы.

Алтханов оттолкнул лодку от берега и вскочил в нее, когда лодка отплыла подальше, запустил мотор. Развернувшись,

лодка стала удаляться в сторону леспромхоза. И вдруг над берегом, над рекой, леденя сердца людей, раздался собачий вой. Выла собака Матрены, сидя на том месте, где недавно лежала хозяйка.

Глава 11

В Еловке, сидя в пустом отцовском доме, билась в рыданиях дочь Федора – Роза. Жизнь жестоко била эту девочку, полу женщину. Кузьма, у которого в няньках жила Роза, уехал с сыном в город к больной жене. Уехал, совсем покинув деревню, оставив Розу на шестом месяце беременности. Куда теперь податься девчонке? Домой к матери Роза ехать боялась, хорошо зная, тяжелые кулаки отца. Здесь в деревне ее ждала голодная смерть. Роза билась в рыданиях, проклиная тот день, когда она пошла в дом Кузьмы. Опять же, куда ей было деться? Отец считался погибшим, больная мать не могла прокормить девичью ораву. Одна сестра погасла, как свечка, вторая потерялась где-то в городе на чужих хлебах. В доме оставались еще две голодные на иждивении больной матери. Вот и пришлось Розе в пятнадцать лет идти в няньки к Кузьме, жена которого лежала в городской больнице. Больше года уже лежала бедная женщина, а Кузьма здесь, в деревне, с пятилетним пацаном маялся. Сын Кузьмы рос тихим, спокойным ребенком, но накормить, помыть, уложить спать – все эти заботы легли на плечи Розы, да и обед сварить на всю семью девчонка могла превосходно. Работящей была Роза, с малых лет ко всему нужда приучила.

Жил Кузьма не плохо, особенно в последнее время, время развала колхозной собственности. Все что оставалось на складах, было и в доме кладовщика. Правда, на складах

оставалось не много, но у Кузьмы были свои заначки, о которых никто не знал.

В хозяйстве Кузьмы два борова, годовалый бычок, да десяток кур, так что было, где приложить руки новоиспеченной работнице. Иногда за день так наломается, что ноги до дома еле волочит. Мать видела, как девчонка рвет жилы, но что могла сделать мать, как защитить своего ребенка. Сколько слез было пролито, особенно в первые дни работы дочери. Но постепенно Роза втянулась, стала привыкать, и работа стала вроде бы и в не тягость. Утром, пока ребенок спит, накормит скотину, растопит печь, и поставит варить обед для семьи. Кузьма после завтрака уходил, вроде бы на работу, но какая там работа, когда в деревне жителей почти не осталось. Разваливалась деревня, уезжали люди семьями в город. Возвращаясь вечером, хозяин то зерна пол мешка принесет, то вязанку сена на горбу тащит. А однажды визжащего поросенка в мешке принес.

Сын был сыт, умыт, на печи горячее для хозяина, в доме чисто прибрано. Ужинали вместе, и Роза уходила домой. Иногда Кузьма разрешал взять что-нибудь для матери и сестренки.

Роза стала замечать, что Кузьма стал больше уделять ей внимания, оценивающе стал смотреть на ее плоскую, длинную фигуру. Роза сама понимала, что соблазном, даже для такого мужика, как Кузьма, она быть не должна. Худая, длинная, с маленькими глазками и вытянутым, веснушчатым лицом, она производила странное впечатление гадкого утенка. Но Кузьма стал оказывать ей знаки внимания, и Роза сразу поняла, во что могут вылиться неуклюжие ухаживания старого ловеласа. Однажды он достал из большого кованого сундука ношенное, но еще хорошее платье жены и протянул Розе.

– Примерь Роза, по длине должно подойти, а вот в талии, – он провел рукой по спине девушки, – придется ушивать.

Кузьма приложил платье к спине, как бы примеряя.

– Подкормить тебя не мешает, ну да это дело поправимое, он провел рукой по выпирающим лопаткам девчонки, похлопал по спине и, рука, дрогнув, скользнула ниже.

– Не надо дядя Кузьма! – Роза отстранилась, но платье взяла. – Спасибо, а то я совсем поизносилась, – поблагодарила она хозяина.

– Может останешься, что каждый день домой ходить?

– Мать беспокоиться будет. Пойду я, дядя Кузьма.

– В подвале возьми рыбы для своих. Картошка есть или всю подобрали?

– Есть картошка, капуста квашеная есть, а вот с жирами плохо.

Кузьма хотел предложить сала, но промолчал. Ребенок спит, Роза ушла домой, Кузьма засмолил сигарку и долго ходил по горнице, потом вышел на крыльцо и присел на ступеньку. Деревня спала, ни собачьего лая, ни гармошки – вечной спутницы деревенских ночей, только звезды молча мерцают над крышами, да луна огромная, словно нарисованная, на черном бархате ночи, смотрится в живое зеркало реки. .

Роза лежит на старой кровати, где совсем недавно лежала больная мать. В доме ни мебели, ни постели под боком, только старый избитый матрас, который принесла она из дома Кузьмы. Грязная телогрейка вместо подушки, вот и все богатство. Железную печь Роза протопила с вечера, в доме тепло и тихо, как в гробу. Что теперь делать Роза не знает. Беременность уже не скрыть, а как к этому отнесется отец, Роза хорошо себе представляет. Страх, безумный страх сковал сознание девчонки Роза не скрывала от матери, что Кузьма проявляет к ней нездоровый интерес. С каждым днем его обхаживания становились все навязчивей. Он ловил ее везде: то вроде бы случайно обнимет ее за плечи, то поглаживая по голове легонько прижмет ее к своей груди. А однажды, когда Роза, сбросив быку сена, спускалась с сеновала, Кузьма схватил ее на последней ступеньке лестницы. Его шершавые, мозолистые руки оказались под платьем на голом теле девчонки. Роза вырвалась и убежала домой. Со

слезами она вбежала в горницу и, удивляя мать закрылась в своей комнате. Мать, конечно, поняла, что случилось с дочерью, но что она могла сделать, как прикрыть своего ребенка. От напасти. Работа у Кузьмы поддерживала семью и другого выхода Ульяна не видела. Роза вышла с красными, заплаканными глазами и молча прошла в куть.

Ты что дочка сегодня рано пришла, Кузьма отпустил что ли?

– Кобель этот Кузьма! Не могу я мама больше, не могу! Он пристаёт ко мне...Стыдно с ним взглядом встречаться.

– Что ж не ходи дочь,...давай вместе умирать будем. Одну Бог прибрал и нас скоро позовет.

– Но, что мне делать мама? Ведь он не отстанет. Что мне делать?

Мать закашлялась и долго молчала, Роза решила, что мать уснула. Она встала, чтобы выйти на улицу, но, бросив мимолетный взгляд на мать, поняла, что та беззвучно плачет. Лицо ее было мокрым от слез, глаза широко открытые, устремлены куда-то далеко. Сердце дочери больно сжалось. Но почему все так сложно в этой жизни? Почему обязательно надо чем-то жертвовать, кому-то уступать, перед кем-то гнуть спину?

– Это тебе решать. – Вдруг тихо заговорила мать, – а вдруг его жена не выйдет из больницы. Смотри сама ты у меня вон, какая вымахала. Можешь не ходить, но, как дальше жить, не знаю. Думай доченька, думай.

Роза всю ночь провалялась в каком-то полубреду, то провалится в какой-то странный сон, то снова просыпаясь. Утром Роза снова была на подворье Кузьмы. Все еще спали, она вынесла корм свиньям, сбросила сена быку, растопила печь и села чистить картошку.

– Что же мне делать? – ломает голову Роза, а может, все обойдется, может, просто чудит мужик, один ведь без бабы живет, да и поправится ли она не известно.

Сзади послышались шаги Кузьмы, покашливая и почесываясь, он подошел к Розе.

– Сегодня сплаваю, надо сетенку проверить, а ты к вечеру баньку протопи, – как ни в чем, вроде между ними ничего не было, сказал Кузьма.

– Молока пацану надо дядя Кузьма, сходили бы к Силиным, у них молоко хорошее.

– Хорошо схожу. Сегодня всю ночь какая-то дрянь снилась, вроде поросенка резал. Проснулся и чувствую, что мяса хочу, жареного бы поел. Жаль что рано проснулся.

– Я уже забыла, когда свежее мясо ела, – заметила Роза.

– Ничего, осенью поросенка порежем и сами с мясом будем, и мать с сестрой поддержишь.

Роза поняла, что он уже считает ее членом семьи, но не возразила ни словом, ни взглядом, сделала вид, что не поняла намека.

– Картошку жарить или лучше отварить?

– Отвари, да грибочки достань из погреба.

– А что на обед сделать?

– На обед Роза, я рыбы привезу, свеженина будет, – он, как бы случайно привлек Розу к себе, и впервые она не оттолкнула его. Она, как бы не заметила этой мимолетней ласки.

Когда Ванюшка – сын Кузьмы проснулся, завтрак стоял на столе. Роза размяла картофелину, разбавила ее молоком и покормила мальчика. Потом сели с Кузьмой и потрапезничали, как в хорошей и дружной семье.

Кузьма перекурил, сидя возле печурки и направился к реке, где вскоре раздалось тарахтение моторки, увозящей его в сторону Красного Яра, излюбленного места рыбной ловли для местных мужиков.

Роза с Ванюшкой были на берегу, пацан бегал у самой воды, бросая камешки, когда лодка Кузьмы вынырнула из-за излучины. Легкие барашки рябили речную гладь. Ветерок раскачивал кусты за речкой, но ветер был теплым и ласковым. Редко такими деньками балует север.

Лодка ткнулась в берег, Роза схватила цепь, стараясь подтащить ее ближе. Кузьма выскочил и помог Розе вытащить лодку. На дне посуды плескались еще живые сорожки, с десяток окуней и несколько, довольно крупных, щучек.

– Принеси ведро Роза, да собери рыбу, – беря сына на руки, распорядился Кузьма.

Розе не надо повторять, она быстро сбежала в дом, рыбы набралось чуть не полное ведро.

– Рыбу сегодня я сам пожарю, да со сметанкой, эх, вкуснятинка!

Кузьма вытащил лодку на берег, и они дружно пошли к дому. А дома тепло и чисто, пахнет свежее испеченным хлебом.

– Ты что Роза хлеб пекла?

– Да нет, лепешек немного завела. Будете есть, или в баньку пойдете? – интересуется Роза.

– Баня уже готова? Хорошо. Я пожалуй лягу, немного отдохну, а ты иди мойся, я потом попарюсь. Ванюшку оставь, я его сам помою. – Кузьма лег на кровать и закрыл глаза.

Роза прошла в куть, побрякала посудой, наводя порядок, потом взяла полотенце и отправилась в баню.

Русские бани! Кто и когда придумал эту благодать для души и тела? На всем необъятном пространстве Отечества, в больших и малых деревнях дымят по субботам бани, висят над Россией духмяные туманы березовых, пихтовых и дубовых веников. Парится Россия, смывая большие и малые грехи свои. И удивляется просвещенная Европа причудам русского человека хлестать себя веником в жарко натопленной бане. Нет, не понять им нас, наших обычаев и привычек, наших праздников и будней, нашей всеобъемлющей любви к самому неказистому кустику под окном родного дома. Души нашей им не понять.

Роза любила помыться в бане, нет, она не парилась, с детства не была приучена к этой шаманской процедуре истязания тела. Но она видела, как отец приходил из бани красный, распаренный и, казалось, без сил валился на кровать. Но через двадцать минут вставал, выпивал кружку кваса, и бодрый, помолодевший, садился за стол. Добрый, хороший, совсем другой человек, сидел за столом, казалось, он сбросил десяток лет, и глаза его светились, как в далекой молодости.

Ударившись в воспоминания, Роза улыбалась, вымывая вторую шайку воды. Сейчас нальет еще шаечку, обкатится и все, надо еще домой сбегать, рыбу мамке унести, пусть жарит.

В предбаннике хлопнула дверь, Роза насторожилась, она понимала, кто это мог быть, и чем это для нее может закончиться. Вся, сжавшись, прикрываясь шайкой, она опустилась на лавку. В предбаннике стукнули, брошенные на пол сапоги, загремел пряжкой об лавку брючной ремень, и вот он огромный с обросшей, волосатой грудью застыл в дверном проеме.

– Ты не угарела Роза? Я уже стал беспокоиться, – хриплым, каким-то не естественным голосом спросил Кузьма.

Роза не понимала, что он говорит, какая-то дурная мысль стучится в висок: «Не зря во сне он поросенка резал, не зря».

Что же теперь делать? Роза лежит в пустой горнице старого отцовского дома. Здесь она родилась, здесь прошло ее детство: голодное, забитое, но такое милое в кругу сестер. Подружек у Розы не было, почему-то сторонились их соседские дети, так и росли четыре сестренки, любя и ненавидя друг друга. Как жить дальше? Кузьма, уезжая, оставил Розе пол куля рыбы, да живот, что с каждым днем становился все больше. Не знала Роза, до последних дней не знала, что беременна. Первым Кузьма стал с беспокойством поглядывать на раздобревшую фигуру своей няньки.

– Послушай Роза, ты ничего за собой не замечаешь? – Как-то ложась спать, поинтересовался Кузьма.

– А что Кузьма, – она уже не называла его дядей, – поправились вроде.

– Тебя милая, на соленое не тянет?

– Я всегда соленое любила, вот иногда мутит что-то.

Кузьма почесал шевелюру. Да, это мутит что-то, в его планы никак не входило. Что же теперь делать? Жена все еще лежит в больнице, а его свояк, что обосновался в городе, давно зовет его к себе. Дом у него большой пяти стенок, так что на пол дома Кузьма может рассчитывать. Но что

теперь делать с Розой? Да такой поворот Кузьму не радовал. Никто не знает, чем бы окончились душевные метания Кузьмы, не появись живым и здоровым Федор, да еще в качестве директора зверосовхоза. Кузьма струсил не на шутку. Появление отца Розы сулило ему большие неприятности. И хотя родители оставили Розу в Еловку, Кузьма шкуррой чувствовал, что это затишье перед бурей.

– Бежать! – решил Кузьма, – И немедленно!

Через пол месяца после отъезда родителей Розы, засоби-рался и Кузьма. Роза узнав о коварстве своего благодетеля, совсем потерялась. Она впервые столкнулась с коварством, людской подлостью и до самого отъезда Кузьмы все еще на что-то надеялась.

И вот она одна лежит в пустом доме и что ее ждет впереди одному богу известно.

Глава 12

Надька оставила работу на складе, Петр Сергеевич вышел из тайги, Екатерина приехала из интерната, и семья вновь в полном составе собирается за столом. Петр Сергеевич рассказывал о таежных приключениях, Екатерина вспоминала городских подруг и друзей, а Надька впитывала их веселые рассказы, как губка. Все ей было интересно и очень хотелось побывать в городе, ведь где-то там живет, совсем забывший про нее, родной брат.

– Съездим дочка, обязательно съездим! И у меня там есть старые друзья, надеюсь, не забыли они еще фронтового друга.

– В кино сходим! – подхватывает Катя, – ты, неверно, давно в кино не была.

– Ой, Катюха, мне, наверно, лет десять было, когда к нам передвижка приезжала. Помню, как ребята вручную динамо крутили.

– Ты знаешь, что такое динамо? – смеется Катя. – Как это вручную крутили?

– Было Катюха, все было, и я когда-то крутил эту ручку. Ведь для кино нужно электричество, а где оно в нашей глуши, вот мы бесплатный просмотр и отрабатывали.

– Послушай тятя, пошли на рыбалку, так хочется ночью у костра посидеть. Знаете, как я в городе по нашей жизни скучала? Девчонкам рассказывала, так они ухохатывались над тем, что я до одури люблю с удочкой посидеть. А ведь так клево: ночь, костер и тишина под звездным небом. – Что это за слово ты сказала? – интересуется Надька. – Клева – это значит хорошо.

– Нахватаешься там всякого мусора, – ворчит, улыбаясь, отец, – скоро понимать тебя перестану.

– Не нахватаюсь тятя, Лидия Иннокентьевна, учительницамоя, сказала, что у меня закваска хорошая.

Петр Сергеевич, довольнo улыбаясь, хлопнул Екатерину по затылку, потом тихо сказал.

– Закваска – это хорошо сказано. Материно, в тебе бродит, какого мы человека потеряли, чем дольше живу, тем лучше понимаю.

Загрустил старый охотник, достал трубку, прикурил от уголька, и долго смотрел на огонь, сидя у железной печки.

– Дядя Петя! – прервала горькие мысли Надька. – Я вчера Аркадия видела, говорит, что практикант, который живет с ним, уже вторые сутки из тайги не выходит.

– Практикант говоришь? Это тот студент, что к нам с Аркадием приходил? Алик кажется?

– Да Алик. Он пошел на Черную сопку, там говорят лесозаготовители в не отведенный квадрат вторглись, и лес по варварски рубят.

– А что же лесничие? Почему студент пошел?

– Откуда я знаю дядя!

– А что по варварски, так что можно от варваров ожидать. Понаехали, вот и стараются урвать все, что плохо лежит. – Старик несколько раз прошелся по горнице, попыхая трубкой.

– Заблудиться он ни как не мог, дорога, как раз к сопке выведет, а с сопки наш поселок, как на ладони. – Петр Сергеевич опять подсел к печке, – Однако надо идти к Аркадию, шибко мне не нравится все это.

– Дядя, поздно уже, – заикнулась Надька, но Петр сергеевич был уже за порогом.

Аркадий после легкого ужина прилег с книгой, но сегодня ему не читалось, черные мысли не давали парню покоя. Прошли вторые сутки, как Алик ушел в тайгу. Заблудиться парень не мог, они несколько раз бывали на этой Черной сопке, и дорогу туда он знал отлично. Так что могло случиться? И почему он пошел один, ведь они должны были идти вместе. Когда Аркадий в тот день вернулся домой, Алика уже не было дома.

С этими горькими мыслями Аркадий забылся, нет, он не спал, даже в забытьи он думал об одном: «Что случилось, и, как это могло произойти?». Пошли вторые сутки без сна, он, просто, проваливался куда-то и снова просыпался, казалось, что Алька стукнул в дверь, но нет, гнетущая тишине, и только кровь стучит в висках.

Когда в дверь постучали, Аркадий соскочил с кровати: «Ох, и задам я этому Альке!», но в дверях стоит Петр Сергеевич.

– Здравствуйте, а я думал, что квартирант вернулся.

– Это я Аркадий, я! Не вернулся, значит? Как такая напасть могла случиться?

– Что теперь говорить дядя Петя, ушел парень, и где его искать ума не приложу.

– Утром надо идти, я собак возьму, если жив, найдем.

Петр Сергеевич сел, оглядел скромное убранство квартиры.

– Не богато живешь. Медведя ты добыл? – показывая глазами на шкуру на стене, спросил охотник.

– Да, что вы дядя Петя, это у меня наследство от предшественника осталось. Сам я зверя не стреляю, хотя охотников и не осуждаю, но сам стрелять не могу. Видно не так воспитан, – грустно улыбается парень.

– Хорошо воспитан! Бездумно убивать зверя, конечно же, варварство. Охотники не убивают, они добывают и только там, где предусмотрено законом и наверно совестью. Ведь настоящий охотник, прежде чем убить зверя, просит у него прощения, прежде чем срубить дерево подумает, а нельзя ли обойтись без этого.

– Знаете, Петр Сергеевич, я вот иногда думаю, а как бы сложилась моя жизнь, не сведи меня судьба с хорошими людьми здесь на краю земли, в глухой тайге. Я ведь маменькин сынок. Рос в тепле, да холе и не думал, что буду когда-нибудь охранять тайгу.

– И жить среди тунгусов! – смеется Петр Сергеевич.

– Это хорошо, что я узнал, какие на самом деле эвенки. Ваш маленький народ достоин большого уважения.

– Да, лесов у нас много, но их надо охранять, как достояние всех живущих и тех, кто придет после нас. А тайгу жгут, вырубают, зверь уходит, народ мой вымирает. Сколько осиротевших деревень вдоль Тунгуски разваливается.

– Вы всю жизнь здесь прожили Петр Сергеевич?

– Вся жизнь здесь, другой жизни для меня нет. А ты один живешь парень, не скучно?

– Скучать не когда, днем на работе, а вечером за книгами, – Аркадий погладил объемистый том. – Учусь заочно на охотоведческом.

– Книжки это хорошо, – Петр Сергеевич помолчал, – ладно парень, пойду я, девки там у меня одни. Утром часов в пять жди.

Девчонки проснулись рано, но Петра Сергеевича уже не было. Прихватив полотенце, побежали на речку. Низко над самой рекой плыли хлопья тумана. Легкий ветерок, разгоня туманную морось, гнал по речке мелкую рябь. На другом берегу реки дремал рыбак над удочкой.

– С детства люблю рыбалку, – глядя на реку, вздохнула Екатерина. – Вчера звала отца, а он в тайгу ушел. Когда теперь соберемся?

– Все лето наше Катюха, – набрав пригоршню воды, Надька брызнула на подругу.

С хохотом и визгом девчонки бегают по берегу, поливая друг друга водой. Устали, сели на лавку, с которой бабы берут воду, опустили ноги в речку.

– А вода теплая, давай искупаемся, – предложила Катя.

– Лень раздеваться, разве в платье плюхнуться?

Не раздеваясь, и не раздумывая, Надька разбежавшись, прыгает в речку. Сделав несколько взмахов, она остановилась и, подняв руки, с головой ушла под воду. Вынырнув, Надька поплыла к берегу, где на отмели плескалась Катюха.

– Ох, и отчаянная ты Надя, – выходя с подругой на берег, восхищается Екатерина.

– Да, я трусиха Катя, просто, иногда, себя надо заставить что-то сделать, несмотря на то, что поджилки от страха трясутся.

Девчонки насухо вытерлись полотенцем, Надька сняла платье, отжала его и, ежась от холода, снова надела на себя.

– Бежим Надюха, а то замерзнем. Догоняй! – Со смехом девчонки бросились вверх по взвозу. Уже возле самого дома Екатерина ткнулась в спину остановившейся Надьки.

Возле дома с сигаркой во рту стоял Федор Раков. Надька и раньше встречалась с ненавистным для нее человеком, но всегда с презрением проходила мимо. Сейчас мимо не пройдешь, Надька сжалась, как перед прыжком в воду.

– Отец дома или уехал куда?

– Он на тебя не работает, – голос предательски дрожит, – так что тебя не касается где он.

– Ну – ну, молодая еще так разговаривать. Что глазами-то стреляешь? Глазами только и умеешь стрелять.

– Я дочь охотника и при нужде на такую падаль рука не дрогнет.

– Ты что девка, ошалела, да за такие слова я и привлечь могу.

– Не можешь! Ты же трус, ты сам меня боишься и пока я здесь, ты будешь дрожать от страха.

Екатерина отошла к калитке и издали наблюдала за словесной перепалке. Она впервые видела Надьку в таком возбуждении. Глаза ее горели такой дикой ненавистью, что Екатерине казалось, еще немного, и она испепелит ненавистного для нее человека.

– Ты не меня опозорил, ты свою жизнь, жизнь своей семьи погубил, окаянный. Дочь свою с пузом на погибель бросил злыдень.

– Что ты городишь, какую дочь? Что ты напраслину наводишь! Да я вас выгоню из поселка, всю вашу тунгусскую нечисть вышвырну отсюда.

– Сам подальше держись, это ты нечисть, от тебя за версту мертвечиной несет. Ходи, да оглядывайся, как бы чего не случилось.

– Тьфу ты, бешеная девка, – Федор выплюнул сигарку и быстро пошел прочь от дома.

Надьку трясло, она подошла к дому, оперлась спиной в стену и тихо сползла на землю. Слезы обиды и ненависти душили девчонку. Такое хорошее утро, и так скверно началось для Надьки.

В доме стояла напряженная тишина. Надька лежала на кровати, закинув руки за голову и закрыв глаза. Казалось, девчонка спит. Екатерина читала какую-то книгу, стараясь не беспокоить Надьку. Вдруг Надька не открывая глаз, громко захохотала. Екатерина смотрит на подругу, отложив книгу.

– А ты заметила Катюха, как этот прыщ меня испугался, – хохочет Надька.

– Я не понимаю, что ты на него накинулась. Ведь он только спросил про отца. .

– Считай Катюха, что я такая сумасшедшая. Ладно, хватит об этом, скоро дядя придет, а у нас обед не готов. Что готовить будем?

– Давай капусту с мясом потушим, тятя любит ее.

– Капусту, так капусту, – возбуждение еще не прошло, лицо Надьки горит, а душа рвется хоть к какой-нибудь работе.

Петр Сергеевич пришел поздно, усталый, голодный и сильно расстроенный. Не раздеваясь он упал на табурет возле стола.

– Дочка, у нас водка есть? – девчонки недоуменно переглянулись.

– Может не надо тятя? – Екатерина обняла за плечи отца.

– Надо дочка, надо! Не бойся, не запьет твой тятяка, давай дастовой свою заначку.

Надька наполнила миску тушеной капустой, достала банку соленых помидоров, Екатерина поставила начатую бутылку водки.

– Ты бы разделся тятя, устал наверно, сколько километров намотал по дальним сопкам?

– Не так физически, как душевно тяжело, душа кровоточит дочка. Нашли мы парнишку, совсем не там нашли, где предполагали. За лесополосой километрах в десяти от Черной сопки. Что он там делал, как попал туда, неизвестно. Погиб мальчишка, правда, следов насилия не видно, но я чувствую, что это не простая смерть. Кто-то за ней стоит.

Петр Сергеевич выпил, хорошо поел и засобирился куда-то идти.

– Никак уходишь тятя? – поинтересовалась Екатерина.

– Пойду, с мужиками поговорить надо. На вечерку сегодня не собираетесь?

– Настроение не располагает к веселью, – отозвалась Надька.

– Что так дочка? Ты чем-то расстроена? Молчишь, сидишь, как птица нахохлившись.

– Идите дядя, потом поговорим.

– Ладно, потом, так потом. Раков что-то на ночь, глядя, в сторону Еловки проскакал, чуть не сбил меня. Пошел я девчонки, если задержусь не беспокойтесь.

Федор гнал лошадь, нещадно нахлестывая по бокам. Куда так спешить, он и сам, наверно, не смог бы объяснить. После стычки у дома тунгуса, он, кажется, совсем сошел с рельсов. Вбежав на свое подворье, он ни за что пнул, ласкающую собаку. В доме, бросив картуз на лавку, подбежал к шкафчику на стене и достал бутылку водки. Стоя опорожнил из горла на половину, и зло глянул на притихшую Ульяну. Она уже чувствовала, что муж кипит, как самовар. В такие моменты женщина предпочитала молчать, ожидая, какая гроза грянет над ее головой.

– Лежишь, стерва старая, свиное рыло. Ты Розку для чего в Еловке оставила? До каких пор мне будут глаза колотить, что я брюхатую дочь на погибель бросил? Кто ее оприходовал Кузьма? Убью, раздавлю, как мокрицу!

– Федор, да откуда мне было знать, что у них до этого дойдет, – запричитала перепуганная Ульяна.

– Знала, умирающей прикинулась, пока этот стервец дочь объезжал!

– Да, в чем моя вина? В том, что не сдохла с голоду, пока ты в городе неизвестно от кого прятался. В чем дочь виновата, если он ее силой взял? Ну, убей нас вместе с дочерью за то, что выжили, за то, что младшую сберегли от голодной смерти, за то, что семью, какую ни есть, сохранили.

– Да будьте вы прокляты! Наградил Бог бабьем, будете теперь, как крольчихи ублюдков таскать. Будьте вы прокляты!

Федор опустился на лавку, обхватил голову руками и застонал. Этот большой, сильный мужчина, проживший тяжелую жизнь, плакал, плакал страшно, захлебываясь, как будто ему было нечем дышать, раскачиваясь и давясь всхлипами, что вылетали откуда-то из груди, разрывая сердце.

Федор затих, поднял голову и пустыми глазами оглядел горницу.

– Я еду в Еловку, надо привезти стерву. Что вы со мной делаете?

Стук лошадиных копыт означал, что поехал отец за блудной дочерью.

Петр Сергеевич пришел рано, девчонки еще мыли посуду, перебрасываясь ничего незначащими репликами. Свет горел только в кути, в комнатах стоял сумрак.

– Катя налей чаю, если горячий есть! – позвал он дочь.

Чай принесла Надька, поставила пиленный сахар. Любил охотник попить чай с сахаром в прикуску.

– Рассказывай Надежда, что тут у вас произошло?

Надьку не надо было упрашивать. Все произошедшее снова встало перед глазами. И она передала все, что наговорила Федору, и как он реагировал на ее слова. Петр Сергеевич слушал молча, прихлебывая чай. Иногда хмурился и, грея руки о горячую кружку, о чем-то думал, вроде, и, не слушая, о чем говорит Надька.

– Не спокойно стало в тайге. Сначала Матрена, теперь вот этот парень кому-то помешал. Не понятно, если он шел к Черной сопке, почему оказался в десяти километрах от нее, недалеко от лесополосы. – Петр Сергеевич задумался, достал трубку, но, так и не раскурив ее, сунул обратно в карман.

– А с Федором дочка, напрасно ты так, он зло долго помнит.

– А я вообще никогда не забываю! – глаза ее снова наполнились гневом. .

– Все успокойся! А о дочке ты ему со зла наговорила, или что слышала?

– Я Однокурцева встретила, он в Еловке побывал, говорит, что Роза одна в отцовском доме живет. Тяжелая она, а Кузьма, у которого она жила, в город переехал.

– Вот еще одно горе! – Петр что-то зло проворчал на своем наречии. – Это к Федору его грехи возвращаются. Наверно придется на время нам в Еловку переехать. Чую я что беда его дочери по тебе ударит Надежда.

– Ничего он мне не делает, руки коротки, да и я уже не та девчонка, чтобы его бояться.

– И все же поостеречься надо, он не один теперь, против этой уголовщины с голыми руками не попрешь. А они что-то замышляют, не пойму только что. Но пока надо отсту-

пить, посмотреть, как будут развиваться события. Ведь я когда-то в разведке служил дочка.

– А где жить в Еловке? Ведь мой дом без окон, без дверей стоит, все растащили.

– Это дочка, не беда. Здесь мы везде дома, поставим возле речки чум и заживем не хуже других.

– Хорошо ты придумал дядя. Мне у вас хорошо, но по деревне я скучаю, – проговорила Надька и грустно добавила, – теперь уже по пустой деревне. Эх, как мы жили дядя!

– Голодное, холодное, но это твое детство Надежда, и моя молодость. Как быстро пролетела жизнь.

– Ну, вот раскудахтались старый, да малый, – в дверном проеме появилась Екатерина, – Может, к Аркадию ходим Надя, как он там один, все же товарища потерял?

– Правильно дочка, ходите. А я пока телегой займусь, колесо поменять надо. Через недельку будем перебираться в Еловку.

Глава 13

Ребята ввалились в чум усталые, но довольные, в руках Егора чуть не полное ведро окуней и сорожек, живые, они еще плескались в воде.

– Принимайте хозяева, мы со своим уловом. Надюха, ты можешь из этого добра сделать что-нибудь вкусненькое?

– Остынь Егор, – удержал его товарищ. – Послушайте, если у вас нет никаких планов на вечер, может, пойдём к нам? Там есть печка, да и в рюкзаках кое-какие запасы найдутся. Лучше чем у костра сидеть.

– Сразу видно городского, к цивилизации тянет, – смеется Петр Сергеевич, – а вообще предложение дельное. Только вот, в свои рюкзаки, за запасами, пореже заглядывать надо.

– Петр Сергеевич, – взмолился Егор, – мы же на отдыхе, а потом, под такую жареху...

– Все Егор, – как отрезал Николай, – последний вечер посидим, кое-что обсудим, а запасы нам еще для дела пригодятся.

– Вот друг, он и в школе таким был, что скажет, как печатает ни убавить, ни прибавить.

– Кончай трепаться Егор! Неси домой рыбу, наруби дров, да веничком пройдишь по полу, а то в доме не большой бардачек. Мы попозже подойдем.

Николай присел к костру рядом с Петром Сергеевичем. Старый охотник смолил трубку, узкие с хитринкой глаза полу прикрыты, не поймешь, спит человек или о чем-то думает.

– Вы давно из зверосовхоза Петр Сергеевич? – интересуется Николай.

– Третью неделю здесь обитаем.

– А что там не жилось, или на родину потянуло?

– Для меня паря, вся тайга родина, каждый взлобок, каждая низина с детства мои.

Пришла Екатерина, с мокрыми волосами и тазиком, наполненным мокрым бельем.

– Вода теплая Надя, зря со мной не пошла, я не удержалась, поплавала немного.

– Ну, что пошлите, там Егор наверно уже и печь растопил.

– Вы бы шли без меня, что мне старому среди молодых болтаться.

– Пошлите Петр Сергеевич, у нас к вам разговор есть.

Вышли из чума, собаки встретили их дружным лаем, прыгая вокруг. Хозяин шикнул на них, и четвероногие послушно улеглись у чума. Серебрится река в последних лучах заходящего солнца, кричит кукушка в дальнем лесу за лугами, теплый ветерок оббивает лица.

– Как хорошо! – вздохнул полной грудью старый охотник. – Ну, что еще человеку надо: живи, работай, расти детей, радуйся, что пришел на эту землю – нет люди съедае-

мые завистью и злобой, клеветают друг на друга, стараются вырвать кусок пожирнее у ближнего своего, идут в тюрьмы из-за презренных денег, из-за тряпок, и не понимают глупые, что жизнь уходит, и скоро не нужны им будут, ни эти деньги, ни тряпки.

– А вы философ Петр Сергеевич.

– Нет, я человек, который пожил и кое-что понял в этой жизни. Вот ты Коля русский, а я эвенок, ну чем мы отличаемся друг от друга? Грамотой, культурой, но ведь это все приходящее. А некоторые людишки, которые в жизни ничего не сделали, для которых стакан вина является мерилем счастья, с презрением смотрят на представителей моего народа, и это меня ранит. А я очень даже доволен, что я сын своего народа, что, живу в тайге, читаю ее, как раскрытую книгу и нет для меня ничего дороже этого сурового края.

– Интересный вы человек Петр Сергеевич, вас нельзя не уважать. Я благодарен этому баламуту Егору, что вытащил меня к вам на Тунгуску.

На крыльце дома стоит Егор с тазиком в руках. Над домом из трубы поднимается дымок.

– Я уже печь затопил, всю рыбу перечистил, а вы все где-то тянитесь.

– Не спеша парень, – поднимаясь на крыльцо, улыбается Петр Сергеевич.

– А сковорода в этом доме есть? – обращается Надька к Егору.

– Откуда у нас сковорода, – Егор удивленно смотрит на Надьку. – А ведь, правда, на чем жарить будем?

– На твоей голове, – смеется Екатерина, – жиров, наверно, тоже нет? Сейчас я сбегаю.

Екатерина исчезает за калиткой висящей на одном шарнире. Петр Сергеевич взял камень, подойдя к калитке, приподнял ее и в момент прибил второй шарнир.

– Вот так парни, порядок должен быть во всем. Это не в укор вам, это на будущее. Посидим на крыльце, пока девчонки над рыбой колдуют.

Вскоре прибежала Екатерина, хлопнув Егора сковородой по спине, она скрылась в доме. Охотник курил, молча оглядывая, соседние, пустые усадьбы.

– Ведь жили же люди, – грустно сказал он, – и вот деревня, как кладбище, даже жутковато.

– А мне кажется, деревня не умрет, заявил Егор, – не старые, так другие придут. Не может, умереть деревня.

– Ты институт закончишь, приедешь сюда? – хитро улыбается Николай.

– Сейчас, я же историю буду преподавать, что мне здесь делать?

– Вот так и другие!

– Жили люди и деревня жила. – Опять повторил охотник. – А где они теперь те люди? – он грустно посмотрел на старое заброшенное кладбище за рекой.

– Дядя Петя, – переводит разговор на другие рельсы Егор, – зимой вы тоже в чуме живете?

– Нет Егорша, зимой я в тайге, в зимовье живу, а Надежда в зверосовхозе, там дом у меня. Екатерина в городе живет, ей еще год учиться.

– Петр Сергеевич, вы в зверосовхозе жили, когда наш друг погиб?

– Да, я его и нашел, в тайге не далеко от поселка беда случилась.

– Вы верите, что у парня сердце отказало?

– Я не врач парни, но что-то мне подсказывает, что ни все чисто в этой смерти. До него женщина погибла, тоже сердце отказало, и тоже умерла там, где не могла быть, нечего ей было там делать.

– Мы бы хотели в этом разобраться. Есть в поселке надежные люди? К кому мы там можем обратиться? Хорошие люди везде есть.

Петр Сергеевич задумался, достал трубку, повертел ее в руках и снова сунул в карман.

– Есть там парень, к нему поедете. Ваш друг жил у этого парня, он не откажет в помощи.

Последнее время Аркадий жил на нервах. После смерти Алика он не находил себе места, понимал парень, что смерть была насильственной, но не мог объяснить ни себе, ни другим, как это могло произойти. Да и кому объяснять? Врач признал острую сердечную недостаточность, парня забрали родители, и он уже упокоился на погосте в районном центре. Кому и что доказывать?

Аркадий вышел во двор, все удобства были за амбаром, возвращаясь обратно, он обнаружил, что входная дверь полу открыта. Он хорошо помнил, что уходя, плотно прикрыл дверь. Тихо войдя в горницу, парень осмотрелся, помещение было пустым,

но легкий запах перегара указал, что кто-то побывал у него в гостях. Аркадий не был трусом, но открытие встревожило его. Кому надо было тайком проникать в его дом? Он разделся, взял книгу и лег в постель. Прочитал несколько страниц и понял, что ничего из прочитанного не отложилось в памяти. Зачем мучить себя, лучше встать пораньше и почитать, Аркадий погасил лампу.

– Спать парень, спать! Я очень хочу спать. Спать, спать...

Как заклинания, парень несколько раз повторил фразы, после которых раньше засыпал. Раньше, но не сейчас

«Бессонница, кому ты не знакома? Быть может самому счастливому человеку, но где они проживают эти счастливые люди, да и есть ли они на этой грешной земле. У каждого в жизни свои заморочки. Интересно, как там поживают мои старики? Мама, конечно, ждет своего блудного сына, ну а отец, наверно, давно махнул рукой. А ребята в институте уже забыли, что был у них на факультете такой студент. Как хорошо бы снова оказаться в веселой студенческой компании. Как хорошо бы...»

Аркадий спит, закинув одну руку за голову, другой, упираясь в подбородок. Спит беспокойным сном хороший человек.

Ребята постучались в полдень. Аркадий сидел над книгами, решив свободный день посвятить занятиям. Надо готовиться к сессии, парень не позволял себе ни каких при-

ступов хандры и лени. Еще с детских времен учился парень с большой охотой, книги для него были лучшими друзьями. Учителя пророчили успешную карьеру трудолюбивому мальчику, а получилось не совсем удачно. Бросил один институт, поступил в другой, хотел сдать экстерном, но работа не отпускает. Переоценил свои силы парень.

В дверь постучались, и, не дождавшись ответа, на порог ступили двое парней. Аркадий на приветствие кивнул головой, не поднимаясь из-за стола.

– Нам бы Аркадия, надеюсь, мы не ошиблись адресом? – начал один из вошедших.

– Адресом не ошиблись. Откуда вы парни?

– Мы к тебе по рекомендации Петра Сергеевича. На неделю приюта ищем. Охотник сказал, что у тебя можно остановиться.

– Вообще-то у меня не отель, но раз охотник сказал, проходите. Если понравятся апартаменты, то сбрасывайте мешки, будем знакомиться. Так откуда вы парни из района?

– Бери выше! – заулыбался светловолосый, вихрастый крепыш. – Из Иркутска, мы студенты, вот решили на каникулах отдохнуть в этих местах, порыбачить, по тайге побродить.

– Опасно у нас в тайге стало, особенно для студентов.

– Шутит он, – вмешался второй, спокойный и серьезный, не высокого роста, но когда тот пожал руку, Аркадий с удивленным уважением посмотрел на парня.

– Николай меня зовут, а этот шутник – Егор Огурцов. Такой вот не серьезный овощ. – Николай широко улыбнулся, чем сразу расположил к себе Аркадия.

– Проходите парни. Я гостей не ждал, но раз от Сергеевича, лучшей рекомендации не надо.

Парни снимали рюкзаки. Егор сбросил ботинки и босым прошелся по горнице, оглядывая голые стены.

– Не богато живешь братишка, а книг много, никак диссертацию строчишь?

– Заочно учусь, вот надо осенью хвосты кое-какие сдать.

– Пушкину, значит, сдаешь? – шутит Егор. – А здесь в тайге, что университет есть, или как?

– С дороги наверно проголодались, или как?

– Не обращай на него внимания, он парень хороший, – вмешался Николай. – А вот чай, пожалуй, не помешал бы.

– У меня мясо сварено, сахатину будете? Сейчас разогрею.

Аркадий на горячую еще печь поставил чайник, кастрюлю с жарким и убрал со стола книги.

– И я с вами за компанию, а то по утрам часто не ем, а потом спохватишься, время уже за полдник.

– Может, за знакомство по маленькой? – предложил Егор

– Нет, парни, у нас с утра даже медведи не пьют.

– Серьезные у вас медведи. А что встречаются?

– В тайге живем, как не встречаться – это их вотчина, а мы здесь гости. Правда, некоторые гости ведут себя по хамски.

– Что браконьеры водятся? – уже серьезно спросил Егор.

– Браконьеры? Не браконьеры, а понаехала всякая шолупонь.

– Это в наш огород! – снова смеется Егор.

– Да, нет! Много постороннего люда в тайге появилось. Ладно, прошу к столу. Пешком шли или подвез кто?

– Подвода попутная попалась, – дую на горячий чай, поведал Николай. – Мужчина с молодой ехали, да что-то всю дорогу молчали. Даже Егор не смог разговорить.

– Как там Сергеевич с девчонками, привет не передавали?

– Передавали, да мы дорогой где-то вытряхнули. – шутит Егор. – Они через неделю сами приедут еще один привет привезут.

– Хватит Егор! – отрезал Николай. – Мы к тебе по делу Аркадий. Друг наш жил у тебя. Мы с Алькой со школы дружили, вместе в Иркутск поступать уехали, и вот его не стало.

– Алик? – Аркадий серьезно смотрит на парней, – да, да, Алик, – он тяжело вздохнул и, поднявшись из-за стола, заходил по комнате. – Если вы его друзья, значит вы и мои друзья. Хорошего парня потеряли. Я в шоке, вот на этой кровати он спал совсем недавно. Он ворчал на меня, что я допоздна жег керосин, сидя над книгами. А, как хорошо он читал стихи, мне, кажется, он сам пописывал, да стеснялся показывать. Хорошо, когда есть такой друг!

Аркадий подошел к окну и долго смотрел на улицу. Егор уже не шутил, Николай, как-то подозрительно тер глаза, склонившись над кружкой чая. Послышались шаги на крыльце, и в распахнутую дверь ввалился Ромашка. Он был слегка навеселе, но не пьян, хотя почему-то хотел показать приличную степень опьянения. Кепка на голове повернута козырьком назад, клетчатая, не первой свежести рубашка, расстегнута чуть не до пупка, обнажая, остро выступающие ключицы.

– Привет Аркаша! У тебя гости, извини, но больше не к кому идти. Не откажи, мне бы дров выписать кубов пять.

– Скоро лето Роман, а, потом, я же дровами не распоряжаюсь, это к Алтханову надо идти, он дрова заготавливает. Лесники дают согласие на парубку, отводят деляны, так что иди в леспромхоз.

– Друзья приехали? – перевел разговор Ромашка. – На работу устраиваться или так в гости?

– В гости Роман, в гости! – стараясь отделаться от назойливого посетителя, резко ответил Аркадий.

– Что-то на встрече чайком кишки полощете?

– Больные мы, сердечники, – вмешался в разговор Егор. А вы тоже чайку желаете?

– Нет, я больше по другой части, мне бы что погорячее, а чай мне противопоказан.

Ребята видят, что пришелец не приятен Аркадию, что в этом доме он гость случайный и не очень желанный. А Аркадий почувствовал запах перегара, напомнивший ему тот, вчерашний и сомнения шевельнулись в голове. Уж не он ли вчерашним вечером навещал его? Но подумав, Аркадий

откинул эти сомнения, ведь за всю жизнь Аркадия в зверосовхозе, этот несчастный был в этом доме второй раз, и без нужды ему здесь делать нечего.

– Послушай Роман, – остановил парня Аркадий, когда тот уже взялся за ручку двери, – ты, вроде, хорошо информирован в делах поселка. Скажи, что охраняют наши кавказские друзья в лесосеке?

Глаза парня воровато забегали, потом он совершенно трезво посмотрел на Аркадия. Это смотрел совсем другой человек, и ему нельзя было не поверить.

– Ну, откуда мне знать Аркадий? Я и сам туду стараюсь не ходить. Новорят, что охраняют насаждения от лесных пожаров, а то грибники могут пал пустить.

– До грибного сезона еще далеко.

– Я честно говорю, что знаю столько же, сколько любой житель поселка. Ты бы лучше налил что-нибудь подлечиться, с городскими пообщаться.

– Откуда вы взяли, что мы городские, может мы из тайги вышли, – снова шутит Егор.

– Я еще не совсем ум пропил, – чуть ли не обиделся Ромашка, – по одежке видно, что вы из города пожаловали.

– По одежке встречаете, а по делам провожать будете, – как-то туманно заметил Николай.

– Это друзья мои, вместе учились, вот приехали отдохнуть, – удовлетворил любопытство Ромашки Аркадий.

– Да, да! Друзья – это хорошо. С одним другом беда приключилась, и эти тоже, вроде, сердечники.

– Сердечники, печеночники, такая нынче молодежь пошла гнилая, – продолжает шутить Егор. – это вы здесь в тайге с голыми руками на медведя ходите. Сам-то охотник?

– Все мы тут помаленьку охотники, – неопределенно ответил Ромашка. – Вот, хотел у Аркаши поохотиться, да видно облом.

– Нет ничего Роман, – отрезал хозяин, – видишь, сами чайком балуемся.

– Ладно, я пошутил. Значит, на счет дров в леспромхоз обращаться?

– Туда, туда, ладно иди Роман! Мне тоже в контору сходить надо, пусть ребята отдыхают с дороги.

Выпроводив гостя, Аркадий недовольно заметил, обращаясь к гостям.

– Скользкий тип, говорят, возле начальства вьется. Так что если придется пересечься, будьте с ним поосторожней.

– Я так и понял по твоему разговору. И много у вас таких фруктов? – интересуется Николай.

– Да, нет народ хороший, правда каждый живет своим подворьем.

– А что ты про каких-то кавказцев говорил?

– Есть у нас и такой контингент, в леспромхозе целая бригада работает. Лес, как варвары рубят, берут только деловую древесину, лесосеки захламляют, и ничего с ними сделать не можем. Хозяин тоже кавказского разлива.

– Этого добра в городе тоже хватает, – заметил Егор.

– А здесь еще нововведение появилось. Лесопосадки у нас, лет десять, как молодой лесок подрастает. Местные жители через эти посадки на дальние озера на рыбалку ходили. Да, и в самой лесополосе по осени много рыжиков и маслят нарождается, осенью там весь поселок пасется. Так, местное начальство возле лесополосы охрану из кавказцев выставило, и в лес никого не пускают.

– Но ведь ты же лесничий, что же дикость такая?

– Частная собственность господина Алтханова, так что, выше головы, не прыгнешь. Ладно, ребята, мне по делам сходить надо, а вы отдыхайте.

Егор похрапывал на кровати, прикрыв голову полотенцем, а Николай примостился у окна перелистывая книгу. Иногда перечитывал несколько страниц старого потрепанного томика Лермонтова, который, как старый знакомый, встреченный здесь в тайге, грел душу. Не отрываясь от чтения, машинально, Николай поднял с пола листок, что выскользнул из книги и положил на стол рядом с керосиновой лампой.

У Аркадия была не плохая подборка книг, но в основном лежали стопки учебников и специальной литературы.

Отложив книгу, Николай потянулся, прошелся по горнице, спать не хотелось, но и без дела тоже было скучно. С завистью, посмотрев на спящего друга, Николай вышел во двор. День был теплый, безветренный. Николай прошелся по двору, заглянул под навес. Не большая кучка поколотых дров привлекла внимание парня. Он взял, здесь же лежащий топор, и поставил большую суковатую чурку. По всей видимости, Аркадий уже упражнялся над этой чуркой, многочисленные следы колуна виднелись на срезе. Первый взмах колуна, второй, третий – чурка не поддается, еще удар и колун так глубоко вошел в чурку, что вытащить его уже проблема. Николай раскачивает колун, кладет чурку на бок, бьет по топорщику поленом, но колун не поддается усилиям парня. Тогда поставив чурку, он берет другую, чтобы ударить по топорщику.

– Хочешь мне топорнице сломать? – раздается голос Аркадия. – Оставь ты эту чурку, я над ней тоже бился, буду на ней мясо рубить. Парни сели, немного помолчали.

– Ты не куришь? – поинтересовался Аркадий. – Я вот тоже не научился. В детстве баловался, да вовремя остановился.

– Хорошо тут у вас, грех такой воздух табачным дымом коптить.

– Это сейчас хорошо, а зимой знаешь, какие морозы, но ничего везде люди привыкают. Я вот сюда случайно попал, а прикипел душой к этому краю. Конечно, не зарекаюсь, что на всю жизнь, но пока покидать эту тайгу не собираюсь.

– Институт окончишь, и что здесь жить будешь?

– Не знаю Николай, сначала закончить надо. Родители у меня старенькие уже, как их оставишь. А, вообще, хорошо здесь, скучать буду, если придется уехать.

– Я бы, наверно, не смог жить в глуши. Вот так отдохнуть, подышать экзотикой, хорошо, а жить постоянно, с ума сойдешь.

– Кавказцы вон не сходят с ума, тайгу вырубают, а куда древесина идет одному Богу известно. Здесь в зверосовхозе своего человека поставили, значит, и пушнина мимо госу-

дарева кармана потечет. И пожаловаться некому – частная собственность.

– Пошли в дом, Егор наверно уже проснулся, спит, как сурок, даже завидно.

Парни поднялись, чтобы идти в дом. Солнце уже повернуло к горизонту, и но еще пригревало по северному жарко. Аркадий, прихватив несколько поленьев, свернул к навесу, под которым стояла железная печка.

– Дома топить не будем, я летом здесь варю, а чаще сухомяткой обхожусь.

– У нас тушенка есть, огурцы помидоры, может, без варева обойдемся?

– Нет, давай что-нибудь горячего сварганим.

В горнице было прохладно, пахло травами, Егор стоял у окна, читая какую-то бумагу.

– Аркадий посмотри, это писано для тебя.

Аркадий взял листок, и чем пристальнее вглядывался в строчки, тем

серьезнее становилось лицо парня. Прочитав, он задумался, кусая нижнюю губу.

– Где ты взял это Егор?

– Да вот здесь, возле лампы лежала.

– Интересно, как же я раньше не заметил, вроде все здесь осмотрел, когда Алька исчез.

– Да, этот листок из книги выпал, когда я пробовал читать, – вмещался Николай. – А что там интересное что-нибудь?

– Слушай, это Алик

пишет: «Аркадий, извини, что ухожу один. Я кое-что услышал у охранников лесополосы, возле магазина, хочу проверить свои предположения. Вернусь поговорим. Мне почему-то, кажется, что эти новые хозяева занимаются не совсем законным промыслом.

– Вот это да...это что же получается?

– А получается Коля то, что не ходил Алька к Черной сопке. Но ведь нашли не далеко от лесополосы, как он там почудился?

Аркадий нервно ходит по комнате, прокручивая в голове несколько ситуаций и тут же отбрасывая их. Что записка оказалась в книге, Аркадия не удивило, он знал рассеянность друга. Однажды вместо картофеля Алик поставил на печь кастрюлю с томатами.

– У меня есть хорошая идея, – вмешался Егор, – надо кому-то пробраться в эту лесополосу и я, даже знаю, кому.

– И я предполагаю, – смеется Николай. .

– Я спортсмен, физически развит, смогу пролезть в любую щель, а если попадусь, меня ведь никто не знает, скажу что заблудился.

– Думать надо парень. Раз они пошли на убийство, значит, есть что прятать. А что Альку убили, я уже уверен, сейчас бы с Сергеевичем посоветоваться.

Николай поднялся, молча прошел до дверей, почему-то выглянул на улицу, и плотно прикрыв дверь, вернулся к столу.

– Думать надо, это ты правильно сказал, – поддержал Аркадия Николая, – мне, кажется, пока не придет Петр Сергеевич, что-либо предпринимать не надо. Алика мы уже не вернем, так что не надо пороть горячку. .

– Причем тут горячка? Лесополоса занимает не один гектар и под каждым кустом охранника не поставят. Да я пролезу, как змей ползучий.

– Все хватит змей ползучий, языком молоть, надо головой думать. – Остановил Николай, – что ты Аркадий предлагаешь?

– Я тоже думаю, что торопиться не стоит. Действительно, дядя Петя может что-то дельное посоветовать. Он хороший охотник и человек умный. А теперь пора и о желудке подумать, я с утра ничего не ел, да и гостей голодом морю.

Глава 14

– Вот мы и дома! – Екатерина настезь открыла двери, приглашая Надьку с отцом в родной дом.

Из дома пахло сыростью. Вошли, осмотрелись, все было так, как оставили уезжая. Даже дрова лежали возле печки.

– Надо протопить печь, – заметила Надька, – постель сырая, надо на улицу вытащить на просушку.

– Может, что-нибудь перекусим? – предлагает Петр Сергеевич, он подходит к окну и рисует на пыльном стекле мордашку.

– Надя тебе надо сходить к Аркадию, пусть парни придут, как стемнеет. Да сильно пусть не рисуются.

– Хорошо, сейчас схожу за водой, посуду перемыть надо.

– А я что выболел что ли? Сейчас схожу за водой, затоплю печь, – ворчит Петр Сергеевич

Когда Петр Сергеевич пришел с водой, девчонки уже накрыли на стол. Наскоро перекусив, Екатерина принялась за посуду. Надька, как-то незаметно исчезла. Петр Сергеевич вытащил из-под кровати сундучок, вынул из него мешочки, коробочки и сел заряжать патроны. Забывая пыжи, он заполнял патронами патронташ, выкидывая из него стреляные гильзы.

Екатерина, перебив посуду, стала выносить на улицу постель. Петр Сергеевич хотел помочь дочери, но был решительно отстранен. Зарядив патроны, охотник почистил два ружья и повесил на стенку.

Вечер опускался на поселок, тайга за рекой спряталась в тумане. Луна еще не взошла, и сумерки были на удивление плотными, казалось, их можно раздвигать руками. Петр Сергеевич вынес корм собакам и остановился на крыльце покурить. Скрипнула калитка, из темноты вынырнули фигуры ребят в сопровождении Надьки.

– Арестованные доставлены начальник! – доложила девчонка. Поздоровавшись с хозяином, все проходят в горницу.

– Никак на промысел собираетесь, – хитро улыбается Егор.

Убирая охотничьи припасы в сундучок, охотник на полном серьезе заметил.

– Да паря, и на крупного зверя, однако. Садитесь ближе ребята, поговорим, что нам делать.

– Сначала прочтите вот это, – Аркадий подал записку Алика.

Петр Сергеевич прочитал, оглядел парней, словно еще раз хотел убедиться в их надежности. Его уже не надо было убеждать, что они имеют дело с убийцами, но как к ним подобраться, охотник не знал. А что если...

– Есть у меня думка, слабая, но мне кажется попробовать можно.

– И что вы предлагаете? Я вот тоже выдвинул идею, но мой творческий замысел зарубили на корню, – жалуется охотнику Егор.

– Хватит Егор! – прерывает приятеля Николай. – Послушаем, что скажет Петр Сергеевич.

– Есть у нас в поселке человек, дрянь человек, но самогонка может развязать ему язык, а нам это на руку. Он возле Федора Ракова пасется, оказывает ему мелкие услуги. Надо с ним наладить контакт. Аркадий его знает, это всем известный Ромашка.

– Я имел честь с ним познакомиться, – вставил Егор, – очень интересная личность.

– Он вчера ко мне заходил, мы как раз с ребятами чай пили.

– это дело надо Егору поручить, – предложил Николай, – Он любому в душу влезет.

– А что я могу, вот только пить придется, а я хмельное на дух не переносу, – глаза Егора озорно заблестели. -

Здесь ведь одной бутылкой водки не надышишься. Нет, Петр Сергеевич, боюсь, что ваша идея в копеечку влетит.

– На водку не надейся Егорша, а вот самогонки на это дело я не пожалею. – Охотник весело смотрит на Егора, чертики так и играют в его узких, хитрющих глазах.

– Самогонку, конечно, можно, но только не водку у меня от водки аллергия. Как больше бутылки выпью, морда красной становится.

– Хватит балаболить! – одернул Николай, – дело серьезное, если они что-либо заподозрят, могут затаиться.

– Или еще хуже, у кого-нибудь из нас может случиться сердечный приступ. – Заметил охотник.

– Сейчас идем на вечерку. Ты от нас откалываешься, скажешь, что повздорили, – Аркадий достает деньги.

– Да, есть у меня деньги, – ерепенится Егор.

– Знаю я студенческие доходы.

– Зачем деньги, – остановил Петр Сергеевич. – Возьмешь из дома бутылку, а потом веди в нашу баню, я там припрячу в предбаннике. Пои пока язык не развяжется, но будь осторожен, он хитрый бестия.

– Я тоже не пальцем деланный, – смеется Егор, – я его расколю, как грецкий орех.

– Не говори гоп, – останавливает парня Николай, – смотри сам не свались.

– Когда вернетесь, если меня не будет не тревожьтесь, – попыхивает трубкой охотник. – Мне надо кое-что проверить. Девчонок одних не оставляйте, на ночь останьтесь у нас. Слышишь дочка, одни в доме не оставайтесь, мало ли на что эти мерзавцы способны.

– Я все понимаю дядя, – улыбается Надька.

Ребята с девчонками ушли первыми. Егор остался дома. Достал кусок сала, отрезал и, выпив пол стакана самогона, вкусно закусил. Начатую бутылку поставил в карман и вышел во двор. Это задание было Егору по душе. Он вышел на дорогу, а куда идти не знал. Где деревенские посиделки, в каком доме, Аркадий забыл сказать. Чертыхаясь, Егор побрел вдоль дороги. Впереди показалась парочка, Егор хотел догнать, но потом решил играть конспиратора до конца.

Так и шел за ними до самого дома, из которого раздавалась музыка.

– Или баянист пьян, или руки не из того места растут, – про себя отметил Егор.

– Куда прешь, растопчешь! – на крыльце сидит Ромашка, Егор не сразу узнал парня в темноте. Он примостился рядом на ступеньке.

– Ты что билетами торгуешь в этом заведении?

– Ага, за вход стакан, за выход ха, ха, ха тоже стакан.

– Из горла здесь пьют или нет? – Егор достает бутылку и первым делает глоток.

– Твои уже здесь, а ты что отстаешь? Смотри у нас девок мало, останешься без подруги.

– У меня вот подружка, – поднял Егор бутылку, – из-за нее и поругался с друзьями. Но ничего Я им еще устрою подлянку. – Егор протягивает бутылку Ромашке.

– Если не хочешь, можешь отказаться, я не обижусь, – претворяясь пьяным хохочет Егор.

– Ну зачем же я буду тебя обижать, – хватаясь за бутылку, хмыкнул Ромашка.

Он жадно припал к вожденной влаге. Отпив пол бутылки, захлебнулся и закашлялся.

– Ох, и жаден ты братец, как к мамкиной титьке присосался.

– Закусить бы чем, – откашлявшись, шепчет Ромашка.

– Ага, сейчас шашлыков подам, а может, лучше рукавом занюхаешь?

– Ничего, я уже отдышался, – лицо Ромашки расплывается в блаженной улыбке.

– Что в дом не идешь? – интересуется Егор. – Жена или подруга у тебя есть?

– Я, как и ты, однолюб, – кивнул на бутылку Ромашка и как-то грустно добавил. – Вот посидим с тобой, поговорим, ты вроде тоже туда не торопишься.

А ночка тихая, теплая. В такие ночи хорошо у костра на берегу речки. Егор вспомнил детство, когда жил у деда в Еловке, здесь на этих берегах. Чудесное было время, жаль

ушедшее не вернуть. Да и дед с бабкой давно лежат на местном погосте. Навестить бы надо, эх, грехи наши тяжкие.

– Ты что уснул? – Роман похлопал его по спине.

– Кто я? Не дожدهшься! Давай освободим тару, – Егор подал собутыльнику оставшуюся самогонку.

Долго упрашивать Ромашку не пришлось, несколько булькающих глотков, и бутылка полетела в кусты.

– Ловко ты с ней распрощался, сразу видно профессионал ты по этому делу.

– Вот теперь я в норме, даже могу идти повываблчиваться... Ху, еле выговорил. Нет, не пойду запросто можно схлопотать по морде. Вот если бы еще с одной пузатенькой познакомиться, вот это был бы кайф.

– В доме нормальных девок полно, а тебя что-то на пузатеньких тянет. Ты что извращенец?

– Да, я про бутылку говорю, и чему вас в городе учат? – Ромашка пьяно хохочет.

– Бутылку можно найти, но я не хочу возвращаться.

– Ты что дурак? Да я бы за бутылкой до леспромхоза пешком сбегал, но мне ее там не дадут. К чебурашкам сходить, но они ночью и подстрелить могут.

– К каким чебурашкам, что ты мелешь? Да, кстати, как тебя зовут?

– Ну, совсем дурак! Чебурашки это чернобрисенькие, что приехали к нам целину поднимать. Они на Алтханова работают.

– Да ну их, не интересно. Как тебя звать-то?

– Вот привязался! Да меня все знают Роман Степанович я, здешний абориген. На задах возле складов моя резиденция. Я главный на этих складах, меня Федор Викторович сторожем на склады оформил. Могу в гости пригласить, правда, у меня кроме тараканов нет ничего. Тогда пошли, я знаю, где можно оторваться.

Счастье само катило Ромашке в руки, на такое он сегодня не рассчитывал. Уже который год кормится парень с чужих рук и ничего жив, здоров и каждый день пьян. Поддерживая

друг друга новые знакомые шли серединой улицы. Егор попытался что-то запеть, но его не поддержали, и песня заглохла.

– Постой, куда мы идем?

– Иди Роман, я тебя к счастью твоему веду. Вчера старик самогонку гнал, в бане пошарим нет ли какой заначки у охотника. Баня на отшибе стоит, собаки в ограде спят, сам в доме храпит. Ну, кто нам может помешать?

– Хитер ты, а если застукают?

– Если застукают, то по голове настукают, – хохмит Егор.
– Ноги-то у тебя на что? В бане крошечная тьма, Егор чиркает спичкой, слабый огонек высвечивает не хитрое убранство

промывочного помещения. На лавке стоит коптилка, заботливо поставленная чьей-то доброй рукой. Егор зажигает фитилек, и слабый свет с трудом раздвигает банный полумрак.

– Располагайся, я пошарю в хозяйстве старика. Да окно занавесь какой-нибудь тряпкой.

Егор открыл тумбочку, стоящую в углу, и довольно свистнул. Две бутылки и крупный огурец на газете, при тусклом свете коптилки, показались подвыпившим парням подарком свыше.

– Вот это да, вот это роскошь! Да старик завтра от злости лопнет, – смеется довольный Ромашка.

Газету расстелили на лавке, огурец уже был услужливо порезан, нашелся в тумбочке и стакан.

– Не все же добрым л. дям из горла пит, – приговаривает Егор.

– И без закуси, – вторит Ромашка, – здесь хоть огурчиком закусим.

– Любишь ты Роман пожрать, а все какой-то поджарый. Давай вздрогнем, – Егор налил и первым проглотил мутную жидкость.

Ромашка блаженно смотрит, как двигается кадык Егора при каждом глотке. Налив себе в освободившийся стакан, он дурашливо перекрестился и вылил в себя мутную, гре-

мучую смесь, потом долго и со вкусом жевал хрустящий со-
леный огурец.

– Хорошо! умеет старик самогонку ставить, он хоть и
нехристь, а уважают его люди. Директором в зверосовхозе
был, не грамотный, а долго на должности держался. Сейчас
вот Федор Викторович заправляет, тоже хороший мужик,
уважает меня, правда иногда крут бывает. Да и как тут не
быть крутым, дома у него кавардак, не приведи Господи.
Жена больная, а тут еще дочка пузо натерла – вот он и ме-
чется, как зверь в клетке. Вчера опять напился, чуть мне по
харе не досталось. Я то думал выпить отломится, да чуть
кулака не схлопотал.

Егор налил по второй, но пить не стал.

– Опасно тут у вас, страшнее, чем в городе, – забросил
крючок Егор. – Говорят, что люди погибают.

– Ерунду говорят, я вот ничего не боюсь, и днем, и ночью
хожу. Да и кто мне что сделает? Я нос, куда не надо не сую, с
чебурашками иногда даже выпиваю, они люди уважитель-
ные.

– Уважительные говоришь? Все равно нехристи, да им
человека прирезать, как барашка заколоть.

– Какие страхи в твоей голове, давай лучше выпьем, –
Роман опрокидывает очередной стакан.

– Вот Матрена, носила им самогон в лесополосу, а потом
умерла, говорят, сердце не выдержало. – Егор пожалел, что
заговорил о Матрене. Роман подозрительно смотрит на
него.

– А ты откуда Матрену знаешь? Ты ведь вчера появился
в поселке.

Ромашка смотрит на огурец в своей руке, но Егору ка-
жется, что он смотрит в самую душу Егора.

– Вчера с парнями за ужином разговаривали. А что это
запретная информация?

– Поменьше спрашивай, целее будешь. Ну, будь здоров!

Ромашка опрокинул стакан, закусил и поднялся.
Казалось, он был совершенно трезв.

– Ладно, парень, спасибо за угощение, пойду я, скоро ваши придут.

– Да, ты что, посидим еще, так хорошо сидим, да и выпить есть что.

Ромашка с сожалением смотрит на недопитую бутылку, переминаясь с ноги на ногу, и все же нехотя, направляется к двери.

– Хватит, и так загулялся я что-то на дармовщину. Спасибо парень, пошел я, а то, как бы эта гульня боком не вышла.

Егор ошалело смотрит на закрывшуюся дверь, такого фиаско он не ожидал. Да, совсем не прост, оказался этот Роман, и что-то этот парень знает такое, что сильнее его пагубной страсти. Какие же чертовы сети, плетутся в этот таежном поселке, сети в которые угодил Алька? Ну, как можно было так опростоволоситься?

Егор убрал остатки гульбы и пошел к дому.

– Подъем гусары! Любителей поспать ждет холодный душ! – Аркадий сбрасывает со спящих парней покрывала. – А ну вставайте солнце уже высоко

Нехотя, почесываясь и зевая, парни сели на кровати. Да, солнце светит во все окна, из кути раздается звон посуды и веселый девичий смех.

– Пошли на речку умываться, а то у девчат уже завтрак готов.

Егор соскакивает с кровати, хлопает Николая по макушке.

– Всю ночь одеяло с меня стягивал, лучше я бы на полу лег.

– А ты храпел, как лошадь, ну, как с тобой жена спать будет?

Шутливо переругиваясь, парни выскакивают за дверь, догоняя, ушедшего вперед, Аркадия.

Вода сначала показалась не мыслимо холодной, но потом, смеясь и барахтаясь, купальщики уже не хотели покидать приятного объятия речных волн. Они переплыли на другой берег тунгуски, где Егор и Николай улеглись на

согретые солнцем камни, а Аркадий ушел а прибрежные заросли, мурлыча какой-то мотив.

– Вы что опять спите? – Аркадий брызнул на парней пригоршней воды. – Смотрите каких я цветов нарвал пока вы спали.

Небольшой букетик ранних цветов был у него в руках.

– Мы пацанами в Еловке за рекой малиной объедались, – вспомнил Егор, – а на кладбище на солнцепеке, очень много земляники было, да крупная такая, но мы с кладбища, как-то брезговали есть.

Переплыв обратно, парни увидели, что возле дома их поджидает Петр Сергеевич. Усталый, но довольный он машет им рукой.

– Завтракать молодые люди! Девчата уже вас потеряли, пошли умываться и сгинули.

– Идем, Петр Сергеевич, – кричит Егор, – от завтрака грех отказываться. А где вы ночь провели, зазноба завелась?

– Поздно мне зазнобу заводите, это вам молодым да красивым об этом думать надо. А я так погулял немного, посмотрел чуть-чуть, но об этом после.

Завтракали большой шумной семьей. Подшучивали друг над другом, безобидно подкалывали. Потом мужики вышли на крыльцо, и как воробьи расселись на ступеньках.

– Как погулял Егор, голова не болит?

– Голова не болит, а вот душа не на месте. Ничего я не смог выкачать из Ромашки, или я совсем дурной, или он хитрая bestия.

– Не журись парень, рассказывай, что смог узнать?

– Ничего полезного он не сказал. Сказал, что чернобрывые работают на Алтханова, об этом и так всем известно, сказал, что совать нос куда не следует, опасно для жизни, об этом мы тоже догадываемся. Сказал, что иногда выпивает с этими абреками, здесь я думаю он прихваснул. А потом я заикнулся про смерть Матрены и этот стервец сразу насторожился, по моему даже испугался и несмотря на недопитую бутылку, ушел.

– Значит он что-то знает, – вставил Аркадий, – знает и боится. Может, не надо терять с ним контакт?

– А если он поделится соображениями с хозяевами, ведь он несомненно понял, что мы к нему подбираем ключик, – остановил парней Петр Сергеевич, – тогда они еще больше прикроются. Нет, пока мы оставим Ромашку в покое. Был я этой ночью около лесополосы, там мне все тропы известны. Так вот, охраняют они участок гектара в полтора не больше. Со всех четырех сторон ходят по три охранника. Внутри, по моему, есть еще скрытые пункты охраны. Одному туда не пройти. Тебе Егор придется играть до конца, гуляй, заводи знакомства среди молодежи, но Ромашку пока оставь в покое. Пусть сам подойдет, никуда он не денется.

– А вам надо ругать меня, чтобы люди поняли, что я последний подонок. В магазине, на вечерке не жалейте, марайте мой кристально чистый образ.

– Да, уж мы постараемся, можем даже синяк под глаз поставить для большей убедительности, – обнимая друга, смеется Николай.

– А вот это уже архитектурные излишества, я и без синяков парень красивый. Даже собаки при моем появлении и те разбегаются.

– Не надо на себя наговаривать Егорша. Парень ты хороший, и на вид приятный. Эх. Мне бы ваши годы ребята, – вздохнул охотник.

– Вам до старости еще далеко, вот курили бы вы поменьше, – заметил Аркадий.

– Я охотник, а без курева, зимой в тайге, погибель, да и поздно мне уже от своих дурных привычек отвыкать. Есть у меня еще одна мыслишка, что если вам поселиться у меня в зимовье? Люди Алтханова конечно заметили ваше появление, а если еще Ромашка шепнет, что вы ими интересуетесь, они ни перед чем не остановятся. От зимовья до лесосеки километров пять, я у соседа могу взять коня для связи. Зверя, вроде, в округе нет, да и не нападает он летом. Соглашайтесь парни.

– У нас в лесничестве есть лошади, так что без транспорта не оставим, – вступил в разговор Аркадий.

– А как же вы с девушками?

– Девчонок, при нужде, можно и в Еловку отправить, это я на будущее расклад делаю. А пока здесь посмотрим, да понюхаем что к чему.

Утром Ромашка проснулся с головной болью. Во рту было погано, хлебнул воды, постарался прополоскать рот, но кишки не прополощешь, разило, как из выгребной ямы. Руки отказывались подчиняться хозяину. Не одеваясь, сел на кровати, да и что было одеваться, когда спал в брюках футболке и носках. Сапоги валялись посреди комнаты.

На столе был кавардак от грязной посуды, бутылок, и целлофановых мешков. Не было только одного – ни жратвы, ни выпивки.

– Дожил парень, – вздохнул Ромашка. – А пожрать сейчас было бы в самый раз, еще лучше опохмелиться.

В подполе оставалось немного картошки, в огороде росла какая-то зелень, но надо было топить печь, прилагать усилия. А где их взять силы?

– Пойду к магазину, – решает парень, – кто-нибудь опохмелит.

С трудом, натянув сапоги, он пару раз брызнул из ручкомойника в лицо и вышел на улицу. «Хорошо вчера прицепился к этому городскому лоху, попили, потрепались за жизнь, а вот, как уходил, убей, не помню. Кажется, он что-то стал выпытывать у меня, а что у меня можно выпытать. Где и с кем пил? Совсем память отбило, надо завязывать, но как тут завяжешь, если такие лохи встречаются».

Магазин еще закрыт, но несколько жаждущих уже толпятся у крыльца. Ромашка поздоровался с мужиками, высматривая очередную жертву. На одном из окон открылась форточка.

– Роман зайди с заднего хода, работа есть! – раздался голос Ракова.

Роман на полусогнутых бросился к служебному ходу магазина. Федор встретил его сидя за столом. Служебные

документы отодвинуты на край стола, а на разостланной газете бутылка водки, нарезанный хлеб, колбаса и зеленый лук. Бутылку Ромашка заметил первой, а потом уже Федора с красным лицом в расстегнутой рубашке. Крепкая волосатая рука держит стакан, другой он молча показал на стул. Ромашка присел на край стула и проглотил слюну, глядя на это великолепие.

– Лечись Роман Степанович, – издевка сквозит в голосе Федора. – Что перебрал вчера с городским?

– А вы откуда знаете? – удивлению парня нет предела.

– Работа у меня такая, все знать. Сколько бутылок у тунгуса опорожнили?

– Да вы что Федор Викторович в бане под полком сидели?

– Только этого мне не хватало. Да, ты наливавай, лечись. О чем пытал тебя студент?

– О чем можно меня пытать? Я кроме бутылки ничего не вижу. Просто разговаривали о жизни, о бабах.

– Ты не финти парень, не так прост этот студент, чтобы на халяву тебя поить.

– Федор Викторович, да разве я когда говорил вам неправду? – после выпитого Роман за обе щеки уплетал колбасу, – честное слово, мы говорили о всякой мелочи. Он интересовался моей жизнью, говорил, что у нас жизнь опасней, чем в городе, что с друзьями поругался и запил. Я нюхом чую Федор Викторович, что пьянь он такая же, как и я.

– Сегодня с ним не встречаетесь?

– Я вчера слинял от него, когда он стал интересоваться смертью Матрены. – прошедший вечер постепенно стал вырисовываться в памяти парня.

– Стой Роман! Вот это уже не пустяк, а ты говоришь, что он ничем не интересовался. Ох, и дурак же, ты братец.

Федор нервно ходит по комнате, сам не замечая, что зло и крепко матерится. В дверях появляется продавец и удивленно смотрит на своего патрона. Федор сел к столу, налил пол стакана и выпил не закусывая. Ромашка сидит, в ожидании, что гнев хозяина обрушится на него.

– И что ты ему ответил?

– Ничего, я встал и ушел.

– Дурак, какой же ты дурак!

– Что мне теперь делать Федор Викторович?

– Что, что! – Федор оглянулся, чтобы удостовериться, что продавщица вышла из кабинета. – Слушай внимательно: сейчас пойдешь в лесопосадки, найдешь там прыща, да, есть там такой, приведи его ко мне. Потом постарайся познакомить его с этим студентом, сам составишь им компанию. Да, держи язык на привязи.

– Я все понимаю, Федор Викторович Я все сделаю, все сделаю.

Ромашка сорвался с табурета, но, увидев свой не допитый стакан, вернулся, опрокинул его, и только потом тихо прикрыл дверь.

Парень вышел от Федора в раздраенных чувствах. Он видел, с каким презрением смотрел на него Раков.

– Как же ты опустил Роман Степанович, что об тебя вытирают ноги? – впервые парень готов был заплакать.

Вместо того, чтобы бежать в лесопосадки, он спустился к реке, забрался в чью-то лодку и опустил руку в воду. Приятная прохлада ласкала руку парня, а мысли далеко-далеко в том невозвратном прошлом. Красоты этой таежной реки уже не волнуют художника, да он давно забыл, что был когда-то художником. Кисти, краски, многочисленные этюды, так и не превратившиеся в картины – все это, как дымка воспоминаний, лишь иногда всплывает в полупьяном, воспаленном сознании.

Но тот страшный день, тот кошмар, что обрушился на него, не может заглушить ни время, ни водка. Лишь смертельная доза алкоголя бросает Романа в небытие, чтобы хоть на миг отключить сознание: не вспоминать, не думать, не винить себя в случившемся. ... Тот солнечный день был удивительно хорош. Работалось легко, на душе было светло и весело и люди, что трудились рядом, казались близкими и давно знакомыми. Как хорошо работать рядом с такими людьми.

Утром Даша проводила его ласковым поцелуем, и пока он шел до гаража, где поджидала рабочих «Дежурка», стояла на крыльце, провожая взглядом. Жена была на восьмом месяце, и со дня на день, должна была осчастливить Романа наследником. Они оба ждали этого часа и немного побаивались. Каким он будет их первенец, их сын, а то, что это будет сын, Роман был твердо уверен. В поселке был фершерско-акушерский пункт и сестра, что навещала Дашу, уверяла, что все будет хорошо, что беременность протекает нормально. Роман в последнее время особенно нежно относился к жене, не разрешая ничего делать по дому. По улице водил с особой осторожностью, соседи, глядя на них, посмеивались. Привыкли местные женщины, что родить ребенка такая же обыденная женская обязанность, как косить сено, обихаживать семью, вести хозяйство. Сотни баб рожали дома, в бане, в поле, пользуясь услугами повивальных бабок. А здесь медицина рядом, медсестра навещает каждую неделю, любое отклонение от нормы фиксируется, и принимаются немедленные меры. Даша женщина справная, кровь с молоком, такой сам Бог велит рожать.

После работы бригадир собрал всех возле бытовки. Расселись, кто на чурках, заготовленных поваром для нужд кухни, кто вынес из бытовки лавки. Вопрос, выставленный на собрание, был один из вечных. В последние дни участились пьянки в бригаде, а для лесозаготовителей это вопрос особенно злободневный. Лес пьяных не любит и наказывает за разгильдяйство. За последние пол года уже двое лесорубов остались инвалидами. Здоровая часть бригадных рабочих потребовала, или будем работать без пьянок, или с любителями возлияний придется расставаться.

Спорили долго, некоторые успели переругаться друг с другом, а кто знал за собой грешки, тихо отмалчивался. Сошлись на одном, с пьянкой надо кончать, но как это сделать никто не знал. Знали одно, как пили мужики, так и будут пить, и нечего понапрасну копыя ломать. Постановление все же приняли, все будет у бригадира аргумент перед начальством, случись какой-либо несчастный

случай. Рассаживались по машинам все еще разгоряченные неприятным разговором на собрании, слышался мат, веселые подкалывания.

– Что бригадир, может, обмоем собрание? Завтра выходной, отоспится народ.

– Точно братцы, последний разок погуляем.

– У меня червонец в кармане заваялся! Кто больше?

Загнашились ребята, полезли по карманам. В субботний вечер, после работы, вдали от женских глаз, почему не посидеть в гараже за рюмкой водки.

– Если надо кого-то отчислять из бригады, – раздается насмешливый голос, – так это Романа, за все время работы в бригаде ни разу не посидел с нами. Что Рома деньги в чулок складываешь?

– Напрасно мужики так думаете, денег мне не жаль. Вот примите от меня десятку, но извините, пить я не буду.

– Так дело не делается, мы не нищие, чтобы деньги собирать.

– Но, не могу я пить, поймите и вы меня. У меня жена скоро родить должна, вот тогда я всю бригаду упою. А сейчас извините.

– Хватит к мужику цепляться, – вмешался бригадир, – все бы так работали, как Роман и, так пили, как он – Цены бы нашей бригаде не было.

Показался поселок, натужно гудя, машина поднимается на взгорок. Подъехали к гаражу, ворота распахнулись, пропуская дежурку, некоторые на ходу стали выпрыгивать из кузова. Подошел механик, хмуро осматривая рабочих, словно выискивая кого-то. Взгляд остановился на Романа, потом виновато опустил ниц. Решая что-то свое, он нехотя подошел к парню.

– Устал Роман Степанович, – почему-то по отчеству обратился он к парню. – Иди домой Роман, не хотел и не хочу бить тебя черной вестью,...иди домой парень.

Не хотел, а ударил, похолодело внутри у Романа, по телу поползли холодные мурашки. Ноги, вдруг, стали такими тяжелыми, а надо идти. Беда могла случиться только с Дашей.

Что с ней, что? Он не шел, он бежал на деревянных ногах, бежал навстречу своей беде. Только бы не самое худшее, только бы...

В нескольких метрах от дома Роман остановился, возле дома стоит несколько женщин. Ноги отказываются идти дальше, он вдруг понял, что это все. Она всегда встречала его на этом крыльце. Медленно, не слыша, что говорят ему бабы, как гири поднимает он ноги по ступеням. Двери распахнуты, несколько женщин стоят в комнате, но он не видит их. Он видит кровать и Дашу с восковым, похудевшим лицом, глаза закрыты, руки лежат на груди.

Господи, если ты есть, зачем все это? Роман упал на кровать, прижался лбом к рукам жены. Какие они холодные, разве могут быть такими руки Даши? За что, в чем виновата эта женщина Господи? Роман ничего не чувствовал, ничего не понимал, из него словно выпустили воздух, а вместе с ним и жизнь.

Сколько прошло времени, Роман не знал. Вечер уже заглядывал в окно, когда он поднялся с колен. Две самых близких соседки, с заплаканными лицами, сидели у стола, о чем-то тихо разговаривая.

Шатаясь, как больной, Роман подошел к столу, обвел взглядом лица женщин, как бы не узнавая, и опустился на табурет.

– Как это произошло? – выдавил из себя Роман.

– Начались роды, очень большое кровотечение, а у Даши плохая свертываемость крови и еще какая-то патология. Словом, акушерка оказалась бессильна.

– А ребенок?

– Девочка родилась мертвой.

Мертвой, мертвой, как молотком стучит в висках. Да, как же дальше жить, зачем жить? Одна из женщин достает из сумки бутылку, разливает по стаканам.

– Выпей Роман! Горе большое, такое трудно пережить, но надо. Я двоих детей похоронила в один день, думала с ума сойду, ничего живу. По ночам реву в подушку, чтобы родных не ранить, а днем опять в кулак сердце и живу.

Теплая влага обожгла гортань, Роман откашлялся и, не закусывая, шагнул за дверь. Куда он шел не знает, спустился к реке и медленно пошел по берегу. Ноги привели его к той курье, где они любили отдыхать с Дашей. Он рисовал свои этюды, а она ловила удочкой рыбу. Вот и рогулька из ольхи, воткнутая возле самой воды, сюда она ложила удилице. Вот отпечатки ее босых ног на мокром песке. А здесь в траве они лежали в последний выходной, трава еще не успела подняться.

Роман упал в траву и заплакал, первый раз за сегодняшний день прорвались слезы, сотрясая все тело парня. Он плакал о самой любимой женщине, о той, что была его жизнью, его счастьем, его завтрашним днем. И вот нет этого завтра. Еще сегодня утром она улыбалась ему, поцелуем проводила на работу и долго стояла на крыльце, словно, прощаясь навсегда. Ну, почему мы не чувствуем, когда наши любимые говорят нам последнее прости.

Суетные дни перед похоронами прошли, как в тумане. Приходили какие-то люди, выражали соболезнования, говорили слова сочувствия, но Роман плохо воспринимал их. Было много людей и ни одной родной души, все это были чужие малознакомые лица. О своем горе Роман забыл сообщить родным, да и чем бы могли помочь ему престарелые родители? А Даша росла и воспитывалась в детском доме, так что Роман для нее был единственным родственником.

Похоронили Дашу на местном кладбище, маленьком и неуютном, как поселок. Пройдет время, прикроют леспромхоз и останется погост

зброшенным и забытым среди тайги и никто не придет, чтобы оставить пару цветков и тихо посидеть у дорожного холмика.

Слаб, оказался Роман и душой и телом слаб, сломало его горе окончательно. Перестал парень ходить на работу, раздарил соседям свои этюды, ребяташкам краски и кисти. Себе оставил подарок друга, который когда-то поразил Дашу – картину «Девушка с письмом». Запил парень, крепко запил, как лунатик бродил он по поселку, жалкий и потерянный.

Сначала парня жалели, потом стали укоризненно качать головой, потом пришло презрение и исчез Роман Степанович: художник, семьянин, хороший, уважаемый человек, а появился всеми презираемый бич и пьяница Ромашка. Он не мог уехать из этих мест, могила жены навсегда привязала парня. Перебрался Ромашка в соседний зверосовхоз, занял пустующий домишка и стал жить, как живут много тысяч таких же Ромашек на просторах

Великой России. Каждый день пьян, изредка сыт, чем Бог одарит и сердобольные соседи. Со временем стал выращивать картошку, кое-какую зелень, иногда ловил рыбу. Живет Ромашка – парень, изломанный жизнью. Пока живет.

Не доходя до лесополосы, Ромашка увидел костер, возле которого паслись три охранника. У двоих за плечами болтались дробовики. Третий, безоружный лежал возле костра на сосновых ветках, в костре горели сосновые обрубки.

– Такие охранники все насаждения на дрова пустят, – зло ворчит Ромашка.

Один из охранников направляется навстречу, сняв с плеча ружье, когда до костра было еще метров пятьдесят.

– Куда прешь, лапоть таежный? – с легким акцентом кричит охранник, преграждая дорогу.

– Я от директора! Федор Викторович велел прийти Прыщу к нему в контору. У него какое-то дело, велел прийти срочно.

– Для кого Прыщ, а для тебя, недоносок, Савелий Иванович, – вставая, ворчит безоружный, что лежал возле костра. – Ну, что надо? – он с каким-то гонором, как на пацана, смотрит на Ромашку из-под густых, пепельного цвета бровей.

– Федор Викторович приказал явиться!

– Все велят, все приказывают, а ведь я к нему не нанимался, он мне зарплату не платит, – куражится Прыщ

– Хорошо, я так и передам Федору, – разворачивается во свояси Ромашка.

– Постой, иду я! Ни днем, ни ночью покоя нет.

Мужики идут рядом, какое-то время молчат, не зная о чем говорить. Ромашка сбивает притом макушки придорожных трав.

– Не знаешь, зачем зовет Федор? – прерывает молчание Прыщ.

– Он мне объяснил, что надо одного лоха расколоть на информацию, да я толком не понял. Он тебе сам объяснит, что от нас требуется. Тебя, как звать-то, а то как-то не хорошо собачьей кличкой, человек все же.

– Когда-то в детстве Савосей звали, потом Савелием, а последнее время приходится больше на Прыща откликаться.

– А, меня Романом нарекли, ты иди к Федору, а я возле магазина, среди мужиков потрусь, кое-что узнать надо.

Магазин работал, но народу было не много. Несколько мужиков курили, сидя на завалинке. Из магазина вышел Терентий, кивнул Матвею Силину и пошел за магазин, где были свалены бревна, излюбленное место выпивох. Матвей отправился за ним, хитро подмигнув, сидящим на завалинке мужикам. Ромашка увидел Саньку, тракториста из леспромхоза.

– А ты что не работаешь сегодня, или в загуле, как и я? – здороваясь за руку, интересуется Роман.

– Ну, у тебя кажется, круглогодичный загул, – смеется Санька. – Сегодня суббота, так что у нас законный выходной. На что живешь Роман, ведь жрать каждый день надо?

– Живу Санька, где подлостью, где хитростью кусок хлеба добываю.

– Не надоело? Ведь ты же хороший парень.

– Противно друг...и тошно! А вообще-то я не унываю. Бог не выдаст, свинья ни съест.

Появился Савося. Маленького роста, но широкий в плечах с длинными до колен руками, он производил странное и неприятное впечатление. Голый череп, блестел на солнце, маленькие глазки, как буравчики сверлили встречных. Походка, особенно сзади, делала его похожим на медведя, когда тот встает на задние лапы.

– Пошли Роман. – В руках Савося сжимает большой пакет.
– Живешь далеко?

– Вон за тем углом тропинка к складам, там моя фазенда.

– Давно на этой помойке живешь? – интересуется Савося.

– Лет семь. Я раньше в леспромхозе работал, потом сюда перебрался, – про жену Роман распространяться не стал. Эта боль только его, и посторонним в этой боли копаться не пристало. – Вон в том домишке я живу. Скоро развалится, может, придавит когда-нибудь ночью, а то всю жизнь какая-то невезуха.

Ну, зачем братан, на себя телегу катить? Смурной ты какой-то, ничего, сейчас похаваем, и накатим по маленькой. Я у тебя, наверно, поживу, ничего скорешимся Роман

Домик Ромашки доживал свой век. Сруб изрядно подгнил, крыша провалилась, окна, покрытые многолетней грязью, почти не пропускают света. За скрипучей дверью парней встретил сырой, затхлый полумрак. Двойные давно не мытые рамы не имеют форточек. Ромашка оставил дверь открытой, чтобы хоть немного проветрить помещение.

– Что же ты кореш живешь по свински?

– Я здесь только на

ночь появляюсь, да и то поддатый, вот и провонял пергаром домишка.

– Давай стол на улицу вынесем, на свежем воздухе похаваем.

Ромашка не успел ответить на предложение, а Савося уже тащит стол к дверям, сбросив с него остатки прежнего пиршества прямо на грязный пол. Стол поставили возле крыльца, подкатали две чурки, потом Савося принес из дома тряпку и долго тер грязную столешницу.

Кусок сала, соленая рыба, хлеб и бутылка водки украсили стол. Ромашка сходил в огород и принес пучок полу засохшего лука. Сели, разлили водку по граненым стаканам.

– Ну что кореш, за знакомство!

– Вздрогнули! – сдвигая стаканы, провозгласил Ромашка свой коронный тост.

Выпили обжигающую жидкость, молча закусили.

– Хорошо! – выдохнул Ромашка, – Я чаще всего, самогонку хлебаю, все внутри, наверно, уже почернело.

– Давай полощи кишочки, чтобы посветлели, – протянул Савося второй стакан.

– А тебя что занесло в нашу глухомань? – принимая стакан, интересуется Ромашка.

– Романтика корешок! Люблю по земле побродить, пока гражданин начальник спит.

Выпили, Савося закурил, сладко затянулся, пуская кольца дыма.

А солнце стоит уже над головой, его жаркие, беспощадные лучи обжигают все живое, заставляя прятаться под навес. Гудят комары, мошка лезет в нос, в рот, в уши, кажется, нет от нее никакого спасения. Но вот подул от реки ветерок, и сразу стало легче дышать. Редкие облака, проплывая над поселком, исчезают за лесом, что шумит на другом берегу реки. Воздух благоухает всеми ароматами тайги.

А здесь возле грязного крыльца двое парней глушат водку, обсуждая планы дальнейших, не совсем чистых, дел.

– Познакомь меня с тем козлом, с которым вчера пил сивуху, побазарить надо. А там будет видно, или скорешимся, или перо в бок, – пьяно рассуждает Савося.

– Да он хороший парень. Самогонку глушит и не жадный.

– Что не жадный хорошо, – Савося сладко зевнул, – поспать надо, сегодня всю ночь дежурил. Эти козлы черножопые дрыхли, а я как фраер их караулил и эту их дребаную плантацию.

– Да что ее эту лесополосу караулить, кто в нее ночью полезет?

– Не твоего ума! Меньше знаешь – целее шкура. Ты допивай, а я пойду похраплю минут триста. У тебя дома прохладно, а

вечером пойдем га охоту корешок.

Савося ушел в дом, а Ромашка, одурманенной алкоголем головой, вдруг сообразил, что погружается в какое-то дерьмо. Зачем Федор навязал ему этого корешка, что они задумали? Ромашка допил остатки, не чувствуя горячи пошла.

С утра у Надьки было хорошее настроение. Накормив завтраком мужиков, они с Катюхой занялись генеральной уборкой. Парни разошлись по своим делам. Последние дни они дневали и ночевали в доме охотника. Перемыв посуду, девчонки выскребли до желтизны полки, и аккуратно расставили на них посуду: кастрюли, крынки, миски. Екатерина принялась мыть полы, а Надька забралась на подоконник, открыла окна, собираясь протереть стекла. Глядя, как ласточки купаются в синеве неба, она улыбалась, и что-то мурлыкала себе под нос. Под берегом серебрилась Тунгуска, двое пацанов с лодки удили рыбу. Кричат кулики, летая над самой водой, стрижи с криком чертят в небе необыкновенные орнаменты. Хорошо!

– Здравствуй Надя! Не узнаешь или богатой стала?

Под окном на дороге стоит Роза – дочь Борова, и с улыбкой смотрит на Надьку, стоящую не подоконнике. Правду говорят, что беременность красит женщину, положение пошло на пользу Розе, она уже не казалась тощим, гадким утенком. Фигура ее приятно округлилась, на щеках появились аккуратненькие ямочки, а глаза горят каким-то притягательным блеском. Роза была счастлива

Надька и раньше не водила дружбы с дочерью Борова, а теперь и вовсе бывшая землячка была для нее пустым местом. Равнодушно глянув на Розу, Надька все же поздоровалась.

– Здравствуй Роза Федоровна. – Надька наклонилась над ведерком с водой.

– Что так холодно? Пусть мы подругами не были, но и не враждовали.

– Извини Роза,... не обращай внимания, я всегда к тебе по доброму относилась

– Я тоже тебя всегда уважала. Ведь мы росли вместе, вместе вот в этой речке голышом купались. Ты в школе классом выше шла. Неужели забыла Надя?

– Ничего я не забыла. Это была наша жизнь, наше детство, просто, теперь мы повзрослели, и у каждого своя дорога в жизни.

Роза остановилась под окном, развязала косынку и стала ей обмахиваться.

– Жарко сегодня, искупаться бы, да с таким животом в речку не удобно лезть.

– Кого ждешь Роза дочку или сына?

– Ой, знаешь у нас в семье, как на заказ одни девки рождаются, какое-то бабье царство. Конечно, парня хочется, ну, а там, как Бог даст.

– Ты вся светишься, рада ребенку?

– Рада – это не то слово! Я сначала боялась, хотела к бабушке Пелагее идти, а теперь так счастлива, что не наделала глупости.

– Мать-то поправляется?

– Поднялась моя маманя, слава Богу, и на меня не на радуется. Знаешь, Надя, давно мы так спокойно не жили. Вот отец бы еще не пил, да ладно у него своя жизнь, как связался с этими приезжими и для нас вроде чужим стал.

– Причем здесь приезжие, ведь они у Алтханова работают и зверосовхозу не подчиняются?

– Работают в леспромхозе, а водку глушат у нас. Каждую неделю какие-то праздники устраивают. Вчера до пол ночи кочевряжились, сам хозяин приезжал, а с ним четверо кавказцев из города видно, не по сельски одеты и машина импортная.

– Ты в машинах разбираешься? По надписям Надя, только по надписям.

– Может, друзья Алтханова экзотики ищут, вот на шашлыки и выехали.

– Не знаю, что такое шашлыки, но вот бутылок с десятком после них выбросила.

– Порыбачить приехали, с ружьишком побродить по лесу, ведь мужикам лишь бы от дома подальше.

Роза звонко смеется, прикрывая рот косынкой.

– Какие из них охотники, они в трех березах заблудятся. Знаешь, Надя, они про какой-то товар говорили. Я думала, к отцу в лавку товар завозить будут, а они какую-то соломку собираются по осени вывозить. Откуда у нас соломка?

– Ладно, Роза, все это ерунда. Когда рожать собираешься?

– По моим подсчетам к сентябрю должна разбрюхатиться.

– Вот видишь, как хорошо вместе с малышом в школу пойдете. Шучу Роза, не обижайся.

– Я не в обиде, спасибо, что поговорила со мной, а то живу одинешенько, кроме мамки и поговорить не с кем.

– А ты приходи к нам, у нас парни собираются. Приходи не стесняйся.

– Спасибо Надя, хоть ты меня не чураешься. Задержала тебя разговорами, а у тебя вон сколько еще окон мыть. В другое время и помочь бы могла, а пока и дома маманя не разрешает напрягаться. Если можно я приду, мне так одной надоело в четырех стенах сидеть.

– Приходи, мы будем рады.

Надька не кривила душой, она вдруг почувствовала какую-то симпатию к этой девчонке. Да и парни должны одобрить знакомство с дочерью Ракова. Многого можно узнать у этой простушки. Что Федор связан с кавказцами никто не сомневается, но что стоит за этой связью, что же темные делишки повязали их? Определенно, день для Надьки начался удачно.

Терентий проснулся, когда солнце стояло уже высоко над домом. Он спал не раздеваясь в сенях на скамейке, Степанида не пускала пьяного мужа в дом. Четвертый день не просыхает мужик. Утром посыпался с твердым намерением завязать, но ведь опохмелиться надо, голова бу-бу. После опохмелки не замечал, как снова начинал пить.

– Проснулся ирод? – В дверях стоит Степанида, злая с красными от бессонницы и слез глазами. – Может, хватит

меня мучить? Ведь ты же сдохнешь где-нибудь под забором. Где ты берешь деньги, на что пьешь каждый день?

– Успокойся старая, я и сам уже не рад этой пьянке, но не могу остановиться. Вот сейчас трясет, как в лихоманке, голова трещит. Но что скажи мне делать? Достань хоть рассола из погреба.

– Дрын тебе хороший надо, а не рассол, – уже тише ворчит Степанида. – На что пьешь-то?

– Федор под запись дает, расчет говорит после промысла.

– Вот гад, да он же обирает вас. Пушнина еще в тайге гуляет, а Федор уже на нее лапу наложил. И много вас таких добровольцев у него?

– Да нет, человек пять, шесть наверно, а, потом, до пушнины может дело и не дойдет. Федор обещал осенью в лесополосе какую-то работу дать.

Степанида удивленно смотрит на мужа, или она старая что-то не понимает, или мужик по пьяни совсем свихнулся.

– Какая работа может быть в лесополосе? Ты что старый совсем скопытился?

– Да я и сам удивляюсь мать. Ты достанешь мне рассола или нет?

– Иди в дом, принесу сейчас. Да, не ходи ты к магазину, отлежись, к вечеру легче станет.

– Ладно, мать, иди, видно сегодня на мне черти ездить будут, – невесело шутит Терентий.

Войдя в дом, Терентий вспомнил, что где-то прятал не допитуемую бутылку. Понимал мужик, что лучше бы воздержаться от спиртного, чтобы прийти в норму, но руки уже сами шарили за тумбочкой, за божницей в углу, по ящикам комода. На крыльце послышались шаги. Прекратив не санкционированный обыск, Терентий упал на кровать.

– На лечись ирод, – Степанида ставит на стол банку соленых огурцов. – Тебе налить, или сам встанешь?

– Сейчас мать, попробую встать, – Терентий подходит к столу и трясущимися руками берет налитый женой стакан огуречного рассола.

– Хорошо, ох, хорошо...все мать, больше не пью. Вот переболею и все, с пьянкой завязано.

– Зарекалась свинья, гавно не есть, – качает головой жена, а самой до слез жалко мужика.

Ведь когда трезвый – золотой мужик: и ласковый, и не матершинник, и по дому помощник не заменимый. Ну, что же лихоманка путает разум мужика? В дверь постучались, и не ожидая ответа, в горницу ввалился Петр Сергеевич.

– Привет хозяевам! Гостей принимаете?

– Проходи Сергеевич, – Степанида пододвигает гостю табурет. – Садись полюбуйся на моего благоверного. Может, ему компанию составишь?

– Что ж, достань огурчик, люблю грешным делом соленькие, а у тебя всегда засол отменный.

– Льстишь Сергеевич, – довольная похвалой, Степанида протягивает крепкий, пупырчатый огурец охотнику. – Что пришел огурцом побаловаться, или на друга своего полюбаваться?

– Просто по-соседски заглянул. Девки мои уборку затеяли, вот выгнали меня, чтобы не мешал.

– А мы вот грыземся со своим, вроде бы не пацан, а дурак дураком. Каждый день на рогах приходит. Вот ты мужик трезвый скажи, для чего Федор мужиков спаивает, какая для него корысть бесплатно этих обормотов поить? Ведь он мужик прижимистый и не глупый. Ох, втянет он их в какую-нибудь неприятность, потом не отмоешься.

– Я же тебе сказал, что он работу обещал, – отхлебывая рассол, оправдывается Терентий.

– Какую к черту работу, что сосны в лесополосе окучивать будете?

Степанида вопросительно смотрит на мужа, потом переводит взгляд на Петра Сергеевича. Старый охотник неопределенно пожимает плечами, задумчиво глядя на Терентия.

– Помогает? – Он кивает на банку с огурцами. – Сколько уже пьешь?

– А черт ее знает, дня три, четыре, хочу остановиться, да она не пускает проклятая.

– Кто не пускает Степанида?

– Водка не пускает!

– Знаешь, дружище, у меня тоже такое было. Думал, сдохну, а потом разозлился на все: и на себя, и на собутыльников, и на жизнь свою постылую, но у меня горе петлей давило. А ты от чего куролесишь? Тебя-то, какое горе придавило?

Терентий молчит, он понимает горькую правду в словах Петра, но винить себя не спешит. Все пьют, ни он первый, ни он последний, но все же, как тяжело на душе. Лучше бы сейчас остаться одному и не выслушивать ни чьих упреков.

– Ладно, мужики сидите, мне надо куриц покормить, да гнезда проверить, а то одна, вроде, запарить собирается, а мне цыплята ни к чему.

Степанида ушла, мужики сидят молча, одному тошно вести разговор, а другой о чем-то крепко задумался. Пахнет солеными огурцами, мухи над столом поют свою вечную песню, совершая невероятные взлеты и падения.

Глава 15

Вечерка уже подходила к завершению, когда в горнице появился Ромашка с каким-то приятелем. Егор видел, что парни были навеселе, и решил не подходить, ведь Ромашка ушел из бани, явно, испугавшись вопросов. Чтобы снова не спугнуть Ромашку, Егор сделал вид, что не замечает его. Но приятели сразу направились в его сторону, ловко лавируя между танцующими.

– Привет студент! Мы немного запоздали, как ты здесь не подженился еще?

– О, привет! Вы что-то под занавес? Я здесь сижу трезвый, как дурак, а один пить не умею. Леди у вас больно разбор-

чивые, ни одна не одарила меня вниманием, да и танцюю я только цыганочку, а у вас классика в моде.

– Твои друзья сегодня не танцуют?

– Друзья книги читают. Завтра на рыбалку собираются, так что я один ищу приключения на свою тощую...

– Знакомься, это Савелий! Составишь нам компанию?

– Привет Савелий, – подавая руку, Егор рассматривает приятеля Ромашки, – меня Егором назвали. Какие планы на ближайшее время?

– Пришли развлечься, а здесь уже козыри разобраны и игроки расходятся.

– Роман, может возьмешь у хозяйки этого заведения шампанского местного разлива, – предлагает Егор. – Посидим где-нибудь во рту пополощем, а то с нечищеными зубами спать ложиться никак нельзя.

– Один момент парни, – Ромашка скрывается в другой комнате.

– Чем занимаешься Егор? – интересуется Савося.

– Днем гуляю, ночью пью, а в оставшееся время работаю и работаю, даже отдохнуть некогда.

– Не жалеешь ты себя парень.

– А кому сейчас легко, время такое тяжелое. Ты сам-то здешний абориген, или из декабристов?

Савося сплюнул на пол сигарку, и, разглядывая оставшихся в горнице парней и девок, процедил сквозь зубы.

– Меня попутным ветром занесло, вот остался здесь в зверосовхозе медведей разводить.

– Ну, и как не царапаются? Я вот даже комаров боюсь, а ты с медведями, отважный парень.

– У меня не забалуешь, я им быстро хвост прищучу.

– Отважные здесь люди живут, у нас в городе самый страшный зверь – контролер в трамвае, как привяжется, хуже комара.

Появился Ромашка, глаза масляно блестят, в кармане удобно устроилась бутылка, в руке вторая.

– Идем на мою хату мужики, не на улице же пить, а там, может, что из закуски осталось.

Протолкавшись через толпу парней, что курили возле дверей, друзья вышли на улицу. От дома расходятся парочки: со смехом, с солеными шуточками, парни обнимают девочек, увлекая их в темноту ночи.

А в небе над рекой, над засыпающим поселком низко, низко мерцают миллиарды миров. Какая красота, какое торжество жизни. Ведь где-то там среди этого скопища светил, обязательно есть планета, где царит разум, где восходы и закаты радуют равнодушные сердца, где любят и ненавидят, и каждое утро просыпаются с робкой надеждой на счастье. А, иначе, зачем жить, зачем рвать жилы на работе, зачем в муках рожать детей? Миллиарды миров смотрят на нас, а мы на них, и ждем друг от друга ответ на этот вечный вопрос. Зачем?

Ромашка засветил лампу, стекла на лампе не было, и она безбожно дымит, отбрасывая по стенам уродливые тени. По темным углам, куда не доходит свет лампы, наверно, прячутся полу голодные барабашки, ведь Ромашка и себя не всегда мог прокормить. На неубранном после дневной трапезы столе, среди остатков хлеба и колбасы по хозяйски разгуливают тараканы.

– Вода у тебя есть? – интересуется Егор, – надо хрусталь сполоснуть.

Роман кивает на ведро возле дверей. Егор ополаскивает граненый стакан и протирает его платком.

– Вот теперь запах хрусталя не будет перебивать букет этого благородного напитка.

– Я вижу тебе заподло сидеть с нами за одним столом корешок, – ворчит Савося.

– Ошибаешься, нам с Ромой даже в бане пить не срамно, просто, я свинства не переносу.

– Так что вздрогнем, или будем отношения выяснять? Кончай придирааться Савося, Егор парень свой, – живительная влага забулькала по стаканам.

– Прекращаем дискуссию, вино киснет, – Егор чокается с приятелями и выпивает вонючее пойло до дна, занюхав хлебной корочкой.

– Покатилась! – хохочет Ромашка, – пошла милая, ох, умеют у нас бабы сивуху гнать.

– Когда я жил в Заярске, мы там спирт глушили – вот пойло кореша, не то, что эта вонючка.

– Богу Богово, – с каким-то злом выдавливают Егор.

– О чем ты? – не понял Савося.

– Не бери на ум парень, это я о своем. Я ведь тоже не всю жизнь вот это пью, а вообще это не самое худшее, что мне пришлось пробовать.

– Да, хорошее пойло парни! Вы что заелись? Хорошее пойло! – орет Ромашка, – Показать, как горит.

– Наливай, зачем добро жечь? – смеется Егор, – сидел сегодня на этом балу, чуть с ума не сошел, ни одной знакомой морды.

– Столько телок, а тебе скука? – смеется Савося.

– У каждой телки свой бычок, а у меня физиономия не казенная и для фонарей на ней места нет.

– Боишься кореш?

– Не боюсь, но остерегаюсь, зачем свою красоту портить из-за мимолетного видения, – шутит Егор.

– Веселый ты кореш. Что в этой глуши делаешь?

– Как что, сивуху пью. С друзьями приехал, родину им показать, я здесь все свое детство сопливое провел. Бабка с дедом здесь жили, так что это моя колыбель.

– Ромка, посмотри в пакете, что я вчера принес, может, закус, какая осталась.

Ромашка выбежал на улицу, и через минуту появился с черным полиэтиленовым пакетом.

– Ни хрена здесь нет, днем все оприходовали.

– Западло пить без закуси, – Савося поморщился, – пошарь что-нибудь, неужели во всем доме голый васар?

– Спокойно парни, сейчас будет закусон.

Ромашка снова бежит на улицу, в темноте идет в огород и возвращается с пучком лука и большой, грязной редькой.

Кое-как помыв редьку, он нарезает ее ломтями, круто солит и торжественно ставит посреди грязного стола.

– Прощу господ, сало сибирское – закусон, лучше ресторанного.

– Ты в ресторане бывал когда-нибудь Роман? – интересуется Егор.

– Бывал Егор, и в ресторане бывал, и в театр с женой ходили, – Ромашка печально, неподвижным взглядом уставился в темное окно. Где он сейчас был, куда перенесла его эта машина времени – память?

– Не горюй кореш! – Савося положил руку на плечо Ромашки, – вот сделаем дело, и отвалим из этой глуши. Нам бы только до осени, а там, хозяин товар толкнет, мы получим свою долю, и прощайте бурые медведи. – Савося пьяно икнул и опрокинул очередную дозу.

– Какой товар Савося? – как будто о чем-то постороннем спросил Егор.

– Товар? Какой товар, я сказал товар? – Савося трезвеет на глазах. – Лес Алтханов должен продать, и расплатится с нами.

– Ладно, мужики, что-то я окосел, да и поздно уже пошел я. Провожать не надо, сапоги дорогу знают. До завтра джентльмены!

При полном молчании высокого собрания, Егор поднялся и, покачиваясь, покинул гостеприимный дом. Ночь была теплая, небо звездное и удивительная, какая-то чистая тишина. В такие ночи, наверное, хорошо писать стихи. Егор раскинул руки и тихо запел старую песню своей матери. Когда-то давным-давно, сидя за машинкой, мать напевала эту песню.

На Муромской дороге,
Стояли две сосны.
Со мной прощался милый
До будущей весны.

Ни огонька, ни лая собак, лишь за рекой, видно со сна, колокольчиком прозвенит куличок и снова тишина.

Егор не был пьян. В темной избе Ромашки он без труда обманывал собутыльников, выплескивая самогон на пол. Куда идти в дом Аркадия или Петра Сергеевича он не задумывался, везде для него были открыты двери. Дом Петра Сергеевича был ближе, и Егор свернул к нему. Дом темными проемами смотрит в мир, но на крыльце кто-то сидит. Войдя во двор, Егор остановился перед крыльцом.

– Но и кто здесь звезды считает?

– А тот, кто тебя не боится! – раздается голос Аркадия.

Тесно прижавшись, друг к другу, сидят Аркадий и Надька. В темноте не видно их глаз, но какое-то напряжение в голосе Аркадия, выдает волнение молодого человека. Надька молчит.

– Сидите? Ну-ну, я могу отгадать, о чем вы мечтаете. Не верите? Вы мечтаете о том, чтобы я сейчас посидел с вами.

– Иди отсюда баламут!

– Ухожу! Ночью под комарами, на грязном крыльце мое воспитание не позволяет сидеть.

– Уходи болтун!

Хлопнула дверь и снова в мире тишина. Только два молодых сердца громко стучатся друг к другу, боясь, что одно может не услышать другого.

Роза закончила шить распашонку, обметала петельку и с улыбкой откинулась на подушку. Боже, какое счастье, что судьба дарит ей этого ребенка, а если будет парень, то мир и спокойствие войдут в этот дом. Отец уже смирился с беременностью дочери, а если она подарит ему внука, все ее грехи будут прощены. Мать на дочку надыхаться не может, ни что не разрешает делать по дому, и тоже ждет только внука. Она уже и имя хотела дать в честь своего отца, но Роза воспротивилась, а Федор так посмотрел на жену, что она пожалела о своем предложении. Да и какой матери понравится, если сына нарекут Лукой. Нет, нет, она назовет своего сына по-современному – Игорь, Александр, Аркадий. А, почему бы, не назвать Аркадием? Красивый парень, жаль, что о та-

ком можно только мечтать. Он, кажется, по Надьке сохнет, красивая будет пара, дай им Бог счастья.

Роза не заметно для себя уснула, даже не уснула, а просто провалилась в какую-то сладкую дрему. И снова родной дом в Еловке, сестры, здоровая, веселая мать. Сестры о чем-то спорят, а мать ласково смотрит на дочерей.

Сон слетел, за стенкой действительно было шумно, видно, вернулся отец и как всегда не один. Мужские голоса то ли спорили, то ли

просто громко разговаривали. Через дощатую переборку хорошо был слышан этот полу пьяный разговор.

– Ты Федор не финти, у тебя все лето мужики без дела ходят. Дай мне человек десять я поставлю их в бригаду лесозаготовителей, а своих из бригады сниму на лесопосадки. Ведь твоих нельзя в лесополосу пускать.

– Есть у меня шесть человек, я их специально подкармливаю, вернее подпаиваю. Они уже в долгу по самые уши, а больше, извини, брат не откуда. Вообще, если платить нормально будешь, может, еще, кто согласится подработать. Хотя охотники вряд ли пойдут лес рубить.

Разговаривают отец с Алтхановым, но Роза чувствует, что в горнице еще кто-то есть. Незначительными репликами, покашливанием кто-то третий выдавал свое присутствие.

– А что не пьете мужики? Водка уже плесенью покрылась, – раздался женский голос, грубый, прокуренный.

– Твое здоровье Арсен Джаманович! – икает Федор.

– Давай за даму Федор, совсем ты очерствел в своей тайге. За прекрасную даму!

Зазвенели бокалы, некоторое время слышалось сопение и чавканье, потом заговорила женщина.

– Хорошо, соберете товар, а как будете транспортировать рекой или на машинах?

– По реке опасно, слишком много глаз, – голос Алтханова был глухим, а окончания многих слов он просто проглатывал вместе с закуской. – Я думаю на лесовозах сделать по-

тайные места, между бревен. Уложим товар, сверху опять бревна. Да ни один мент не догадается.

– А если собаки унюхают? – наседает женщина.

– Леспромхозовские машины с собаками не проверяют, патрули только документы на лес смотрят. Главное позаботьтесь в городе с приемкой и про оплату не забудьте.

– Ладно, с этим утрясем, время еще есть. В конце августа будем ждать ваши лесовозы.

– Пейте гости дорогие, да закусывайте, чем Бог послал, – приглашает Федор, а у самого уже язык заплетается.

« Опять напьется отец, – вздыхает Роза, – как сильно изменился он после того, как объявился в зверосовхозе. Или жизнь в городе так повлияла на отца, или лихоманка, какая гложет изнутри. А, может, у него другая баба в городе осталась». Роза села в кровати, обдумывая внезапно возникшую мысль, ведь целый год мужик один жил.

– Федор, как твои охотники в лесополосу больше нос не суют?

– А как туда сунешься? Все твоими джигитами обложено, да и я ухо по ветру держу. Объявились здесь какие-то туристы, но я их взял на контроль, на всякий случай. Савосю поставил, чтобы присматривал.

– Дурак этот Савося, а то, что присматриваешь за пришлыми, хорошо. Будь, как пес, а в случае чего знаешь, как поступать.

– Ты бы предупредил своих, а то два трупа за лето – перебор, среди охотников разговоры идут, – робко замечает Федор.

– Своим я уже хвоста накрутил. С бабой у них действительно прокол получился, ну, а с парнем, извини, иначе поступить было нельзя. Он слишком близко приблизился к разгадке наших замыслов, все могли загреметь, и мы с тобой тоже. .

– Давайте выпьем, чтобы все получилось, – предлагает женщина, – за успех мужики! Хорошее у тебя сало хозяин, сейчас на рынке продуктов много, но вот такого, деревен-

ского не купишь. Может, свиней кормят чем-то ни тем, или обрабатывать разучились.

– Я вам салца с собой положу, сига хорошие есть, – предлагает Федор. – А может, соболишек на шапку пожелаете?

– Пожелаем хозяин, с большим удовольствием пожелаем.

Алтханов пьяно смеется, хлопая в ладоши. Звенят бокалы, Роза опять стала засыпать, пьяные голоса за стенкой все тише и тише, она снова погрузилась в дрему.

Никто не слышал, когда Надька вечером пришла домой, а проснувшись утром услышали, как она что-то весело напевая, уже колдует у печи.

– Надя, ты, почему меня не разбудила? – весело упрекнула ее Екатерина.

– Ты так сладко спала, да и дел по дому, собственно, нет. Рыбу я пожарила, залила яйцом, чай кипит. Так что вставай-те сони, мойтесь и к столу.

Егор взял где-то нитку, послунявил ее и водит сонному Николаю по голому телу, заливаясь смехом от того, как тот отбивается от назойливой мухи. Наконец Николай проснулся, стукнул Егора по затылку, и они убежали на речку умываться.

– Отец так и не пришел? – интересуется Екатерина.

– Пришел очень поздно, пусть поспит. Говорит, у Терентия засиделся.

– А ты Надюха у кого засиделась, ведь тоже пришла поздно?

– Я на крыльце сидела, за Егора что-то не спокойно было. Он ведь тоже поздно пришел.

– Так, так, значит, Егора ждала? Одной, наверно, страшно было?

– У меня, может, охранник был, что я дура, одна сидеть?.

Девчонки весело смеются. На смех из соседней комнаты появился Петр Сергеевич, хмурый, заспанный он подошел к ведру с водой и зачерпнул ковш воды.

– Ну, и что же смех, поспать не даете, – он не довольного смотрит на девчонок.

– Вовремя надо ложиться батя! Где-то гуляешь допоздна, а потом не высыпaeшься. Вон Надя рано ложиться и всех раньше встает.

Старик удивлено переводит взгляд с одной на другую, потом начинает громко хохотать.

– Надя рано ложится, ох уморили старика, да она вообще не ложилась. Я утром во двор ходил, они на крыльце комаров кормили.

Надька смущенно, но счастливо улыбается. Какие хорошие люди встретились на ее пути. Как тепло, как спокойно ей в этом доме, среди этих родных ей людей.

Дверь без стука распаивается и на пороге возникает не званным гостем Ромашка. Он какой-то потерянный, не решительный и впервые почти трезвый. Оглянувшись по сторонам, как будто ища кого-то глазами, он нерешительно подошел к Петру Сергеевичу.

– Здравствуй Роман! Какие дела привели тебя в мой дом, или, может, так на огонек заглянул? – Мне бы с Егором поговорить! Он что не у вас?

– У нас, сейчас придет, на речке они. А, может, я тебе могу помочь?

Девчонки вышли, оставив мужиков вдвоем.

– Я не могу долго находиться здесь. Он может проснуться...он опьянел, уснул...я тоже уснул, а сколько спал не знаю.

– О чем ты Роман, кто может проснуться?

– Савоя из лесополосы. Федор меня с ним свел, и велел познакомить его с Егором.

– Федор что подбирает для вас собутыльников? – смеется Петр Сергеевич. – Что и Егор с вами пил? Вот тоже нашел компанию.

– Петр Сергеевич, поверь мне, я выпивоха, конченный человек, но я не подлец. Я возле этого Федора терся только ради выпивки, наливал он иногда, но я не думал, что он сволочь. Он, видно, считал, что я совсем совесть пропил, но я не подлец, не убийца. Поверьте мне, это все водка помутила разум.

– Роман, кончай хныкать! Ты для чего к нам пришел на судьбу свою жалиться?

– Сейчас Петр Сергеевич, все в голове перепуталось. Понимаете, мы вчера выпили хорошо, Савося что-то заговорил про товар, а Егор поинтересовался о каком товаре идет речь, ну Савося и взбеленился. Когда Егор ушел, этот так называемый корешок, предложил мне попугать Егора.

– Не понял, как это попугать? – заинтересовался Петр Сергеевич.

– Он дал мне какой-то баллончик и сказал, чтобы я по пьяни брызнул Егору в лицо. Потом мы должны утащить его ночью подальше в лес, дескать, он очухается, и ничего не будет помнить. Савося сказал, что это будет платой за любопытство.

– Дурачок ты Роман, он хотел повязать тебя преступлением, чтобы ты больше не трепыхался. Вот паршивец! А где тот баллончик?

Весело переругиваясь, на крыльце остановились парни. Веселые, посвежевшие они шагнули через порог.

– О, Ромашка, ты что опохмелиться принес, а где Савося наверно дрыхнет еще?

– Посмотри парень, какую опохмелку тебе этот Савося приготовил.

Петр Сергеевич протянул Егору маленький баллончик отделанный красивой, золотистой фольгой.

– Красивая штучка у нас в городе, некоторые девушки, для самообороны носят такие игрушки.

– Может быть, может быть, – Петр Сергеевич внимательно рассматривает надпись на баллончике. – Написано не по-нашему, но я почти уверен, что здесь паралитический газ,дохнул и все – паралич сердечной мышцы.

– Ни хрена опохмелка! И что все мне одному? – Егор чешет макушку, улыбки на лице, как не бывало.

– Тебе Егорша, тебе. Благодарю вот Романа, – охотник обнимает за плечи Ромашку. – Молодец парень, извини, что иногда резок бываю с тобой. Видно ошибался я насчет тебя парень. Спасибо тебе.

– Да я ничего...Обидно мне стало, что за последнюю дрянь меня считают, если на такое дело толкают.

– Спасибо Роман! Хороший ты человек, а пить бросай, сам видишь, чем это может кончиться. Эту штуку забери, чтобы тот гад не догадался где ты был. Мы подумаем, что дальше делать, а ты иди, пока тот злыдень не проснулся. Егор проводи парня.

Ромашка ушел, а Егор, как опустился на лавку, так и остался сидеть, переваривая услышанное. Петр Сергеевич молча ходит по горнице, впервые холодный страх за этих, почти незнакомых парней, холодит сердце старого охотника. – Видно придется переправить тебя в тайгу. Поживешь в моем зимовье, здесь для тебя становится опасно. Один не испугаешься жить.

– Раз надо, значит надо, – серьезно отвечает Егор. – Конечно, одному страшновато, но не известно, где страшнее здесь или в тайге.

После завтрака ребята вышли на улицу, и расселись, как воробьи на ступеньках крыльца. Надо было поговорить, осмыслить последние события. О чем говорили ребята, о чем спорили, для девчонок осталось загадкой, они устроили в доме уборку. Не успели девчонки помыть посуду, как на улице раздались крики. Кричала женщина, мужские голоса вторили, что-то спрашивая, что-то не понимая, перебивали друг друга.

– Убили, люди помогите! Убили!

– Где, кого? Да, прекрати кричать!

– Убили! Ой, люди, убили!

Девчонки выбежали на крыльцо, парни уже были за калиткой. По улице бежала женщина, она остановилась возле нескольких мужиков, что стояли у ворот соседнего дома и, размахивая руками, стала что-то объяснять.

– Ребята! – Петр Сергеевич прячет в карман трубку, – я, кажется, знаю, кого убили.

Мужики от соседнего дома бегом бросаются в переулок, ведущий к складам. Парни и Петр Сергеевич поспешили

следом, девчонки не успевают за быстро идущими парнями. Возле Ромашкиной хибары уже толпятся любопытные. Люди стоят молча, опустив головы, лишь изредка о чем-то перешептываясь. Петр Сергеевич раздвинул стоящих, и прошел с парнями вперед. Калитка ограды была открыта, а в самом проеме лежал Ромашка, голова откинута на бок, возле рта запеклась струйка крови. Одна рука еще поддерживала калитку. Из груди парня торчит хозяйственный нож, которым, еще вчера, он резал редьку для собутыльников.

Петр Сергеевич наклонился над парнем, чтобы пощупать пульс, и увидел, что в руке парня крепко зажат злополучный баллончик. Охотник разжал руку и положил баллончик себе в карман.

Ромашка, Ромашка, вот и закончилась твоя дорога на этой земле. Голодная, вечно похмельная жизнь человека, потерявшего все – только бутылка хмельного, да случайные собутыльники разделяли с тобой последние дни и ночи. Прости нас Ромашка – Роман Степанович, не знаю за что, но прости. Не должен так жить и умирать человек.

– Что мужики, занесем в дом парня, не дело на земле оставлять человека.

– Подождать бы надо, – засомневался кто-то, – может милиция приедет.

– А вон, кажется, власть идет. К дому спешил Федор, был он на удивление трезв и очень зол.

– А ну-ка пропустите мужики! Что тут случилось? – мужики расступились. – Господи, да кто это его? Допил парень, ведь сколько раз говорил, что добром это не кончится. С кем он вчера пил, может, кто видел? – он зло переводит глаза с одного на другого, пока не останавливается на Егоре.

– Да, мы вчера были вместе, – не отводя глаз, говорит Егор, – но я ночевал дома, а он погиб утром, тело еще не остыло. А вот ваш хороший знакомый, что хвастал вчера вашим покровительством, оставался у него ночевать. Может, у него спросите гражданин хороший?

– Какой еще знакомый? Напьетесь, потом городите невесть что. Не трогать труп, я в леспромхоз позвонил, милиция приедет разбираться.

Петр Сергеевич уже сходил в дом и вынес какую-то тряпку, чтобы прикрыть труп.

– Хорошо начинается утро, – ворчит охотник. – Так, где же этот Савося, может, вы скажете Федор Викторович?

– Я с ним не имею ничего общего. Если вас интересует этот фрукт, спросите у своего постояльца.

Федор чуть слышно выругался и, нахлобучив кепку на самые глаза, пошел прочь от толпы.

– Я достану этого Савосю, – проворчал Егор, – а вместе с ним и этого Федора прижучу.

– Вы ребята идите домой, а я дождусь милицию, – тяжело вздохнул охотник. – Надо насчет похорон подумать, у него ведь никого нет.

Солнце поднимается все выше, разгорается новый день, но не для Ромашки тепло солнечных лучей, крики куликов над рекой, шум заречной тайги. Нет не для Ромашки.

Проводила деревня в последний путь своего непутевого земляка. Молча постояли у небольшого холмика, ни одна слеза не упала, ни одна душа не сжалась от боли. Был человек, и нет. О ком горевать, у всех свои печали и заботы, а Ромашка лег рядом со своей Дашей, теперь уже навсегда.

Убийцу, конечно, не нашли, да никто и не искал. Скрылся Савося в лесополосе под крылом кавказской братвы. Лишь только парни, да Петр Сергеевич знали из-за чего погиб парень, но и они до поры спрятали истинную причину трагедии.

Надька, вопреки печалям мирским впервые пригубила напиток, название которому счастье. Цвела девчонка, не замечая, что окружающие любят этим удивительным первоцветом. Аркадий признался ей в любви и Надька захлебнулась этим признанием, она утонула в этом признании, и не было желанья выплывать. Как долго они обманывали друг друга, притворяясь равнодушными, когда душа

горела от желания. И вот они вместе, они одно целое, они дышат одним воздухом, одно солнце согревает их.

Петр Сергеевич видел, как светятся глаза его приемной дочери и радовался, оттаяла израненная душа девчонки. Ему нравился Аркадий, не по возрасту серьезный, умный парень, он казался очень надежным и знающим, что ему надо в этой жизни. Раскурил трубку старый охотник и задумался: «Что же получается? Что парень практикант убит сомнений не было, оружие убийства лежит в кармане. Но что замыслили эти абреки? Видно на серьезное дело вышел он с парнями, если пошли на прямое убийство эти ублюдки. Что они скрывают в лесополосе? Выход один, надо проникнуть в лесопосадки, придется вспомнить военную профессию разведчика, да и Савосю надо, как-то выудить, пока его свои не кончили. Этот ублюдок многое знает, он нужен живой». Петр Сергеевич был уверен, что когда запахнет жареным, кавказцы уничтожат свидетеля.

Пришла Надья: веселая, раскрасневшаяся, голодная.

– А где все? Мне кажется, я проголодалась дядя Петя.

– Парни ушли к Аркадию, Екатерина скоро придет, за молоком послал к соседке. – Петр Сергеевич выбил трубку, – а ты дочка, разогрей борщ, Катя вернется, и за стол сядем.

– Розу встретила, посидели возле речки. Интересные вещи она рассказывает.

– Ну-ну, что такого интересного она могла рассказать?

– Приезжал к ним Алтханов с какой-то женщиной, вели разговор о реализации какого-то товара. Осенью в лесополосу переводят бригаду кавказских лесозаготовителей, а на лесосечной деляне их заменят нашими охотниками.

– Охотники осенью на промысел уходят, да и не будут они баланы катать, не для них такая работа.

– Что-то тут не чисто дядя, они говорили о тайной перевозке товара на лесовозах. Да, и какой товар они собираются перевозить, что они в лесополосе золото копают?

– Ничего дочка, они наглые, а мы хитрые, что-нибудь придумаем.

Пришла Екатерина с молоком. За лето девчонка вытянулась, фигура заметно округлилась, а глаза, огромные темные омуты, стали еще прекрасней. Она все больше походила на мать, даже походку легкую, летящую оставила ей маманя. Екатерина легче перенесла потерю, А Петр Сергеевич все эти годы, глубоко в душе, хранит боль по ушедшей жене. И видно это уже навсегда.

– Какие вы у меня красивые девчонки! Не зря парниazole нашего дома табунятся.

– Дядя! – Надька шутливо нахмурила брови. – А ну, прекрати вгонять нас в краску!

– Мне еще учиться надо, так что рано о парнях думать, – отозвалась Екатерина.

– Об этом, дорогая моя, никогда не рано, и никогда не поздно думать, – серьезно отозвался отец, – только надо голову на плечах иметь.

На крыльце заскрипели половицы, и в горницу ввалился высокий мужчина лет сорока в легких ичигах и брезентовой куртке. Недельная щетина покрывает тяжелый, квадратный подбородок, черные брови почти срослись на переносице.

– Мир этому дому! – пробасил вошедший. – Никак к обеду подоспел, может, и меня в этом доме покормят?

– Матвей Егорович, проходи к столу, – хозяин радушно подвигает гостю табурет. – Что опять со своей поругался?

– А у нас одно удовольствие, мы, если днем не поругаемся, ночью спать не будем.

– Ладно, садись пообедаем. Может, самогонки налить?

– Спасибо Петр, пить не буду, а вот борща похлебаю. Что думаешь о последних смертях в нашем поселке?

– Что тут думать, чужаков много появилось в тайге. Ведут себя по-хозяйски, и нет на них управы. Как Алтханов своих земляков привел, беспредел расцвел диким цветом. Убили Ромашку, думаешь, кто-нибудь ответит за преступление? Матрена, думаешь, своей смертью умерла? Самогонку она кавказцам на продажу носила. Мужики молодые, здоровые,

без баб живут, вот и поизголялись над молодой, а потом жизни лишили.

– Многие мужики так же думают Петр. Может, войну черномазым объявим? Охотники стрелять умеют.

– Стрелять умеют, но не по людям же. Беда большая будет, если кровь прольется, нельзя этого допустить, так и скажи мужикам. И вот еще что Матвей Егорович, Алтханов хочет наших охотников в бригады лесорубов направить, передай мужикам, что тайга нас кормит, и не дело своими руками лес уничтожать, для того, чтобы всякие Алтхановы жир нагуливали.

– Откуда ты все знаешь, Сергеевич, тебе, что сорока на хвосте принесла?

– На хвосте, поживешь, увидишь, что я правду говорю.

– Да, верю я, верю! Я к тебе совсем по другому делу пришел. Поплыли сегодня лучить, смолье у меня еще с зимы заготовлено, а вот острога никудышная.

– Острогу я тебе дам, а вот сам не поплыву. Бесполезно сейчас плыть, вода еще теплая, рыба не стоит, на луч в конце августа идти надо, когда подмораживать будет. У меня в корчаги и то плохо рыба идет, на глубину рыба ушла.

– Вкусный борщ, хорошие у тебя хозяйки растут Петр. Спасибо, что накормили старика.

– Да, хозяйки хорошие, – Петр Сергеевич ласково смотрит на девочек. – Жизни бы им хорошей Бог дал, а то видишь, как скверно живем, не должны люди так жить.

Федора Ракова трясет от страха, он помнит глаза мужиков, там возле дома Ромашки он понял, что мужики ему не верят. Особенно обжег его взглядом мальчишка, что приютился у подлого тунгуса. Не Ромашку, а этого Егора надо было заставить замолчать навсегда. Федор чувствовал, каждым нервом чувствовал, что беда свалится и придавит его вместе с этим бизнесом. Алтханов выкрутиться, у него есть деньги, а ему Федору идти ко дну. Что делать, как отвести от себя эту напасть? Уходя от дома Ромашки, он спиной чувствовал ненависть, повисшую в воздухе.

– Лежишь выродок!

Федор толкнул в бок, пьяно промычавшего что-то, Савосю. Он прибежал утром, жалкий, растерянный и очень напуганный, с этой идиотской вестью, что убил Ромашку. Ну, кому он был нужен этот алкаш, за что было его убивать? А если кто-нибудь видел, что этот Савося пришел к нему? Хорошо пока можно закрыть его здесь в бытовке, а что дальше? Думай Федор, думай! Позвонить Арсену, но шеф и так недоволен его работой? Может убрать этого парня из обоймы охотника? Опасно, и так много трупов в последнее время. Нет, Егора трогать нельзя, хорошо бы направить этих придурков во главе с лесником Аркадием в лесопосадки, чтобы охранники их перестреляли. Стоп Федор, тогда точно на твоей шее петля затянется. Думай Федя, а, может, вариант с лесополосой не так уж и безнадежен, ведь петля может, затянуться не на его, а на Алтхоновой шее.

– Эх, свинячье рыло, и как мне раньше такое на ум не пришло? – сам с собою говорит Федор. – Надо кое-что шепнуть Розе, и дезинформация будет у этой Надьки, а там пусть парни этого тунгуса лезут под пули кавказцев. Не глупо, совсем не глупо, – Федор злорадно хохочет.

Глава 16

Егор шумно ворвался в маленький домик Аркадия. Николай спал, уткнувшись носом в подушку. Аркадий что-то читает, сидя у окна, казалось, он ничего не слышит и не видит. В доме пахнет жареным картофелем и покоем, и нарушать этот покой, было бы большим свинством. Но не для Егора. Он упал на кровать рядом с Николаем, хлопнул его по заднице и закричал.

– Спишь, день и ночь спишь! Ты что сюда спать приехал?

Аркадий удивленно смотрит на парня, отложив книгу. Он, казалось, был еще там, среди необыкновенных людей и удивительных ситуаций книжного сюжета.

– Ну, что уставились? Поражены моей красотой? Сейчас еще больше поразитесь. Я сейчас встретил Надю, ладно, не красней Аркаша, она про тебя не спрашивала.

– Хватит Егор! Ты что меня разбудил твоей красотой любоваться? Болтун ненормальный. – Останавливает Егора Николай.

– Темные, неблагодарные люди, я принес вам новость, от которой вы рты поразеваете. С лесополосы снята охрана. Наде сказала Роза, что кавказцы ушли, вероятно, испугались расследования убийства Ромашки.

– Вот это новость, – Аркадий отложил книгу и сел на подоконник

– Есть предложение, может, прогуляемся, – меряет комнату шагами Егор. – Я очень любопытный, у меня даже пятки зудятся, так хочется погулять по лесополосе.

– А я бы посоветовался с Петром Сергеевичем, – рассудил Николай, – подозрительно все это.

– Что тут подозрительного, поняли абреки, что придется отвечать за смерть Ромашки, вот и сбежали. – Егор бегаёт по комнате не в силах, от волнения, сидеть на месте.

– Николай прав, Ромашку убил Савося и на кавказцев вину никак не повесишь. – рассудил Аркадий.

– Мне этого Савосю достать надо, я себе не прощу, если он сбежит. Но и Наде я не могу не верить, и готов один идти в лесополосу, чтобы пристыдить некоторых не верящих.

– Хватит Егор, садись перекуси, и пойдем к Петру Сергеевичу.

Когда ребята перешагнули порог дома охотника, новость уже была известна Петру Сергеевичу. Он, попыхивая трубкой, ходит по горнице, на лице никаких эмоций, казалось, в мыслях старик далеко от происходящего.

– Тихо, ребята, тихо. Я уже слышал от Надежды, чем вы меня думаете удивить. Новость интересная и подозрительная, надо быть глупым, чтобы сразу поверить в это.

Ребята сидят возле стола, вникая в рассуждения охотника. Аркадий с Надькой незаметно уединились в кути, чтобы не мешать парням. Они решали свою серьезную проблему, да и что может быть серьезнее любви.

– Но ведь что-то делать надо, мы и так почти месяц разговоры разговариваем. – горячится Егор, – я что приехал сюда самогонку жрать с разными уголовными элементами.

– Самогонку пить тоже с умом надо Егорша. – Охотник строго смотрит на парня. – Ведь не напрасно они Ромашку порешили, значит, есть что скрывать.

– Вот и надо узнать что, а не сидеть!

– Хватит Егор! Учись слушать, ведь не пацан уже. – Останавливает друга Николай.

Егор замолчал, опустив голову, только желваки играют на скулах. Молчит и Петр Сергеевич, огромная черная муха бьется в стекло, нарушая тишину в доме, где-то не приятно воет собака.

– Плохо, когда собака воет, – подойдя к окну, заметил охотник. – Ну, вот что дорогие мои, я сегодня проникну в лесополосу со стороны болот, думаю, там меньше всего ждут гостей. А вы поближе к ночи походите возле лесополосы со стороны поселка. В лес носа не совать, не могли они уйти, западня это. Посмотрите, может, где костер жечь будут. Послушайте, ночью разговор далеко слышен. Еще раз предупреждаю, в лес не соваться!

– Ружье с собою брать, вдруг они стрелять будут, – интересуется Егор.

– Ты же уверен, что они ушли из лесополосы, – улыбается охотник. – Нет, думаю, не надо вооружаться, а то еще с испуга стрельбу откроете. Выше дело наблюдать, и отвлекать их внимание, когда я попытаюсь проникнуть в лесополосу с со стороны болот.

– А вот в трусости нас подозревать не надо. – У Егора, кажется, даже чубчик взъерошился. – Может, у нас нет вашего опыта, но трусами мы никогда не были.

– Извини Егорша, никого из вас я не считаю трусом, но чувство страха идет с человеком под руку с детства. Это чувство присуще всему живому: зверю, птице, человеку, так что не надо стыдиться этого чувства, просто надо научиться управлять им. Думаешь, мы на фронте не боялись? Да, самый отважный солдат обливался холодным потом, перед тем, как шагнуть из окопа в атаку. Так что не стесняйся Егорша, если вдруг захолодит в груди от страха.

– Ладно, Петр Сергеевич, мы, наверно, пойдем в дом к Аркадию. Надо немного поспать, а то неизвестно придется ли спать ночью.

– Ох, и любишь ты Коля поспать, – смеется Егор, – воздух у вас на него действует что ли, спит, как сурок.

– Да вы на всю-то ночь не заряжайтесь. С вечера походите и на боковую. Обо мне не беспокойтесь, я ведь в разведке служил, да и тайга для меня – дом родной.

Из кути вышел Аркадий, посмотрел на ребят, собравшихся уходить.

– Вы парни идите, а мне надо еще в один дом заглянуть. Порубочный билет на дрова оформить надо.

Ушли ребята, и не заняло сердце, не подсказало ретивое, что последний раз были они в этом теплом доме. Доме, где их так душевно принимали, тепло и сердечно привечали, где двери всегда были открыты для друзей.

Пока Николай сладко похрапывал, досматривая сны, Егор взял удочку и спустился к реке. Хорошо посидеть с удочкой у реки на вечерней зорьке. Легкий туман стелется над самой водой, колокольчиками перекликаются с берега на берег кулики, а над самой водой легкой тенью скользят ласточки.

Егор закинул удочки возле не большой курьи, где воду, какая-то сила, разворачивала по спирали, и она текла в обратном направлении. Как давно это было: детство, пацаны, рыбацкий костер на берегу Тунгуски. Егор лег на прогретый дневным теплом песок и закрыл глаза. Ему показалось, что сейчас раздастся с берега голос бабушки, зовущий его Егорку на обед. Он даже поднял голову, чтобы прогнать

видение. Поплавок лихорадочно подпрыгивал над водной гладью, и вдруг нырнул, увлекаемый вниз под воду. Егор подскочил, схватил удочку и через минуту пескарь бьется на крючке. Господи, какие же жадные эти пескари, не успевал крючок с наживкой скрыться под водой, как очередная рыбешка уже заглатывала наживку. Начальный азарт быстро испарился, как туман над рекой. Было совсем не интересно ловить этих глупых пескарей, тем более, что здесь на Тунгуске они считались не съедобными, их ловили только на корм кошкам. Егор закинул удочку и снова лег на теплый песок, следя за проплывающими облаками. Хорошо, лежа на песке, вдыхать полной грудью таежный воздух, сдобренный запахами лесного разнотравья. Как обедают себя люди, дыша перегаром больших городов, лишенные общения с природой.

Что-то заставило Егора поднять голову и посмотреть на поплавок, но поплавок не было, а конец удилица бился о воду. Схватив удочку, Егор потянул снасть на себя, леску сильно повело в сторону, чувствовалось, что крупная, сильная рыба пытается оказать сопротивление. Егор подтянул удилица к берегу, ухватился за леску и стал, как на закидушке осторожно подтягивать добычу к берегу. Рыбина, хорошая, крупная рыбина бросалась из стороны в сторону, то била хвостом по поверхности воды, то уходила на глубину, но все ближе и ближе подходила к берегу. Егор вспотел от волнения – вот тот самый момент, из-за которого рыбаки готовы сутками колдовать над поплавком. Два метра до берега, один метр, полметра и вдруг леска ослабевает. Сорвалась, ушла зараза, в самый последний момент ушла. Егор оцепенел, казалось, его стукнули по голове, и он, в какой-то момент, потерял чувство реальности.

– Ах, ты зараза! – Егор срывает с головы кепку и зло хлопает ею об землю, подбегает к банке с пескарями и ногой отфутболивает ее далеко в реку. – Ах, ты стерва, ушла, сорвалась, у самого берега сорвалась! – Он бежит по берегу, как сумасшедший, матерясь и размахивая руками.

А на берегу, возле дома, стоит Аркадий и держась за живот, безудержно, остервенело, хохочет, до икоты, до слез хохочет парень. Если бы кто со стороны посмотрел на парней, посчитал бы что парни пьяные или у них съехала крыша. А парни просто живут, в жилах играет кровь, молодая кипучая энергия ищет выхода, эмоции выплескиваются наружу и, как красиво выплескиваются. .

– Пусть живет рыба Егор, значит, не пришел еще ее черед прыгать на сковородке, – кричит Аркадий товарищу. – Значит, жизнь продолжается.

Снова ночь опустила свой звездный шатер над деревней, над тайгой и речкой. Луна, выглянувшая из-за леса, с неммым любопытством взирает, как этот людской муравейник отходит ко сну. Еще гуляют по улице парочки, где-то хорошей песней надрывает души влюбленных гармошка, лают собаки и гаснут, гаснут керосиновые лампы в подслеповатых окнах деревенских домишек. Засыпают деревня, тайга и только речка без усталости несет свои воды к Великому Енисею.

Парни шли молча, никто не встретился им ни в деревне, ни на выходе на дорогу ведущую к лесопосадкам. Через пару километров перед ними темной стеной встала тайга, перед которой километровой полосой тянулся молодой сосновый лес, посаженный лет двадцать назад еще в советские времена.

Не доходя метров двести до лесополосы, ребята свернули с дороги, и залегли возле не высокого куста черемухи. Егор порывался идти дальше, но ребята его удержали. Тишина давила, заставляя говорить шепотом, прислушиваться к ночным шорохам. Изредка над головой, как тени, пролетали ночные птицы. Черемуха дурманила крепким хмельным настоем.

– Вон видите впереди, чуть левее чернеют кусты, – шепчет Аркадий, – давайте на полу согнутых туда и наблюдайте. Ни в коем случае в лесополосу не соваться, а я постараюсь с другой стороны дороги подобраться ближе к сосняку. Если поднимется шум, стучите какой-нибудь палкой о пал-

ку, камнем о камень и старайтесь незаметно менять место, чтобы создать представление, что нас много. Если начнут стрелять, отходите к деревне.

– А как же ты? Не бросать же тебя одного, – начал возражать Егор.

– Мы будем отвлекать на себя внимание, когда Аркадий попытается приблизиться к охраняемой зоне, – объясняет другу Николай.

– Да, понимаю, не маленький, мог бы и я туда пойти.

– Ты днем в трех березах заблудишься, потом тебя надо будет искать, усмехнулся Николай.

– Хватит спорить парни. Давайте вперед к тем кустам, и действуйте по обстановке, но головы не теряйте.

Парни растворились в темноте. Аркадий полежал, прислушиваясь, потом бесшумно побежал, низко пригибаясь, в сторону дороги. Пересек дорогу и по другую сторону от нее увидел чернеющие кусты. Он уже повернул в сторону кустов, но что-то заставило его остановиться и залечь в небольшом углублении. Первые несколько минут он лежал, не шевелясь, потом, тихо поднял голову и стал прислушиваться. Кругом тишина – настороженная, опасная тишина. Лежать одному среди этой тишины было жутковато, казалось, что там впереди кто-то наблюдает за тобой, что кто-то незримо присутствует где-то рядом. Преодолев оцепенение, Аркадий тихо двинулся к кустам. Когда он упал под куст, сердце было готово выскочить из грудной клетки, ему было тесно, где-то там, между ребер. Немного полежав, парень почувствовал себя спокойнее, появилась уверенность, ушло то липкое, неприятное чувство страха. Сколько раз, как лесничий, ночевал он один в тайге, и никогда, не давал страху скрести у себя между ребер, так что же он раскис, как барышня, испугавшись темноты и одиночества. Аркадий засмеялся над собой, встал и тихо пошел, стараясь не шуршать травой. Лесополоса чернела рядом, вот и первые ряды насаждений, ровные молодые сосенки, как солдаты выстроились перед суровым старшиной. Трава закончилась, под ногами зашуршал ковер сосновой хвои. Аркадий

остановился какой-то легкий, посторонний звук привлек внимание, казалось, где-то по хвое била струйка воды. Аркадий замер, вдруг в нескольких шагах от него от сосны отделилась фигура высокого человека. Рядом с фигурой, между сосен обозначилась тень палатки. Пламя зажигалки осветило крупное, заросшее бородой лицо, а когда погасло, красный огонек сигареты звездочкой вспыхнул в ночи.

Аркадий подождал, когда человек скроется в палатке и уже спокойно, зная куда надо держать направление, пошел в глубь лесополосы.

Николай с Егором лежат под кустом черемухи. В той стороне, куда ушел Аркадий, тишина. Земля, прогретая за день, позволяет лежать без какого-либо неудобства.

– Я что сюда спать пришел? – ворчит Егор. – Надо идти в лесосеку, и ежу понятно, что там никого нет.

– Тебе сказали лежать и наблюдать. Ну, что ты за человек, все норовишь вперед батьки.

– Меня никто не усыновлял, и батька мой далеко, а лезу я потому, что противно лежать, ничего не делаю. Ты Коля любишь поспать, вот и ложись, можешь даже храпануть.

– Тише Егор, кажется, кто-то идет, – парни замерли, вглядываясь в темноту.

По самому краю лесополосы шли двоя. Покуривая, они словно прогуливаясь, как раз в ту сторону, где скрылся Аркадий.

– Они же обнаружат Аркадия! Что делать Коля? Может, отвлечь их, обнаружив себя?

Николай нащупал под боком два камня и несколько раз ударил одним об другой. Стук в ночи раздался неожиданно громко. Двое на опушке остановились, и стали прислушиваться, о чем-то совещаясь.

– Отползи метров на десять и постучи, – шепчет Николай.

Егор, как ящерица растворился в темноте. Двое на опушке пошарили лучом фонарика и снова пошли своим путем. Со стороны, куда удалился егор, раздался громкий стук. Двое опять остановились, сделали несколько шагов в об-

ратном направлении и снова стали шарить лучом фонарика по сторонам. Луча хватало метров на десять, охранники стояли, видимо, не знали что делать. Постояв, они снова пошли, но стук снова остановил их. Было отчетливо слышно, как они на своем языке о чем-то спорили. Потом один остался стоять, а другой бегом бросился в глубь лесопосадок. Через несколько минут над лесом разнесся металлический бой, видно, били по пустому ведру, подвешенному на дереве. В отдалении замелькали огни фонариков, уже пять человек собрались в кружок. Николай с другом притаились, не обнаруживая своего присутствия. Пятеро охранников разбрелись по одному и стали обшаривать местность фонариками. Егор подполз к Николаю, и они тихо перебрались на другую сторону дороги, под тот куст, где совсем недавно лежал Аркадий.

– Эй, ты ишак, выходи, давай самогонку пить будем, – закричал один из охранников, другие пьяно засмеялись.

Егор тоже тихо смеется, ему уже нравится это представление.

– Какой шайтан стучал? Эй, где ты? – не унимается все тот же голос.

Егор беззвучно хохочет, зажимая рот рукой.

– Ага, сегодня вы у нас поспите, ворчит Николай, укладываясь поудобнее.

Когда охранники прошли мимо парней, удалившись на приличное расстояние, Николай шепнул.

– Пора Егор! – и стук камней раздался в тишине ночи.

Охранники остановились, вероятно, им показалось, что стучат в глубине лесополосы, а это уже катастрофа, если хозяин узнает, что кто-то побывал в лесополосе, им не сносить головы. Они бросились обратно, падая и поднимаясь, изо всех сил они бежали обратно. Один показывал в глубь лесопосадок, другой в темноту ночи в районе дороги. Мнения разделились.

Кажется, ничего смешного в этом не было, но парни под кустом захлебывались от беззвучного смеха.

– Что черти черножопые, ожирели здесь на таежном курорте, – шепчет сквозь смех Егор. – То ли еще будет, мы вас заставим лезгинку танцевать.

Охранники, достигнув края дороги, в изнеможении опустились на траву, а парни, перебежав дорогу, заняли прежнее место. И снова стук камней разнесся над лесом. Одни еще лежали в траве, другие повскакивали и снова лучи фонариков замечались по опушке. Потом, видно вспомнив, что они вооружены, над лесом прозвучали два ружейных выстрела. Стреляли во тьму, наугад, не причиняя вреда разрушителям спокойствия. Когда выстрелы смолкли, снова раздался стук в ночи.

– Да, что это такое? Эй, шайтан, выходи, я тебя убивать буду!

– Маму свою убей, что ублюдка родила! – не выдержав, закричал Егор.

– Бежим, они на голос стрелять будут! – шепнул Николай и потащил товарища в сторону. Сделав с десятков шагов, они упали в какую-то канаву. Сзади застучала по земле карточка.

– Ползи Егор быстрее, это уже не шутки.

Парни поползли по канаве, стараясь, как можно дальше удалиться от того места, по которому стреляли.

– Тьфу ты, в какую-то дрянь залез, – выругался Егор. – И что это все хорошее мне достается? Кажется какие-то потроха.

– Два дня назад у соседки Аркадия телка потерялась. Наверняка эти абреки шашлыками балуются. Тихо, кажется, кто-то скачет.

Послышался топот конских копыт со стороны поселка. Луна вышла из-за туч, ребята поняли, как вовремя они удалились от лесополосы. На дороге появился всадник, он спешил, нахлестывая по бокам бедную лошадь. Охранники тоже заметили всадника, лучи фонариков сгруппировались возле дороги.

– Какого хрена вы тут открыли стрельбу? Что случилось, перепились?

Сомнений не было, это кричал Федор. Он, не покидая седла, крыл матом охранников. Конь приплясывал под седлом, не стоял на месте.

– Кто-то ходит здесь начальник, – заговорил один из охранников. – То здесь стучит, то там стучит, мы маленько стреляли, маленько пугали. Мы свое дело знаем начальник.

А над поселком небо стало светлеть. Николай все тревожнее стал поглядывать в сторону поселка. Зарозовели верхушки деревьев за рекой, в деревне что-то горело.

– Егор посмотри, тебе не кажется, что там пожар?

– Пошли, а то совсем светло будет, – выругался Егор, – потом не уйдем, пристрелят, как куропаток. А в поселке действительно что-то горит.

Пламя над поселком заметили и охранники, указывая Федору, они закричали.

– Смотри начальник, твоя деревня горит! Надо ехать пожар тушить.

– Никуда не надо ехать. Ваше дело охранять здесь, а там и без вас, что надо сгорит. Ладно, смотрите тут у меня, чтобы мышь в дяляну не проскочила, а то голову сниму, свиное рыло.

Николай с Егором прямо, не разбирая дороги, бегут к поселку, и чем ближе они приближаются, тем яснее, с ужасом понимают, в чей дом постучалась беда.

Екатерина с Зинкой Селезневой отплясывают не вечерке. Надька отказалась идти с девчонками, сославшись на головную боль. Но Екатерину не проведешь, знала, что Надька не захотела идти без Аркадия. Она не осуждала подругу, понимала и немного завидовала любви двух приятных для нее людей. Танцевали в паре с Зинкой, не позволяя парням, разбить их пару, к тому же Зина отлично вела за кавалера. Как обычно было много подвыпивших парней, так зачем дышать перегаром пьяного партнера, не лучше ли танцевать с подругой? Екатерина была, как никогда, весела, и они часто беспричинно смеялись. Вечерка затянулась за полночь, а когда стали расходиться к девчонкам

привязались два подвыпивших парня. Не зная, как отбиться от назойливых кавалеров, Екатерина согласилась на предложение Зинки зайти к ней.

– Посидим, потом я тебя провожу, а можешь у меня заночевать, – смеется Зинка, обнимая подругу.

– Нет, Зина, ночевать не могу, Надя будет беспокоиться.

Девчонки зашли в ограду, и Зинка повела ее к амбару. Открыв дверь, она чиркнула спичкой и запалила лампу. Огонь освятил кровать в углу амбара, застланную одеялом, из многочисленных, разноцветных лоскутков, рядом тумбочка, на ней кружка молока накрытая ломтем хлеба.

– Маманька беспокоится, как бы дочка не похудела, – смеется Зинка.

– Пока маманька, а выйдешь замуж, муж будет по утрам кофе в постель подносить.

– За кого здесь выходить, одни пьяницы. А у тебя Катя в городе есть вздыхатель?

– Я об этом не думаю, учиться надо, – как-то слишком уж равнодушно ответила Катя.

– Не надо Катюха, мне мозги пудрить. На такую красавицу, да чтобы парни не заглядывались.

– Хватит Зинка, – краснеет Екатерина, – ну, есть один, ходит за мной, как лунатик, а подойти боится.

– А ты сама прояви инициативу, или он такой малохолерный, что и внимания твоего не стоит?

– Он секретарь комсомольской организации, ему некогда глупостями заниматься, – грустно пошептала Катя.

– Но ведь комсомол, кажется, разогнали. Что ты мелешь подруга?

– Комсомол разогнали, но его никто не переизбирал и обязанностей с себя он не снимает. Вот такой он парень.

– Дурак какой-то, у него что, крыша протекает?

– Ничего у него не протекает. Просто он лидер в школе и все его уважают, а вот ко мне подойти боится.

– Бери козла за рога Катюха! Возьми и напиши ему записку, дескать, люблю, жду, умираю.

– Дура ты Зинка! – весело хохочет Катя, упав на кровать, Зина тоже с визгом валится рядом.

С улицы доносятся какие-то крики, кто-то пробежал мимо амбара, хлопают двери домов, калитки. Сильный стук в дверь амбара, поднимает девчонок с кровати.

– Зина, не спишь? вставай дочка, пожар в деревне! – кричит мать.

Девчонки мигом выскакивают не улицу, по которой с ведрами уже бегут люди. Пламя извивается над соседней улицей, у Екатерины не хорошо заняло в груди. Она обогнала Зину, и первая выбежала на прибрежную улицу. Сердце готово было остановиться, она не могла ни бежать, ни кричать, опершись на чей-то плетень, она с ужасом смотрит, как над ее домом гуляет огненный смерч. Ей что-то кричит Зинка, но она не воспринимает что. Какая-то, до боли важная мысль, бьется в подсознании, но Катя не может понять, не может вспомнить что-то очень важное. И вдруг все встало на свое место: Надька, как там Надька? Где она? Ведь она должна была уже спать. Не разбирая дороги, не понимая, о чем кричит Зинка, она бросилась бежать к пылающему дому.

Сухой, простоявший больше сотни лет, дом пылал, как огромный костер, сотни искр, с треском летящие головни, а пламя огромными языками, казалось, лижет небесный свод. Народ бежит вокруг пожарища, не зная, как подступиться к этому немислимому костру. Кто-то ведрами носит воду, поливая пустые глазницы окон. Но все это напрасные потуги, жар не дает подойти ближе. Люди начинают понимать, что надо спасать близстоящие строения, из которых уже выносятся вещи. Нашелся кто-то из мужиков, кто начал наводить порядок в этом сумасшествии. Люди встали от реки цепочкой и стали передавать ведра с водой. Несколько мужиков забрались на крышу ближайшего к пожару дома и стали поливать крышу водой, но вода мгновенно испарялась. Новая порция лилась на крышу, стекая по стенам.

Екатерина, казалось, сошла с ума, она бежит вокруг горящего дома и кричит, обшаривая глазами людей.

– Надя! Надя, но где же ты Надя!

Надьки нигде не было, были опрошены все, кто первым прибежал на пожарище, девушку никто не видел. Неужели девчонка осталась там, в этом огненном аду? Люди не хотели в это верить, но все говорило о самом страшном. Вдруг с треском провалилась крыша, и рой искр поднялся в небо, кажется, и душа Надьки устремилась туда с этим фейерверком. Екатерина возле плетня сползла на землю и горько разрыдалась. Она вдруг поняла, что Надьки больше нет, и никогда не будет этой веселой, шепутной девчонки, которая еще утром жила, радовалась жизни, не зная, что ждет ее вечером.

Чьи-то сильные руки взяли ее за плечи и приподняли над землей. Сквозь слезы, сквозь горькие страшные думы Катя сообразила, что перед ней Николай.

– Надька там, – чуть слышно прошептала Катя, теряя сознание.

Николай отнес Катю в сторону, снял с себя куртку и бережно уложил девушку на нее. Потом выхватил у пробегающего мимо парня ведро с водой и стал брызгать на Катю, похлопывая девушку по щекам. Она зашевелилась и открыла глаза.

– Вот и хорошо Катюша. Успокойся, что теперь сделаешь? Надо пережить и это ужасное горе. Отец еще не вернулся?

– Ничего я не знаю Коля, где Надя не знаю, как, это все, загорелось, не знаю, почему сама не осталась дома, не знаю.

К ним подбежала Зинка, лицо ее было в саже, кофточка и руки в саже, по щекам бежали черные от сажи слезы. Наклонившись над Екатериной, она стала гладить грязными руками голову и щеки подруги. Сколько не поддельной ласки и сочувствия было в виноватых глазах Зинки. Катя прижалась к груди девчонки, спрятала лицо, чтобы не видеть этого ужаса, и тихо рыдала.

– Сидите здесь девчата, постарайтесь не лезть близко к огню, – бросил Николай и убежал помогать в тушении.

Егора он увидел возле самого дома, тот работал багром, стараясь разбрасывать венцы сруба. Но дом был собран на совесть, бревна скреплены шпунтами и не поддавались разборке. Николай вырвал жердину с соседнего плетня и стал с угла приподнимать бревна, раздвигая угловой замок, а Егор багром тянул бревна на себя. Работа пошла живее, бревна падали с глухим стуком, поднимая тучи сажки. Сколькo продолжалось это утомительное разрушение, никто не скажет, но огонь стал стихать. Стены были разобраны, догорали полы и перегородки. Люди, убедившись, что соседним домам, огонь уже не угрожает, весь водный поток, из ведер, направили на догорающие останки дома Петра Сергеевича. Огонь еще шипел, отплевывался клубами пара, но постепенно отступал. Когда последние языки пламени спрятались под пеплом, люди вдруг увидели, что наступило раннее утро. Робкий рассвет вставал над тайгой, над рекой, над усталыми, грязными людьми. Многие уже стали расходиться, но некоторые все еще носили воду, поливая горячий пепел. Страшный день вставал для погорельцев.

Аркадий влетел в дом, распахнув двери ногой, он со страхом и надеждой переводит взгляд по лицам друзей. Он боится поверить в самое страшное. Парни знают, кого он ищет и боится не найти, они виновато опускают глаза. Как сказать ему, как ударить самой страшной вестью? Аркадий подошел к постели, где лежит Екатерина уже уставшая плакать, с красными от слез глазами, с растрепанными, грязными от сажки, волосами. Глядя на Аркадия, полными горя глазами, она прошептала.

– Прости Аркаша, что я осталась жить, прости.

– Как это могло случиться? – сквозь ком сдавивший горло, прохрипел Аркадий и, не дожидаясь ответа, сполз на пол возле кровати, сжав виски ладонями.

– Пожар вспыхнул поздно вечером, – заговорил Николай.

– Когда сбежался народ, весь дом уже был в огне... Надя осталась там.

Аркадий сидит, уткнувшись лицом в колени, спина нервно вздрагивает, парень плачет. Впервые горько, безутешно

плачет Аркадий, слишком больно ударила судьба. Первая, светлая любовь, что обещала море счастья, обернулась таким не посильным для человека горем. Парни молчат, что они могут сказать, как утешить этого большого сильного человека.

Аркадий встал, обвел всех пустым полу диким взглядом и вышел из дома. Куда он пошел в поле, в лес, или на пепелище, никто не знал, да и сам Аркадий едва ли знал, куда он идет. Наверно, парень убегал от горя, от воспоминаний, от себя, еще не осознавая, что от этой боли не убежать, она всегда будет в душе, как кровоточащая рана.

Николай налил стакан воды и подал Екатерине.

– Попей Катюша, может, уснешь, мы выйдем.

– Нет! Не оставляйте меня ребята, посидите, одной будет хуже. Боже отец еще ничего не знает. Какое горе! – Она опять заплакала. Размазывая сажу по лицу.

– Надо собраться Катя, скоро придет отец, надо его подержать. Он уже не молодой для такого удара.

– Но я не могу Коля! Я не могу!

– Можешь Катя, можешь! Ты должна быть сильной. Встань, умойся, посмотри на себя. – Сняв со стены зеркало, Николай протянул его Екатерине.

– Коля не будь таким жестоким, – вмешался Егор.

– Тебе тоже не мешает умыться. В бане есть теплая вода, иди и приведи себя в порядок.

– Я бы сейчас поспал, – возразил Егор, направляясь к двери.

– У всех ночь без сна, но прежде приведи себя в порядок. – жестко отрубил Николай.

В ту ночь, когда горел дом Петра Сергеевича, дочь Федора Ракова, родила девочку. Роды прошли легко, без особых осложнений на свет появилась жительница таежного поселка. Роза не могла нарадоваться на свою кровинушку, а Федор, прискакавший откуда-то, соскочив с коня, даже не подошел к лежащей в постели дочери. Он прошел в свою комнату, махнув жене, чтобы следовала за ним.

– Кого там Розка родила?

- Дочка, славная такая девочка.
- Родить и то не можете. Внук мне нужен, а этих мокрух, и ты мне больше чем надо натаскала. .
- Ужинать будешь Федя? Ты на пожаре был или по делам куда ездил?
- По делам, по делам...Ты вот что, если кто будет интересоваться обо мне, скажи, что с вечера пьяный сплю.
- Люди же видели тебя на коне.
- Скажи, что возле дома с коня свалился. А теперь неси ужин, да бутылку не забудь.

Не успел Федор, как следует закусить, за окном раздался топот копыт. Федор поднялся из-за стола и вышел на крыльцо. Возле плетня гарцевал на коне молодой парень из окружения Алтханова.

- Слушай начальник, Арсен Джаманович сказал, чтобы ты утром к нему приехал.

- Хорошо буду. Как там у вас, все спокойно?

- Спокойно начальник. Ладно, я поехал, – конь с места взял рысью и скоро скрылся в темноте.

А над поселком ярко горит зарево, слышатся крики людей, лай растревоженных собак. Федор постоял на крыльце, прислушиваясь к тревожным звукам ночи, и пошел в дом. Это был не его пожар, не его горе, он жил в другом измерении.

Утром в поселке появился Петр Сергеевич. Еще при входе в поселок ему рассказали, встретившиеся жительницы, что выгоняли коров на пастбище, о случившемся несчастье. Он долго стоял у пепелища, потом взял палку и стал ею разгребать еще горячий пепел, как будто надеясь, что-то найти из прошлой жизни. Пошарив по пепелищу, он обошел вокруг своей бывшей избы, внимательно осмотрел дорогу, даже присел, и поковырял палкой грязь. Что искал там старый охотник? Потом, что-то проговорил на своем птичьем языке, и пошел прочь, не оглядываясь, только, кажется, спина еще больше согнулась под тяжестью непосильной ноши.

Ребята спали, дверь была распахнута настежь, но все равно в горнице душно. Петр Сергеевич тихо прошел в

передний угол и сел за стол, где должна быть божница. Он положил голову на сплетенные руки, и затих. Проклятая жизнь, как была она старого охотника. Он вспомнил полу голодное кочевое детство, тифозных вшей, что сожрали родителей, подзатыльники на чужих дворах, где приходилось работать, за кусок хлеба. Сколько их было этих подзатыльников? Не успело закончиться детство, недели на Петра солдатскую шинель, и пять с лишним лет: «Встать-лечь». Много. Ох, как много, дорогих сердцу друзей легли, чтобы никогда не встать.

Пожалела жизнь, или куражилась над солдатом, оставив живым после страшной мясорубки. Вернулся домой офицер-разведчик, вернулся для жизни, для счастья, и впервые почувствовал, что счастье, оказывается, есть на этой земле. Арина, разлюбезная Арина наполнила теплом и солнцем сердце Петра. Хорошая семья сложилась у молодых влюбленных, а там и Катюшка обрадовала пронзительным детским криком. Сколько раз соскакивал он по ночам к захныкавшей со сна дочке и никогда не жалел о не доспанных часах. Ведь эти часы были отданы для самого дорогого человека, лучшей частичке существа своего. Росла, расцвела Катюшка, радуя счастливых родителей, и, казалось, что этой реке счастья не будет конца.

Но видно судьба рассудила по-своему, посчитала, что слишком много счастья за окном этого дома, и ударила совсем неожиданно, когда ждали прибавление в семье, когда были готовы принять новую жизнь в свои объятия. Ушла Арина, и жизнь померкла для Петра, казалось, он потерял все, и запил старый охотник, по черному запил, позабыв, что у него есть дочь.

Наверно совсем сгинул бы мужик, но постучалась в его дверь такая же поломанная жизнью душа, и понял охотник, что только он может помочь этой битой жизнью девчонке. Как больной выбирается из когтей недуга, так и Петр Сергеевич возвращался к жизни. Зима, тайга, промысел – все вливалось в больной организм новые силы, и снова жизнь

обретала свое первоначальное значение. Как река, входила в свои берега жизнь в старом доме охотника.

И вот опять все рухнуло, пламя пожара уничтожило дом, нехитрый скорбь, а главное поглотило Надю. Хорошая, чистая девчонка, которая стала второй дочерью, так прикипела к сердцу, так естественно вошла в их с Катей семью, что даже думать о потере было невыносимо.

Но надо жить Петр Сергеевич, надо бороться, тем более теперь, когда известно, что уголовщина протянула свои лапы к твоему поселку, к твоей тайге, к судьбе людей, которые стали тебе близкими. Еще какие-то мысли витают в голове усталого человека, но сознание уже отключается. Спи Петр Сергеевич, спи хороший человек, завтра новый, тяжелый день.

Аркадий вернулся под вечер с потухшим, равнодушным взглядом, весь какой-то мятый и совершенно потерянный. Первый раз в своей короткой жизни он узнал, как больно может ударить судьба. Аркадий был пьян, но дурман алкоголя не притупил боли.

Петр Сергеевич колот дрова, тяжелые откомлевки с трудом поддавались колуну старого охотника, но он снова и снова бил не поддающиеся чурки. Казалось, всю злость, всю боль, что терзала его, он вкладывал в эти удары колуна, и в этой работе находил малую толику успокоения. Хотя, какое к черту успокоение может быть, когда сердце обливается кровью.

Аркадий молча сел на одну из чурок и тупо смотрит, как откомлевка мучает старика.

– Пьешь! – Зло бросил Петр Сергеевич, – нашел время раскисать, мальчишка!

– Но ведь Надя,... как это пережить?

– Ты мужик или тряпка? Да, они только этого и добиваются, чтобы мы раскисли.

Охотник отбросил в сторону топор и сел рядом с Аркадием. С ним было страшно встречаться взглядом, глаза, словно буравили насквозь, в них было столько злости, словно, все на кого он смотрел, были виноваты в его горе.

– Ну, вот что парень, иди помойся холодной водой, что-бы через пол часа был, как огурчик. Поднимай парней, если еще спят, будем думать, что делать дальше.

Аркадий ушел в дом, через минуту с полотенцем на шее, он уже направился к речке, а Петр Сергеевич, снова начал мучить откомвлевку.

Когда охотник вошел в дом, ребята сидели за столом. Напряженная тишина, как будто собрались не знакомые люди, которым не о чем говорить. Петр Сергеевич взял табурет и сел в стороне, возле окна, изредка поглядывая на улицу. Помолчали.

– Тяжело ребята, – тихо заговорил охотник, – но мне еще тяжелее. Эти сволочи ударили первыми и надо держать удар, как бы не было тяжело. Я вчера осмотрел пепелище, на дороге, возле дома, девчонки выливали помои, и там, в ямке, иногда, подолгу стоит вода. Вот в этой ямке отпечатался, а потом засох, ведь температура от пожарища была приличная, отпечаток протектора автомашины. Откуда взялась машина возле нашего дома? Ведь в наш край машины никогда не заходили, да и что им делать в нашем краю? Они приходят в основном до магазина. Вывод один – мой дом подожгли, и подожгли люди из окружения Алтханова.

– Так что мы ждем? Ружья в руки и покрошить всех к ядреной матери! – выскакивает из-за стола Егор, его глаза зло блестят, он готов хоть сейчас взяться за ружье.

– Остынь кипяток, – остудил его Николай. – Что они скрывают в лесополосе Петр Сергеевич?

– Аркадий, ты тоже там был, расскажи, что там видел, потом я поделюсь своими наблюдениями.

– Охрана по четыре человека в каждой палатке. Всего четыре палатки, по одной на каждой стороне поля. Поле, где-то полгектара, засеяно коноплей. Урожай, очень даже не плохой, конопля в рост человека.

– Уверен, что урожай лет на пятнадцать для кого-то потянет. – вставил Егор.

– Не плохо, не плохо, – доставая трубку, заговорил Петр Сергеевич. – Но кое-что ты все же упустил. В первых, там

есть еще одно поле и засеяно оно маком, причем некоторые коробочки уже подрезаны, значит, идет сбор опия, а потом и остальное уйдет на соломку. Вот так ребята, а вы тут предлагаете в ружье, какое ружье, когда они сами себе могилку роют. Во – вторых вы не изволили заметить, что между деревьями натянута маскировочная сетка, чтобы с воздуха защитить посадки от любопытных глаз. Внимательными надо быть ребята! – Поставил последнюю точку фронтовой разведчик.

– Теперь все понятно, – почему-то прошептал Николай.

– Ну, что тебе понятно? – взбеленился Егор.

– Понятно, почему вспыхнул пожар, понятно, почему они были готовы стрелять возле лесополосы.

– И понятно, что надо делать? – задает трудный вопрос Аркадий.

Он уже трезв, по-прежнему, спокоен и рассудителен, только глубокие складки легли возле губ, да глаза горят какой-то жесткой решимостью.

– А раз понятно, послушайте, что я предлагаю. – Петр Сергеевич встал и стал медленно ходить, набивая табаком трубку. – Надо кому-то временно поселиться в леспромхозе и глаз не сводить с этого предпринимателя. Но не вызывать подозрения, мы и так уже наделали достаточно глупостей. – Охотник выразительно посмотрел на Егора.

– Я сделал все что мог, но кто бы подумал, что этот ко-реш, что-то заподозрит, ведь он был прилично пьян.

– Успокойся Егор, если бы тогда Ромашка не побежал к нам, возможно, все бы обошлось. – Николай обнял парня, успокаивая.

– Давайте ближе к делу ребята, – остановил Петр Сергеевич. – Мне, кажется, в леспромхоз надо ехать тебе Аркадий. Как работник лесничества ты можешь быть вхож в администрацию леспромхоза. Походи по полянам, думаю там нарушений выше крыши. Предъяви претензии, пригрози штрафом, закрытием производства. Постарайся, чтобы хозяин приблизил тебя к своей персоне на расстояние бутылки. Такие люди привыкли решать проблемы за столом.

Смотри и слушай, он должен проговориться, должен чем-то выдать себя. Но умоляю тебя, не спугни эту сволочь.

– А вдруг я сорвусь, не смогу улыбаться, я готов его собственными руками...

– Нельзя сынок, надо держаться, надо улыбаться, пить вино, а если будет давать взятку – бери, потом еще на одну статью потянет.

– Ладно, дядя Петя, поеду и постараюсь сделать все, как вы сказали.

– Вот и хорошо, теперь с вами ребятки, – Петр Сергеевич подошел к Егору, который что-то доказывал Николаю, стоя возле окна. – Кому-то из вас надо ехать в город, вернее идти.

Охотник смотрит на Егора, хотя обращается к обоим парням, и Егор понимает, что именно ему, надо собираться в дорогу. Он, конечно, не против поездки, но одному через тайгу, как-то жутковато. Но не показывать же всем своей слабости, тем более, у стола ходит Екатерина, собирая ужин.

– Я как солдат, всегда готов.

– А я другого ответа и не ждал, – грустно улыбнулся

охотник, он, кажется, видел замешательство парня, – дорога одна, никуда не сворачивает, так что заблудиться там невозможно. В райотделе у меня фронтальной товарищ начальником работает, я напишу ему, пусть решает, что делать с этими плантаторами. А мы с Николаем постараемся последить здесь, может, твой кореш на удочку попадет. Чует мое сердце, где-то он здесь, рядом.

– Мужики, давайте ужинать, – Екатерина с большой кастрюлей вышла из кухни.

А мужики молчат, жизнь повернулась совсем неожиданной стороной, и они понимают, что настал самый ответственный момент в их противостоянии с сильным и жестоким врагом. Парни, беззаботные, вчерашние пацаны, были готовы идти до конца, не задумываясь о последствиях.

А последствия оказались самыми неожиданными. Рано утром у особняка Арсена Джамоновича остановилась иномарка с тонированными окнами. Поселок лесорубов еще

спал, когда к Алтханову позвонили в калитку. Загремела цепью собака. Долго никто не выходил, потом раздался кашель, невнятное бормотание, и в калитке открылось не большое окошко.

– Ну, кого еще ишак принес? – Заросшее грязной, полу седой щетиной лицо, нарисовалось в окошке.

– К Арсену от Дьяка, – как пароль прошептал приезжий, и калитка легко, без скрипа открылась.

От крыльца в темно синей пижаме, уже идет хозяин, за-спанный, с похмельным, помятым лицом. Увидев приезже-го, скупой улыбнулся и поднял в приветствии руку.

– Ранний гость, ранний! Какая нужда привела? – Не ла-сково интересуется хозяин.

– Привез гостей, Дьяк просил приютить, – ответил при-езжий. – Жарко становится в городе.

– Жарко говоришь, а у нас, что бархатный сезон дума-ешь? – Он немного помолчал, – Ладно, загоняй машину и проходите в дом.

Из машины вышли двое, украдкой оглянувшись по сто-ронам, они шагнули за калитку. Раскрылись ворота, и ма-шина тоже скрылась от любопытных глаз. И снова на улице тихо, спит поселок, отдыхает перед новым трудовым днем.

– Тебе Дьяк ксиву прислал, – передавая конверт, сделал серьезное лицо приезжий, словно передавал, по меньшей мере, ноту иностранного государства.

Отбросив конверт на угол стола, Алтханов сел на стул, показав рукой присутствующим, последовать его примеру. В руках хозяина появился графин, и добротное вино запле-скалось в хрустальных бокалах. Рука Алтханова заметно дрожит, он поднял бокал и не приглашая присутствующих опракинул содержимое. Отдышавшись, смахнул выступив-ший на лбу пот и проворчал.

– Вам что предлагать надо или ждете, что я тост скажу, пейте. – Он разорвал конверт и достал послание.

Пробежав глазами послание, Алтханов остановил тяже-лый взгляд на двоих приезжих, что тихо сидели возле стола.

– Лес валить умеете?

– Пять лет эту науку постигали, – прошепелявил один со шрамом возле губы.

– Понятно, можно без подробностей. Получите спецовку, сапоги и сегодня же в лес, подальше от любопытных.

– Отдохнуть бы день другой

не мешало, – подал голос второй приезжий.

– У хозяина мало отдыхали? Здесь работать будете и делать то, что вам скажут. А кто начнет воду мутить, этой водой и захлебнется. Давайте еще по бакалу и можете вон в той комнате поспать, рано еще. А вы, – повернулся он к знакомому, что привез новых работников, – пока поселок не проснулся езжайте обратно. Передайте Дьяку, что у меня все в ажуре, договор остается в силе. Мужики разошлись, а хозяин подошел к двери пристроенной за русской печью, отбросил щеколду и по лесенке спустился вниз. Не большая комнатка без претензий на уют с минимальным набором мебели. Стол, два стула и широкая кровать в углу. На кровати лицом к стене спит женщина. Арсен тихо подошел, вытянув шею, старается заглянуть в лицо лежащей, потом, тихо пятясь, удаляется, снова закрыв дверь на щеколду.

Плотный туман укрыл реку, противоположный берег был где-то там, за этой белой, влажной пеленой. Монотонная песня моторной лодки, чуть приглушенная туманной пеленой, приближается к берегу – вотчине леспромхоза. Ткнувшись в берег, моторка глохнет, из посудыны прыгает на берег молодой человек в энцифалитке защитного цвета. Оттолкнув лодку, и махнув на прощанье рукой, Аркадий направляется по взвозу в сторону барачков, что зябнут от утренней прохлады на высоком берегу. Кое-где в окнах уже горят огоньки, поселок просыпается. Где-то гремит трактор, видимо, направляясь на дальние лесосеки. На стук открылась одна из дверей барака, пропуская Аркадия. В лицо пахло ночным застоявшимся теплом. Люська в легком халате, обтянувшем большой живот, взмахнула руками.

– Аркаша, друг наш разлюбезный, да ты как в такую рань до нас добрался?

– Речкой Люся, речкой! Это не Санькин трактор тарактит?

– Санька вон в подушку еще тарактит. Вчера поздно лег, библию до полночи читал. И что он в ней понимает? Я пробовала читать – темная ночь. – Люська хохочет, улыбается и Аркадии, представляя Саньку изучающего премудрости святого писания.

Услышав смех, просыпается хозяин. В одних семейных трусах, взлохмаченный, протирая глаза, он появляется в дверях кухни.

– Над кем смеетесь нехристи? – Протягивая руку Аркадию, интересуется Санька.

– Сначала руки помой потом тyani для приветствия! – упрекает жена.

– Я сегодня не грешил, руки чистые.

– Тьфу, ты срамник, одно на уме, – мужики весело заготовали.

Люська нарезала огурцов, достала сало, выставила, исходящую паром картошку. Санька наскоро умывшись, оделся и пригласил Аркадия к столу.

– Ты, что Аркаша, нужда, какая привела, или по Люське моей соскучился? – Шутит Санька.

– Дела Саня, хочу с бригадой в лесосеку съездить, как там новый хозяин распоряжается посмотреть.

– В своей бригаде мы сами порядок поддерживаем, не первый год работаем, знаем, как лес рубить. А вот в бригаде кавказцев безобразий выше головы, варвары по варварски и работают. – Санька зло выругался.

– Ты ешь, Аркадий плотнее, а то день длинный, где еще поешь, – угощает Люська. – Санькиными байками сыт не будешь.

– Я на деляне в столовую зайду, авось покормят.

– Пей чай Аркадий, да пойдем, время подпирает. На вечер Люся рыбки пожарь. Ты Аркаша у нас заночуешь?

– Если не выгонишь, я дня на три рассчитываю задержаться. Надо порядок наводить в делянax.

– Обижает Аркаша, живи хоть месяц, места хватит. Допивай чай, да пошли, машины ждать не будут.

Вечером Аркадий зашел в контору, перемазанный, пахнущий тайгой и дымом. Он ввалился в кабинет Алтханова, когда тот разбирал какие-то бумаги со стариком бухгалтером.

– Я старый, но не слепой, – горячится бухгалтер, – и я ответственно утверждаю, что сводки по лесозаготовке занижены. На нижнем складе много не учтенной древесины.

– Знаю, Васильевич, но разве я виноват, что налоговое законодательство душит инициативу предпринимателей. Если мы сейчас реализуем всю древесину, мы вылетим в трубу. Вот и приходится придерживать сбыт, никакого криминала в этом нет.

– Я привык работать честно Арсен Джамонович, – горячится бухгалтер.

Увидев вошедшего Аркадия, Арсен вышел из-за стола, и протянул руку.

– Еще один контролер на мою голову. Привет лесничеству! Проходи дорогой, мы гостям рады.

Взяв Аркадия под локоть, он подвел его к дивану, усадил и сам примостился рядом. Бухгалтер, собрав бумаги, вышел из кабинета.

– Настырный старик, но все, что он говорит, я и сам знаю, а что делать. Техника старая, надо менять, но все упирается в финансирование, налоги высасывают все, прибыли никакой. Вот ты, вижу, тоже ко мне с претензией. Так ведь?

– Так Арсен Джамонович, вот составил акт на нарушение лесозаготовок. Деляна захлавлена, парубка выборочная, берется только строевой лес. Хлысты кряжуются по варварски отбрасывается по полхлыста, выпиливается только середина дерева, а комель и вершинник отбрасывается. Пни остаются до сорока сантиметров высотой, сучья не сжигаются. Я был вынужден составить акт, и временно, пока не наведете порядок, остановил лесозаготовку. Если вопреки запрету будете продолжать работу, поставлю вопрос об изъятии лицензии и прекращение Аренды.

– Ай-яй-яй, неужели все так плохо? Ну, шакалы, завтра сам поеду в деляну, я с бригадира шкуру сниму, я ему, так доверял, а он меня подвел. Завтра же его выгоню.

Алтханов, кажется, был возмущен не на шутку. Соскочив с дивана, он бегаёт по кабинету, жестикулируя и громко ругаясь. Какая-то женщина заглянула в дверь, но Алтханов так цыкнул на нее, что она тут же исчезла.

– Не надо акта дорогой, завтра я сам наведу порядок. Да, что мы, не люди что ли, неужели нельзя по-хорошему договориться?

Аркадий хорошо понимает, что Алтханов возмущается для отвода глаз, все нарушения в делянах происходят по его непосредственному благославлению. Работнички из бригады кавказцев стараются, как можно больше взять добротной, строевой древесины. Лесовозы везут древесину день и ночь, и сколько ее вывезено, знают только господь Бог и господин Алтханов.

– Хорошо! – Остановил словесный поток Алтханова Арсений, – Три дня на наведение порядка. А там будем смотреть, и принимать меры.

– Спасибо дорогой! Видит Бог, я наведу порядок в своем хозяйстве. Ну, зачем нам ссориться, приходите вечером ко мне, посидим как люди, шашлычок пожарим. Мне чудесного барашка привезли. Приходите, не обижайте старика.

– Ну, какой же вы старик, вы мужчина в самом соку, – скуппо улыбнулся Аркадий.

– Какой там расцвет. Лепестки уже посыпались. Так вы принимаете мое предложение?

– От шашлыков только больные отказываются. Спасибо я приду, если ничто не задержит.

Аркадий взял со стола свой акт и, аккуратно сложив, положил в свой карман. Загадочно улыбнувшись хозяину, он, не прощаясь, вышел из кабинета. Алтханов облегченно вздохнул, достал из сейфа бутылку коньяка и, прямо из горла сделал несколько глотков.

Глава 17

Егор добрался до города, когда уже вечерело. Солнце совсем низко висело над горизонтом, разбрасывая багряные краски заката. Ох, какие закаты в этих северных широтах, какие сочные краски разлиты на пол неба чьей-то щедрой рукой. Ну, как тут не позавидовать птицам, что купаются в этом великолепии.

На высоком берегу расположился знакомый с детства городишка. Здесь встречаются две реки, образуя остров, который облюбовали когда-то отважные землепроходцы. Как давно это было, а город стоит, хороший, уютный город хранит память о первых людях пришедших на эти берега.

Любит Егор возвращаться в родные пенаты. Сколь бы долга ни была разлука, встреча всегда была полна неподдельно радостной. Паром ткнулся в песчаный берег, с толпой пассажиров сошел на берег и Егор, вглядываясь в незнакомые лица. Три года, до поездки на Тунгуску, прожил Егор в большом городе, но родной городишка не стал для парня провинцией. Дорога к дому сестры проходит мимо горотдела милиции, что для парня как раз на руку. Но кроме дежурного, да какой-то девицы, уткнувшихся в телевизионный экран, в отделе никого не оказалось. Не объясняя цели прихода, Егор покидает отдел.

Семья сестры готовилась сесть за стол, когда Егор постучал в дверь. Олег, увидев брата жены, радостно заулыбался, поднимаясь на встречу.

– А вот и студент нарисовался, – подавая руку, шутит Олег. – Здравствуй дорогой, как раз к ужину.

– Я знаю, когда приходит, еще с парома унюхал, что сестра ужин приготовила. Ну, здравствуй сестренка!

– Проходи Егорушка! Как там, в Еловке, наш дом, целый еще или уже на дрова порастащили?

– Стоит дом сестренка, знаешь, я как бы в детстве побывал.

– Мне тоже хочется побывать на Тунгуске, да у Олега отпуск только зимой. Давай к столу, голодный наверно.

Расселись вокруг стола, дружно заработали ложками. Племянник, лет одиннадцати, хитро поглядывает на Егора.

– На рыбалку-то дядя Егор ходил?

– Рыбачил Алешка. У меня на днях такая дура сорвалась, до сих пор мурашки по телу, как вспомню.

– Это хорошо братишка, что сорвалась, а то привел бы в дом эту дуру, – серьезно говорит Анна, но за столом уже раздается дружный хохот.

– Ох, и язык у тебя сестра, сколько помню себя, ты всегда была язвой. Хорошо, когда в доме весело.

Егор переводит разговор на племянника.

– Как учишься Алешка, двоек много?

– Учатся зимой дядя, а сейчас каникулы. Откуда двойкам взяться?

– Логично рассуждаешь племяш, – Егор поворачивается к Олегу. – Послушай Олег, ты не знаешь, где живет начальник милиции?

– Что сдаваться приехал браконьер? – вмешивается сестра. – До утра подождать можешь?

– Лучше бы сегодня поговорить, да удобно ли, все же начальник.

– Сейчас чай допью и пойдем. Он мужик хороший, если дело серьезное можно и домой наведаться.

– Я сам человек серьезный, и дела у меня серьезные. – Важно изрек Егор, и, не выдержав, сам весело смеется.

– Хороший ты у меня братишка, но балабол, каких свет не видел, – шлепает брата по затылку Анна. – Идите, сдавайтесь, может, помилуют.

Сразу за стадионом, на берегу затона, где зимой отдыхают речные суда, стоит не большой аккуратный домик Маркова Константина Васильевича. Весь город знает подполковника милиции. Одни, с настороженным страхом, другие с уважением здороваются, при встрече на улице, с седовласым здоровяком. Всю жизнь прожил Константин

Васильевич в этом городе: с одними он окончил школу, с другими начинал трудиться на судоремонтном заводе, а кое с кем пришлось служить в армии. Вместе призывались в суровые для страны годы, вместе прошли по тяжелым дорогам войны, вместе вернулись, кому суждено было выжить. Вот именно выжит, а где они, с кем вернулся домой солдат, в год Великой победы? Послевоенные годы подобрали мужиков: кто от старых ран догнул на госпитальных койках, кто своей смертью тихо угас без музыки и надгробных речей. Все погодки ушли, остались единицы, да и те закопались в своих семейных гнездах. Встретишь, а поговорить и не о чем.

А Константин Васильевич вот он, еще не стар в свои шестьдесят с хвостиком. От службы не бежит, да и за кресло не держится, давно пора мужику на заслуженный отдых, но видно начальство считает по иному. Ему начальству виднее, значит, на своем месте мужик и об отдыхе думать еще рано. Восемь лет назад родился у Марковых сынишка, поздний, очень поздний получился новорожденный, но зато счастье в дом принес, какого и не ждали супруги. Врачи внятно сказали, что у жены Полины детей быть не может, но это врачи сказали, а природа распорядилась по-своему. Вот и бегают, радуя души родителей, восьмой годик Игорешка – единственный, и самый дорогой человек, на усадьбе Марковых.

Вчера, как поощрение за окончание первого класса, купил отец своему наследнику велосипед. Детский, но на двух колесах, а главное с залиvistым звонком на руле. Детское счастье плещется в глазах сына, а отцовское в доброй ласковой улыбке. Два мужика большой и малый осваивают не легкую технику управления велосипедом. Младший, спрятав страх, оседлал стального коня, а старший, поддерживая агрегат и сына, бежит рядом, обливаясь потом. Скоро два часа, как обучает отец сынишку держаться в седле, и успехи уже заметны, но все же страшно одному, без отцовской поддержки, катится под уклон. А отец хитер, делает вид, что поддерживает велосипед, а

сам давно уже слегка страхует парнишку, радуясь успехам.

– Что мужики, может, хватит людей смешить? – Возле калитки стоит Полина с гордостью и любовью, наблюдая за своими мужиками.

– Маманя, смотри я сам еду, папа отпусти меня, ну разобью коленку, мама подует и все заживет. Убери руки, что ты меня держишь, я сам уже могу.

– Осторожно Игореха! – кричит мать, но сын уже один, еще не уверенно, но все смелее крутит педали.

– Ты все же поддерживай его, а то нос расквасит, – обнимая мужа за пояс, просит Полина.

– Ничего мать, пусть привыкает к самостоятельности, пусть учится преодолевать страх. Ведь это он тебя, увидев, расхрабрился, а то все я за ним бегал. В седле он уже держится и это хорошо.

– Здравствуйте Константин Васильевич! – Двое молодых парней остановились у четы Марковых.

– Здравствуйте ребята! Какая-нибудь нужда? – Он узнал обоих, хотя по службе их пути не пересекались. – Тебя, кажется, Егором зовут? Помню, я у вас в школе выступал, а вот тебя встречал, а как звать, извини, не знаю.

– Олег я, муж Егоровой сестры. У него к вам какое-то дело, а какое не говорит.

– Не говорит, значит, не всем положено знать. Правильно Егор?

– У меня к вам письмо, я заходил в отдел, но вы уже ушли. А дело действительно серьезное.

Константин Васильевич взял свернутый лист бумаги, присел на лавочку возле ворот и развернул послание. Прочитав первые строчки, обратился к жене.

– Забирай сына мать, хватит ему на сегодня, идите в дом, а я с молодежью пообщаюсь.

Лист бумаги опять задрожал в руке Константина Васильевича, он читал не долго, долго думал, и снова читал.

– Значит, жив мой друг Сергеевич? Ай, как хорошо, молодец старик! Как его здоровье, как семья?

– Петр Сергеевич живет, как и все сейчас, беды давят, но он старается не упасть. На днях дом у него спалили, дочь приемная в огне погибла, но он держится и нам молодым раскисать не дает.

– Узнаю друга! Служили мы с ним вместе, но давно уже не встречались. А теперь ты Олег иди, нам надо с твоим родственником поговорить. Пошептаться нам надо парень, – улыбается подполковник.

Олег удивленно смотрит на Егора, пришли вместе, а уходить приходится одному. Но раз сказал начальник милиции, Олегу оставалось только удалиться. Немного отойдя, он оглянулся, Егор сидел рядом с начальником и, что-то рассказывая, сильно жестикулировал руками.

– Постой Егор, если ты будешь так размахивать руками, ты мне глаза выткнешь. Рассказывай толком, откуда взялись и в чем вина этих кавказцев?

– Петр Сергеевич просил передать, что леспромхоз и зверосовхоз захватили в аренду эти пришлые.

– В аренду предприятия берут, а не захватывают, так что, скорее всего, аренда оформлена законно. А кто эти пришлые, я так и не понял.

– Арендатор леспромхоза Алтханов привез с собою бригаду лесозаготовителей, в зверосовхозе поставил своего директора, а в лесопосадках развернул плантацию конопли и мака.

– Стоп, стоп парень, это уже кое-что! Какие люди работают в бригаде, одни кавказцы?

– Кажется, есть и русские, я познакомился с Савосей, так он по – моему, татарин. С приходом этих лесозаготовителей в зверосовхозе произошло три убийства

и один пожар со смертельным исходом.

– Где ты научился так выражать мысли? Ведь ты, кажется, студент, чему вас там учат?

– Я волнуюсь товарищ подполковник.

– Подполковник я в кабинете, а здесь Константин Васильевич. И так парень, завтра в десять ноль – ноль чтобы был у меня в кабинете, будем решать, что делать с вашими пришельцами. Пока отдыхай, особо не распространяйся о ваших делах. Хорошо! Я все понимаю Константин Васильевич. Вот и ладненько. Иди отдыхай.

Ночью Егор спал, как праведник. Сколько не пытали его сестра с Олегом, парень все сводил к шутке. Утром его разбудил племянник. Удобства в квартире сестры находились во дворе и поутру, сбегав в туалет, племянник нырнул к Егору под одеяло. Спросонья, Егор стал вытаскивать племянника из постели, но не тут-то было, он ухватил дядю за шею и, прильнув к нему холодным тельцем, прошептал.

– Дядя Егор, ну пусти погреться бедного племянника. Я без тебя так соскучился.

– Ты откуда такой холодный? Ложись поудобнее, может, еще уснем минут сорок.

– Каких сорок? Тебе уже вставать пора, мамка оладышек напекла, а отец давно на работу ушел. Ты один спишь без задних ног.

– Алешка, ты как с родным дядей разговариваешь?

– Родной дядя может возьмет племянника с собой в деревню? У меня ведь каникулы, а я слоняюсь по городу. Обрыдло все!

– Не могу Алешка, мы там, в маленьком домике, пятеро обитаем, да сейчас еще эти события.

– Какие события дядя?

– Тьфу ты, но что ты ко мне с глупыми вопросами лезешь? Если бы я мог, конечно, взял бы тебя, но пойми, меня самого скоро выгонят. Вот сегодня пойду в милицию, а вернусь оттуда или нет, не знаю.

– Могут арестовать, за что дядя Егор?

– За браконьерство племянник.

– Но ведь та дура, о которой ты рассказывал, сорвалась. За что же тебя арестовывать?

– Какая еще дура, что ты мелешь?

– Ты сам вчера рассказывал, что у тебя большая дура сорвалась

– Совсем ты мне племянник, мозги запудрил. Надо вставать, а то и правда в милицию опоздаю, все камеры бичи позанимают.

– Для тебя дядя, начальник оставит одну похолоднее, – смеется племянник, – ты же с начальником вчера познакомился.

В комнату заходит сестра, увидев Алешку, заворчала.

– Ты уже здесь пострел? Поел, сходил во двор опростался и снова под одеяло. Что ты дяде Егору спать не даешь?

– Со мною в деревню просится, но я не могу сестренка. Взять его с собой, мы сами через пару дней в город возвращаемся.

– Успокойся Егор! Нечего ему в деревне делать. Я сама воды боюсь, хоть на реке выросла, и Алешку от себя не отпущу. Пусть в городе баклуши бьет, но на моих глазах.

Егор наскоро позавтракал, привел себя в порядок, сестра уже погладила брюки, постирала и высушила рубашку и сидит, ожидая похвалы. Егор молча поцеловал ее в щеку и, переодевшись, направился к выходу.

– Тебя на обед ждать, или как?

– Или как сестренка! Я ведь себе не принадлежу, что прикажут, то и приходится выполнять. Поверишь, иногда, по трое суток без пищи, без воды и ничего, даже в весе прибавил. Вот такой коленкор сестренка.

– Ладно, иди коленкор, а то опоздаешь, еще и вправду посадят. Придется передачи носить.

Егор осмотрел себя в зеркале на стене и остался доволен отражением. Среднего роста, волосы отдающие рыжинкой, зачесаны назад, карие глаза чуть-чуть на выкате, курносый, чуть сдобренный веснушками нос. Что ж иди парень, тебя ждут великие дела.

Начальника в кабинете не было, но лейтенант, сидящий за столиком в углу, попросил Егора сесть и немного подождать.

– Константин Васильевич приказал дать вам вот этот альбом. Внимательно посмотрите, может, кого узнаете.

Егор взял альбом, больше похожий на амбарную книгу, и стал листать. На фотографиях, наклеенных в альбоме, мужчины и женщины в фас и профиль. Стриженные и кудрявые, молодые и не очень, но удивительным образом, будто похожие друг на друга. Позже, приглядевшись к этим персонам, Егор понял, что их объединяет, у всех были какие-то пустые глаза, в них не было жизни, словно, живые покойники были запечатлены в свой последний час. Постой, вот этого мужика он знает, но не помнит, где они встречались. Егор не долго рылся в памяти, да, конечно возле магазина в зверосовхозе, этот мужик просил у него прикурить. Мужик приятной наружности, со славянским типом лица, без акцента, но из команды Алтханова. . Перевернув страницу Егор невольно засмеялся: на него нагло смотрели маленькие глазки из-под кустистых бровей, глаза буравчики его кореша Савоси. Вот это встреча, вот это удача.

Егор уже хотел отложить альбом, довольный, что может предъявить подполковнику опознанных, но машинально перевернул страницу, потом следующую. Солидный мужчина с черными волосами, стриженными под бобрик, с красивой, окладистой бородой, смотрит на Егора из-под дорогих очков в тонкой оправе. Умные глаза смотрят строго, но какая-то хитрая смешинка спряталась внутри глаз. Егор не может оторваться от этой фотографии, он готов поклясться, что где-то видел эти глаза, но человек был не знаком. Егор долистал альбом до конца и снова вернулся к поразившей его фотографии. Что же чертовщина, ну откуда эта уверенность, что взгляд этих глаз ему знаком. Он повернул альбом в одну сторону, потом в другую – взгляд умных, хитрых глаз следовал за ним, он не отрываясь смотрел на Егора, словно говори

– Нет, ты меня не знаешь, ты меня не вспомнишь!

Егор повернулся к лейтенанту, что работал за угловым столом.

– Товарищ лейтенант, вы не скажете, кто это такой? Глаза уж больно знакомые.

– Нет, он не может быть вам знаком. Это грузинский князь Аридзе, вор в законе, крупнейший деятель теневого бизнеса. Он сам не грабил, не убивал, но государство понесло колоссальные убытки от деятельности этого князя. Пять лет назад его убили в Женеве, тело выловили из Женевского озера, экспертиза доказала, что это был он, сомнений быть не может.

Лейтенант снова склонился над бумагами, а Егор встретился взглядом с незнакомым ему князем.

– Ну, что вспомнил мальчишка? – смеются глаза из-под дорогой оправы очков.

Егор захлопнул альбом и стал разглядывать кабинет начальника милиции. Ничего особенного, сколько таких кабинетов по учреждениям страны, даже у декана института, где учится Егор, кабинет чем-то похож на этот, правда, немного богаче и помпезнее. Стол начальника милиции совершенно паст, лишь чернильный прибор, да черный телефон, который не разу не позвонил, пока здесь сидит Егор. Дверь открылась, вошел Константин Васильевич в форме подполковника. Егор встал но он махнул рукой и Егор опять опустил на стул. Лейтенант в углу даже не сделал попытки встать. Егор удивился, что подполковник не обратил на это внимания.

– Что Егор осмотрел нашу портретную галерею, знакомых нет?

Егор открыл альбом.

– Вот этот мужчина работает у Алтханова, а вот этого, зовут Савося, он убил Ромашку и у него забрали баллончик с парализующим газом, которым был убит наш друг и одна жительница зверосовхоза.

– А других никого не узнал?

– Они живут и работают в лесу, так что мы с ними пересекались редко, встречи если и были, то случайные и запомнить кого-либо трудно. Да, у Алтханова, наверно,

не все уголовники, некоторые, просто, дешевая рабочая сила.

– Будем проверять Егор! А сейчас, можешь сходить домой, перекусить и отдохнуть. В шестнадцать ноль-ноль вылетаем в зверосовхоз, надо нанести визит господину Алиханову.

Подаренным временем Егор решил распорядиться по-своему, просто пройтись по знакомым местам: где он рос, учился, влюблялся и страдал, где впервые познал цену настоящей дружбы.

Танцевать решил от старой школы. Здесь до революции были солдатские казармы, именно отсюда уходили солдаты, чтобы остаться в истории палачами Ленских золотых приисков. Здесь, в этих казармах, в конце сороковых годов была открыта семилетняя школа, которую позднее окончил Егор и перешел в среднюю школу, что расположена напротив, через дорогу. Он посидел в ограде школы, как много воды утекло, а кажется, только вчера он покинул эти стены. Чертова ностальгия, Егор прошел по улице и спустился к городскому рынку. Здесь, возле ворот рынка, как памятник прошлому, стоит двух этажное здание. Сколько раз по вечерам он приходил к этому дому, квадратики окон на первом этаже, все так же смотрят в мир, но нет уже той девчонки, той занозы, что больно язвила сердце мальчишки. Она теперь сама преподает в одной из школ Кир-Ленска.

Память вывела Егора на набережную названную в честь тех рабочих, которых расстреляли солдаты, что, служили в казармах, превращенных позднее в школу. Вот такие казусы подбрасывает нам жизнь. По высокой набережной, где знаком каждый дом Егор дошел до Дома Культуры имени Чкалова. В этом очаге культуры Ленских речников Егор выходил на сцену в любительском спектакле. Незабываемое, волнующее чувство осталось, как сладкое мгновение в памяти парня.

За рекой высокие белые скалы смотрятся в ленские воды. Сколько раз в страхе замирало сердце. Когда на са-

мом краю бездны стояли они с друзьями, любуясь родным городом, и прекрасными далями, что раскинулись под ногами. Детство, где ты и было ли, может, приснилось счастье, пригрезилось в сладком сне.

Вертолет взлетел с местного аэродрома и взял курс в долину Тунгуски: через тайгу, где еще вчера Егор мерил версты шагами, громкой песней отгоняя невольный страх. Нет, он и сам себе не признается, что страх холодил душу, об этом никто не узнает, а то, что он прошел эту тайгу, эти бесконечные тридцать километров, он никогда не забудет.

Кажется, только взлетели, а вертолет уже начал снижаться на широкую поляну в стороне от зверосовхоза. Молодые, крепкие парни в камуфляже с автоматами и прочими солдатскими прибаутками, стали выпрыгивать из воздушного извозчика. Подполковник Марков что-то объяснил пилоту, пожал руку, и сам вышел на поляну. Вертолет оторвался от земли, накренился при развороте, и скрылся за верхушками деревьев. Некоторое время слышался его рокот, но и он растворился в воздухе.

– Капитан, слушайте приказ! – Это был уже другой человек, Егор не узнавал подполковника Маркова – строгий, собранный человек, которому никто не смеет возразить, в голосе металл, в глазах холодные льдинки. – Вы со взводом остаетесь здесь. Сейчас придут еще несколько человек, примете под свою команду. Ждать, не выдавая присутствия. В нужный момент придет вот этот молодой человек и приведет вас к месту дислокации. Вопросы есть? Нет вопросов! Людей покормить и пока отдыхать.

– Пошли Егор! Если можно, проведи так, чтобы меньше любопытных глаз видели постороннего в вашем поселке.

– Слушаюсь товарищ подполковник!

– Молодей Егор, правильно службу понял, но для тебя я Константин Васильевич. Веди парень.

Второй день Петр Сергеевич с утра работал на пепелище. Собирал уцелевшие доски, отскребал от гари бревна и сортируя складывал в штабеля. Тяжелая, грязная работа

выматывала не столько физически, как морально. Устав, старик просто ходил по пепелищу, разгребая палкой то, чем еще вчера жил, что было заработано тяжким трудом. Ничего не оставила стихия, только старая русская печь одиноко тянет к небу закопченную трубу. Вот здесь в этой большой комнате собирались когда-то за столом всей семьей, здесь принимали гостей. Столешница осталась целой, огонь попортил только ножки стола, а, возможно, они отвалились, когда упала крыша. Петр Сергеевич приподнял ногой и отодвинул в сторону столешницу. Целая, даже не тронутая копотью вилка, ею пользовалась Надежда. Охотник подержал в руке и положил вилку в карман, что-то еще блеснуло в квадрате оставленном столешницей.

Нагнувшись, Петр Сергеевич поднял складной нож, единственное лезвие было открыто, на ручке что-то нацарапано. Петр Сергеевич потер нож рукой, очищая от гари, на рукоятке ясно проступила надпись: «Жора. Г. Братск». В семье охотника такими ножами не пользовались, у парней, вроде бы, тоже не замечал тяги к ношению ножей. Откуда в доме мог появиться этот нож? Задумался Петр Сергеевич, сопоставил отпечатки протектора возле дома и чужой нож, найденный под столом. Крепко задумался старый охотник, все больше укрепляясь в своем убеждении, что пожар не был случайностью или небрежным обращением с огнем. Здесь поработала чья-то грязная рука.

– Что ж Жора, спасибо за автограф, – Петр Сергеевич мрачно смотрит на нож. – Я верну нож хозяину, обязательно верну, мне чужого не надо.

В кустах неподалеку от лесополосы, Николай устроил себе лежбище. Наломал веток, натаскав травы, и удобно устроился с книгой, дыша свежим воздухом, слушая пение птиц. Хорошо почувствовать себя частью этого великолепия. Шумят под ветром травы, и запахи дурманят, над головой в кустах дерутся воробьи, здесь хорошо уснуть или хотя б на миг забыться. Но нельзя Николай, кровью и потом пахнет это великолепие. Дорога пустынна, лишь ветер гоняет пыль дорожную, да сухие, до времени, от-

мершие листья. Начал читать книгу Николай, но мысли перекинулись на последние события. Тревожно за Егора, как он добрался до города, на дороге среди дикой тайги может случиться всякое. Николай видел, что друг уходил не в лучшем настроении, немного трусил мальчишка, а признаться боялся, гордость не позволяла.

И Аркадий тоже хорош, уже двое суток, как ушел в лес-спромхоз, а сообщить о себе не удосужился. Ох, не спокойно на душе. И Катя ходит с красными глазами, а старается улыбаться и его отвлекает от дурных мыслей. Славная девчонка, и как среди дикой тайги могло родиться такое чудо. Николай теряется перед этой девчонкой и больше-старается молчать, чтобы не брякнуть какую-нибудь глупость.

А Петр Сергеевич держится великолепно, почернел весь от горя, старается больше работать, но не раскисает. При встрече с Федором Раковым вежливо здоровается, поддерживает разговор о совхозных делах, но Николай-то видит, как кипит от злобы старый охотник.

Размышления Николая прерывает странный скрип и скрежет металла, доносящийся от дороги. Приподняв голову, Николай видит клубы пыли, приближающиеся со стороны поселка. А вот и нарушитель тишины – велосипедист, на старом, разбитом агрегате, пылит по дороге. Проводив его взглядом, Николай снова ложится и пытается почитать. Через несколько строк, буквы начинают расползаться, глаза слипаются и книга падает из рук. Прерывает дрему все та же разбитая машина на двух колесах, что когда-то звалась велосипедом. Путник уже проехал, а Николай удивленно смотрит ему вслед. Это уже другой человек: маленький рост, широкие плечи, кривые ноги с трудом крутят педали, гоня велосипед на не большой пригорок. Что-то знакомое в этой полу согнутой спине.

– Так-так, вот и объявился голубчик, – вспомнил Николай. – Что же получается, Савося спокойно живет в

лесопосадках, значит, он для чего-то нужен, если до сих пор держат его возле поселка.

Сна, как не бывало. Да, видно расшевелили муравейник. Но, что они замышляют? Николай решил, что пора сниматься с этой лежки, нужно посоветоваться с Петром Сергеевичем. Он уже был готов покинуть кусты, когда на дороге раздался скрип телеги. К лесопосадкам направлялась лошадь, запряженная в телегу, в которой сидели и лежали четыре человека.

– Зашевелился муравейник, – ворчит парень. – С чем вернется Егор? Не упустить бы этих работничков лесной промышленности.

– Послушай Сань, можешь оказать мне услугу?

Аркадий, полу обняв друга, усадил его на бревно, что были соштабелеваны на берегу реки. Возле реки было прохладно, Аркадий уже пожалел, что привел друга для разговора именно сюда.

– Про какую услугу разговор? – Санька достал сигареты. – Если денег занять, так у нас третий месяц зарплату задерживают.

– Нет Санек, деньги мне не нужны. У тебя есть хорошие друзья в леспромхозе?

– Как у любого нормального человека. Разве в этой жизни проживешь без хороших друзей?

– Хорошо, а теперь скажи, можно в вашем леспромхозе создать бригаду содействия лесничеству? Ну, как бригадмил когда-то?

Санька удивленно уставился на Аркадия, соображая, шутит тот или говорит серьезно.

– Что уставился, или мои слова до тебя не доходят?

– Я пол жизни в лесу проработал, а о таких бригадах не слышал, – засмеялся Санька. – А платить, кто будет?

– Когда просят друзья, мне кажется, разговор о деньгах неуместен.

– Неуместен говоришь? – Санька соскочил с бревна. – Люди гнут горб, выматываются на работе, а ты предлагаешь, чтобы они еще в какую-то бригаду ходили. Да, в

былые времена за это удовольствие дни к отпуску добавляли и то, чуть не силой, в бригаду загоняли.

– Я никого загонять не собираюсь! – Вспылил Аркадий, – попросил о помощи, а ты сразу о деньгах. Хорошо, я отдам свою зарплату, правда, она очень скромная.

– Ну и дурак! Объясни, для чего тебе эта бригада? Мужики считают, что лесники и так хреном груши околачивают. Работы-то вашей не видно.

Аркадий подошел к кромке берега, окунул ладони в речку и похлопал себя по щекам. Сильно волновался парень, а вечер и так был не по – летнему прохладен. Вернувшись к Саньке, который снова оседлал бревно, Аркадий помолчал, как бы решаясь на что-то и, боясь ошибиться.

– Понимаешь, Саня, это не моя тайна, тебе я, пожалуй, должен рассказать, но если еще кто узнает, будет много бед, – Аркадий снова замолчал.

– Если не доверяешь, не говори, а если скажешь, то поверь, что чужие тайны я хранить умею.

Аркадий какое-то время молчал, словно не слышал Санькиных слов, потом присел рядом на бревно.

– Помнишь, у нас в зверосовхозе убили парня практиканта?

– Но, ведь он сам умер, – перебил Санька.

– Не перебивай. Потом погибла Матрена, потом Ромашку зарезали, а три дня назад Надежда погибла – самый дорогой для меня человек. Вот и скажи мне, все это случайность? Почему эти случайности стали происходить после того, как в поселке появились эти друзья Алтханова? – Некоторое время друзья молчат. – Я рассчитывал, что могу положиться на друга, а ты сразу про деньги. Деньги платит Алтханов, а я могу заплатить только верной дружбой. Ладно, на нет, и суда нет, пошли ужинать, а то Люся, наверно, заждалась.

– Постой, что ты в бутылку лезешь? – Санька придержал Аркадия за рукав. – Допустим, я поговорю с тремя верными ребятами, но что мы можем сделать? Их в бри-

гаде около двух десятков, да у вас в лесополосе человек десять.

– И, возможно, некоторые вооружены, – добавил Аркадий.

– Вот видишь, и что мы можем?

– Пока мне нужно чтобы была группа людей, которым я могу доверять. Чтобы в нужный момент я мог на них положиться. Пока ничего делать не надо, чтобы не спугнуть мерзавцев. Если можно, то и друзьям пока лишнего говорить не надо.

– Но объяснить-то надо, люди должны знать, куда их втягивают.

– Люди должны знать, что надо понаблюдать за пришлыми, но аккуратно, чтобы не спугнуть раньше времени.

– Заметано, Аркадий, что смогу, сделаю.

– Пошли ужинать, – поднялся Аркадий, – у меня живот подвело, да и Люся нас, наверное, потеряла. Ее в наш разговор посвящать не обязательно. Зачем волновать женщину? Вся эта заварушка через недельку должна закончится, еще меня благодарить будешь, что привлек тебя.

Вдруг Аркадий зло выматерился.

– Сегодня меня Алтханов на шашлыки приглашал, а я с тобой здесь лясы точу. Ничего мне Люсины разносолы больше нравятся, умеет твоя жена приготовить. Счастливый ты Санька, – и снова тень печали легла на лицо Аркадия.

А на крыльце стоит Люся, выглядывая своих мужиков.

Раздвигая кусты, обходя завалы, Аркадий больше часа меряет шагами лесную деляну кавказцев. Рабочие обедают в вагончике, что виднеется между деревьями. Подобного безобразия не видел Аркадий за все время своей работы в лесной отрасли. Неубранные сучья устилают деляну, пни в полметра высотой, откомлевки и вершинник, как никому не нужный хлам валяются вдоль волока, тракторами помяты кусты и мелкий лесной подрост.

Аркадий понимал, что все его акты на нарушения, для Алтханова пустая бумага. В городе у этого предпринимателя есть высокие заступники, а здесь в тайге, это не бригада лесозаготовителей, а настоящая банда бывших уголовников, готовая к любому повороту событий. Так что прикрыть производство, он бессилен. Ждать, надо ждать, с чем вернется Егор из города. После пожара события в поселке завернулись в тугую, жесткую спираль, и кто знает, по кому ударит, разматываясь, эта спираль.

Достав лист бумаги, Аркадий присел на пенек, чтобы составить очередной акт о нарушениях. Эту простенькую, дешевую авторучку подарила ему Надя. Господи, всего три дня, как не стало его дорогой Надежды, как много горя и боли вместили эти три дня.

Аркадий не слышал, как неподалеку заработала пила, а может, просто не обратил внимания, ведь после обеда вальщики могли выйти на работу пораньше. Вдруг, со свистом, рассекая воздух, ломая сучья, на Аркадия рухнула огромная сосна. Лесник упал возле пня, на котором только что сидел, сучья больно ударили по ногам, но голова и туловище остались невредимыми. И сразу в лесу стало тихо, только легкий ветерок шумит в кронах, а может, это шумит в ушах, да где-то поет лесная птаха.

Аркадий полежал некоторое время, приходя в себя, потом попробовал приподнять одну ногу, получилось, ощупал и согнул в колене другую, вроде, работает. Парень встал, сделал несколько шагов и только тогда понял, что Бог на свете есть. Да, только сейчас, вот здесь судьба улыбнулась ему, отвела от него чуть-чуть это огромное дерево, направленное на него чьей-то подлой рукой.

Собрав, выпавшие при падении бумаги, Аркадий направился к вагончику. Мужики после обеда отдыхали, дымя сигаретами. Увидев, входящего в вагончик лесника, все замолчали, только один из кавказцев что-то удивленно сказал на своем птичьем языке, не то, поздоровался, не то, обматерив вошедшего.

– Клава, налей, пожалуйста, чаю, погорячей и покрепче, без сахара.

– Может, пообедаете, борщ мой оцените?

– Спасибо, я как-нибудь в следующий раз, – отхлебывая обжигающий чай, отказался Аркадий.

Мужики, как по команде, стали выходить из вагончика. Один черноглазый с золотыми зубами, и наколкой на тыльной стороне кисти, косясь на Аркадия, склонился к раздаточному окну. Что он сказал поварихе, Аркадий не понял, только услышал, как женщина матом, зло, сверкая глазами, отрезала назойливому кавалеру.

– Как ты с ними работаешь Клава? – улыбнулся уже успокоившийся Аркадий.

– Не работа, а пытка, охальники, каких свет не видел. Да, они меня за человека не считают. Вчера колю дрова, а один вытащил свое безобразие и справляет нужду прямо у меня перед глазами. Поленом запустила, а он ржет кабелина.

– А что держишься за эту работу?

– Двое у меня Аркаша, кормить надо, одевать. Хорошо тебе одному, молодому, ходишь себе по лесу, цветочки нюхаешь.

– Да, Клава, никаких забот, – тихо согласился Аркадий и снова почувствовал, как острая боль сжала грудную клетку.

– Да, успокойтесь вы, ну что раскричались, – Санька с силой воткнул топор в ствол сосны, на котором они сидели. – Ведь вы же ничего толком не поняли, а кричите.

– Почему мы должны за кем-то следить, мы, кажется, уже вышли из того возраста, чтобы играть в войнушку.

Санька прошелся перед друзьями, нервно теребя подбородок. Когда друзья немного успокоились, он тихо заговорил.

– Нет Петро, мы не собираемся играть в войнушку. Я тоже сначала не понимал, но посмотрите сами, что творится в лесу. Мы рвем жилы, заготавливая лес, а получаем в три раза меньше, чем пришлое. Теперь посмотрите, что они

делают с лесом, но дело даже не в этом. Аркадий открыл мне глаза на другие черные делишки друзей Алтханова. Произошло несколько преступлений, в которых замешаны парни из бригады кавказцев. Да и сам, наш уважаемый хозяин, далеко не ангел. А просит нас Аркадий всего лишь о помощи в трудную минуту, просит не дать уйти от ответственности тем, кто топчет закон и плюет на нашу честь и совесть. Что улыбаетесь? Да, я тоже иногда не в ладу с законом, да, и самогонку гоню, и с ружьишком, без лицензии по тайге гуляю.

– За самогонку сейчас не привлекают, а что без лицензии в тайге зверье пугаешь – это на твоей совести, тем более охотник из тебя никакой. Ты лучше объясни, что мы должны делать?

– Вот это Олежка, уже другой разговор, – улыбается Санька. – А что делать, я и сам толком не знаю. Наверно, быть повнимательней к приезжим, все замечать и ничем не выдавать своей заинтересованности. Главное не спугнуть их, а когда нас попросят о помощи, не прятаться за подол жены. Мы ведь все когда-то служили в армии, – Санька засмеялся. – Помните песню: «Солдат, всегда солдат».

Из-за кустов появилась коренастая фигура бригадира. Ребята стали расходиться, Санька поднял капот и склонился над двигателем трактора.

– Что Санек, машина отказала? – интересуется бригадир.

– Да, нет Михеич, просто дал немного остыть двигателю, сейчас нагоню упущенное.

Петр Сергеевич выкурил последнюю трубку перед тем, как лечь спать. Екатерина давно уже в постели, Николай, выйдя на крыльцо, присел на ступеньку. Хороший, тихий вечер, деревня отошла ко сну, только где-то у околицы, колобродит гармошка. На душе было погано, сегодня пробовал поближе сойтись с Екатериной и получил полный отлуп. Одно понял Николай, что уже занято сердце таеж-

ной красавицы, и ничего с этим не поделаешь. Скрипнула калитка, Николай насторожился. Легкой тенью к крыльцу метнулся взволнованный и всегда веселый Егор. .

– Старик уже спит?

– Наверно уже лег. А ты что среди ночи, или дня не хватило? – Николай крепко обнимает друга.

Дверь отворилась, на пороге появляется Петр Сергеевич в длинной ночной рубаше.

– Слышу, с кем-то разговариваешь, а с кем не пойму, – пожимая Егору руку, заговорил охотник.

– Я не один Петр Сергеевич, – Егор громко кашлянул, от калитки отделилась фигура мужчины.

– Здравия желаю. Видно некоторые не узнают старых друзей.

Огромная фигура сгребла в охапку старого охотника, и он весь утонул в крепких объятиях приезжего.

– Костя, это ты? Вот это сюрприз, вот это радость. Да, как же это ночью-то? – Задавал вопросы и не дожидаясь ответа, уже тянул приезжего в дом Петр Сергеевич.

Зашли в дом, и сразу стало тесно в маленькой холупе Аркадия.

– Ну, дай посмотреть на тебя, а ты сдаешь старый разведчик. Помнишь, как языков на горбушке таскал? – оглядывая друга, басит приезжий. – Да, собственно, и я не молодею.

– Годы Костя, годы! Ты вот все воюешь, а я по тайге ша-стаю, не отпускает меня она, видно и умру где-нибудь в таежном зимовье.

– А до меня дошло, что ты тоже не прочь повоевать. Знакомь со своими друзьями.

– Дома только один Николай, знакомьтесь. Еще один сейчас в леспромхозе, там тоже глаз нужен. Ну, а с Егором, я думаю, ты уже познакомился.

– Егора знаю, отличный парнишка.

– Какой еще парнишка, да я скоро институт кончаю, – обиженно бурчит Егор. – Нам с вами Константин Васильевич на дело идти, а вы мальчишка.

– Не бурчи солдат, ведь для меня все сотрудники в горотделе мальчишки, – хлопнул по плечу Егора подполковник. – Что тут у тебя Петр Сергеевич, введи в курс, да покороче.

Уселись за столом, Петр Сергеевич достал лист бумаги и карандаш.

– Вот наш поселок, а здесь дорога на озера, пересекающая участок лесопосадок, сосенки уже метра под три вымахали. Через эти посадки мы ездили на покосы для своей живности, ходили на рыбалку на озера.

– И, как далеко тянутся лесопосадки?

– Километра три, однако, и в ширину около километра. Так вот, весной наше новое руководство поставило охрану возле лесополосы и запретило жителям совать туда нос. . По весне же, случилось несчастье со студентом, проходящим у нас практику.

– Да, я знаю, был на похоронах парня. Из хорошей семьи мальчишка, мы близко знакомы с его отцом. Извини, что перебил.

– Все это, казалось, очень подозрительно, а потом вот товарищи этого парня приехали, и решили мы понаблюдать за этими охранниками. Сначала погибла женщина, характер смерти точно такой же, как у студента, а потом зарезали нашего местного мужика, этого, вообще, как поросенка закололи. В руках у погибшего я нашел вот этот баллончик.

– Возьму на экспертизу, но этих улик маловато мужики. Не отдадут они этого Савосю, скорее всего сами кончат.

– Не торопись Константин Васильевич, ныряли мы с парнями в лесопосадки, и знаешь, что обнаружили: две плантации под камуфляжной сетью – одна маковая, другая конопля.

– Вот это уже серьезнее, – почесал затылок подполковник.

– В леспромхозе работает целая бригада таких плантаторов, и что-то гложет меня сомнение, не беглые ли

это уголовники скрываются под крылом Алтханова, я не удивлюсь, если они вооружены.

– Задал ты мне задачу. А что с пожаром, я слышал, девушка погибла?

Посуровел лицом охотник, встал, прошелся по горнице, вынул из кармана трубку, не раскуривая, сунул в рот.

– Извини, что свежую рану, тревожу, извини друг.

– Вместо дочки была мне Надюха, светлая была девушка, чистая. Вот нашел на пепелище, – протянул охотник перочинный нож. – Чужой нож, у нас таким не пользовались, возле пепелища остался отпечаток протектора, я прикрыл его доской, раньше здесь машины не ходили. О чем это говорит? А о том, что не случайно загорелся дом, вот так-то друг.

– Но, ведь кто-то дирижирует этой гоп-компанией? Если они соберут урожай, его надо куда-то сбыть, значит должен быть выход на город.

– Здесь, в зверосовхозе, охранников опекает директор Раков Федор Викторович. Спаивает охотников с условием, что они отработают долг на лесоповале, а своих людей из лесосечных бригад Алтханов, это уже директор и арендатор предприятий, бросит в лесопосадки для уборки и переработки маково-конопляного урожая.

– Так-так, интересные делишки у вас заварились. А ведь вы молодцы ребяташки! Было бы еще лучше, если бы вы пораньше к нам обратились, может, и жерт бы меньше было. Ну, да что теперь.

Крепко задумался Константин Васильевич, предстояла не простая операция. Надо взять плантаторов тихо, но как одновременно провести аресты здесь и в леспромхозе, он не знал. Если начать аресты здесь, в леспромхозе злоумышленники разбегутся.

– От вас до леспромхоза одна дорога?

– Дорога одна, – не выдержал молчания Егор, – но можно по реке в леспромхоз попасть на моторке.

– В поселке всего три моторных лодки, – вставил охотник, – у Силина Матвея, у меня, и у директора.

– Значит, если выставим пост на дороге, доброжелатель может сообщить об арестах, сплавившись по реке?

– Но ведь моторка может сломаться или внезапно прохудиться. – Заявил Егор.

– Мне кажется Егор, что ты наш потенциальный клиент, – смеется Константин Васильевич.

– Не дождетесь товарищ подполковник. Может, я со временем вас сменю на посту, – горячится Егор.

– Успокойся парень, мне еще долго служить. Значит, на дороге я ставлю пост. Моторную лодку директора ремонтирует Егор. Теперь слушаю, что ты предложишь Петр Сергеевич?

– Сколько у тебя стволов Костя?

– Взвод СОБРа, ребята подготовлены отлично, восемнадцать плюс проводник с собакой.

– Эх, пару прожекторов бы. Помнишь, как в Берлине немцам иллюминацию устроили?

– Обижаешь друг, у нас фонари, как прожекторы.

– Тогда мудрить не будем, – задумавшись, медленно говорит Петр Сергеевич. – Двумя группами по обе стороны дороги подходим бесшумно к лесополосе, ложимся и некоторое время наблюдаем, сколько охранников дежурят. Бесшумно снимаем их и устремляемся к палаткам, там отдыхает очередная смена охранников.

– Главное не упустить никого, а то уйдут в заросли конопляника. – вмешался Егор. – Мне бы до Савоси дотянуться.

– А ты Егор останешься с одним сотрудником у дороги, на всякий случай подстраховаться надо.

– Петр Сергеевич, мне Савосю непременно встретить надо, – взмолился Егор, – ведь кореша все же, есть о чем поговорить.

– Встреча друзей временно отменяется, – строго, без тени улыбки отрезал Петр Сергеевич. – Будешь делать то, что тебе прикажут.

Время давно уже склонилось за пол ночь. Деревня спала, ни лая собак, ни стопа гармошки, только речка, под

яром, поет свою вечную песню, да тихо шумит тайга за рекой.

– Иди Егор, приведи моих орлов, – обращается к парню подполковник. – Постарайся только собак не перепугать. Я ребят за околицей оставил, – объяснил подполковник, – так что фактор внезапности соблюден.

– Узнаю командира разведвзвода, – смеется Петр Сергеевич. – И долго ты Костя еще воевать собираешься?

– А это, как прикажут друг Петро. Я ведь после войны погоны не снимал, так что для меня приказ – основа жизни. А если серьезно, думаю, что скоро придется идти на покой, молодые подростки – грамотные, зубастые, им придется дорогу уступить. Правильно – закон жизни. Буду сына поднимать друг Петро, посмотрел бы ты, какой у меня сын растет. Как все же хорошо жить Петя, если бы только всякая шваль не мешала.

Савося проснулся от хорошего пинка в бочину. Он уже привык к пинкам, толчкам и подзатыльникам, эти черномазые аристократы его за человека не считают, хотя, они делают одно дело. Ночные дежурства достаются Савосе, выход в поселок за самогоном, тоже был на его совести, но после смерти того рыжего лоха, появляться в поселке было опасно.

Ничего, надо все перетерпеть, скоро соберут урожай дури, получит Савося свои бабки и мотанет в теплые края пузо греть. А там: вино, море, телки с горячими маслами – не жизнь, а сплошной кайф.

– Ты, кудрявый, марш из палатки, твое время дежурить, хватит валяться, – снова поднял ногу для пинка Гога.

Савося не стал

ждать очередной оплеухи, пробкой вылетел из палатки. В темноте нарисовалась огромная фигура Мурзы, помочившись возле палатки, он передал фонарик Савосе.

– Не жги без нужды, батарейка садится, может, на ночь не хватить. Да, не вздумай спать, ребра переломаяю. «Ну, кого здесь караулить? Днем и то никто не сунется в лесопосадки, а ночью кому надо сюда лезть и зачем? Дурной

народ эти черножопые, гонору много, а ума, как у нищего в кармане».

Савося улыбнулся точному сравнению, зевая, дошел до края лесополосы, почти на ощупь, не включая фонаря, нашел ольховый куст, и нырнул в заросли. Еще днем он прятал здесь бутылку самогона.

– Ага, здесь милая, – шепчет Савося. – Сейчас я буду тебя насиловать.

Нашупав ногой, ствол поваленного дерева, Савося присел, достал из кармана заранее приготовленный огурец, и зубами вынув бумажную пробку, он припал к горлышку. Вонючая жидкость обожгла полость рта.

– Хороша зараза! – шепчет Савося, вгрызаясь в огурец. – вот теперь можно и походить, подышать ночными ароматами. – Парень мерзко отрыгнул, и поднялся для исполнения службы. – Тьфу, вонючая какая.

Савося вспомнил Иркутск, где он работал сантехником в ЖЕКе. Ох, и пожил он там, трешки, пятерки сами в карман летели. Да, видно, жадность фраера сгубила. Во вновь построенном доме приспособился Савося сантехнику снимать, и богатеньким жильцам за пол цены толкать. Жильцы и сдали коммерсанта, загремел мальчишечка на пять лет общего режима. Не пожалел судья, отвалил полный черпак, с этого и началась кривая дорожка по тюрьмам и лагерям. Квартирные кражи, грабежи – сладкая жизнь и горькое похмелье на нарах Иркутского ШИЗО. Снова колючка, параша, баланда – весь джентельменский набор на долгие годы. Савося замурлыкал блатную песню, слова не знал, а мотив врезался в память на всю жизнь.

Вышел последний раз из тюряги с голым черепом и почти без зубов. Пол года жил у марухи, хорошо жил, она принимала тару для черножопых бизнесменов, каждый день деньги, каждый день гульня до утра. Но, и здесь сорвался мальчишечка, ударил свою зазнобу бутылкой по голове, она и очоурилась. И двинул Савося в бега, да так резво бежал, что очутился здесь, на краю света, дальше наверно и жизни уже нет.

«Ничего, Савося мужик ушлый, до осени как-нибудь дотянем, а там, теплое море, ласковое солнце».

Еще глоток из бутылки, как же быстро убывает пойло, надо бы поэкономнее, ночь еще длинная. Тихо мурлыча злополучный мотив, парень дошел до большой лиственницы, здесь кончается их зона охраны. Немного постояв, запалил сигарку с дурью, благо, что дурь растет рядом. Хорошо! В голову ударила знакомая волна, и закружило, закачало парнишечку и, снова, жизнь прекрасна. Плевал он на этих черномазых, на их пинки и подзатыльники. В блаженном настроении отправляется Савося обратно. Завтра опять придется идти в поселок за пойлом. Даже приятная волна наркотического дурмана не может заглушить чувство страха. Боялся Савося, ох, как боялся этих вылазок в люди, хоть и помогал ему знакомый кореш Никита в приобретении пойла, но чувствовал он, шкурой своей чувствовал, что топор правосудия висит где-то низко над головой. И все этот Ромашка, ни дна ему, ни покрышки, но кто мог подумать, что он побежит к этим ментам, стучать на него. Да, и сам хорош, разболтался тогда, как последний фраер. Ромашку надо было убрать, но, как теперь жить, шарахаясь от каждого куста? Если этот Егор встретит его, он с него живым не слезет. Думай Савося, ведь жизнь одна, а смерть или решетка рядом ходят.

Еще глоток из горла и затылка дури. Хорошо! Какой-то огонек вспыхнул и погас. Показалось? А может, светлячок, сейчас в природе всякой твари полно. Немного пройдя, прислонился к сосне, прислушался, что-то привлекло внимание парня, а может, в голове шумит. Чуть слышный треск сучка в темноте, нет шум в голове ни при чем, там, в направлении поселка, явно есть какое-то движение. Подлая луна прячется где-то за тучами. Может, разбудить мужиков, а если напрасный шухер? Нет, по харе схлопотать никогда не поздно. Савося наострил слух, вглядываясь в темноту. Вроде тихо, но почему так погано на душе? Допив остатки, парень запустил бутылку в предательскую темноту и загасил сигарку. Нет, береженного, кроме себя,

никто не сбережет. Он лег в высокую траву и стал совсем не виден, зато сам наострил глаза и уши. Чутье зверя его не подвело, прижавшись к земле, он услышал, как шумит трава под чьими-то осторожными шагами, редкий треск веток выдавал приближающихся. Ни один, ни два, а десятки ночных гостей приближались к охраняемой зоне.

Поднимать тревогу было поздно, да и опасное это дело ввязываться в драку. Савося привык по тихому. Где ползком, где короткими перебежками он стал удаляться в глубь лесополосы, а вот и стена густой высокой конопли. Аккуратно раздвигая, толстые стебли, стараясь не ломать, и не приминать их, парень зашел под защиту плантации. Пройдянемного, он лег и стал слушать. Показалась луна, большие яркие звезды висят над самой головой, кажется, ничто не может нарушить тишину этой ночи.

Громкий крик раздался там, откуда только что трусливо рокировался Савося. За криком последовал выстрел, понял, что стреляли из дробовика, вероятно, проснулись черножопые абреки. Снова кто-то кричит, и автоматная очередь разрезает тишину.

Это уже серьезно, это уже не для Савоси, он стал быстро удаляться от опасного места. Прощай южное солнце, не нужны Савосе мосластые телки, ему бы свои масла сбечь. Он понимает, что шуметь опасно, но не оставаться же здесь, где скоро засвистят пули. Пробираясь среди высоких стеблей конопли, он все дальше удалялся от охраняемой зоны, от своих коллег по опасному бизнесу. В той стороне, откуда он только что сделал ноги, снова раздался выстрел, и крик ни то, раненого зверя, ни то, человека разрезал ночную тишину. Куда идти Савося не знал, но точно знал, что чем дальше уползет от этих мест, тем целее будет собственная шкура. Конопля закончилась. Здесь в траве есть тропинка, по которой Савося не раз ходил в поселок за пойлом.

Решение вызрело мгновенно, надо двигать к Никите, который помогал ему в приобретении самогонки. Дом парня стоит на отшибе, на самой окраине поселка. Пригибаясь

и оглядываясь, Савося ступил на знакомую тропу, и стал быстро удаляться от лесополосы. Он попытался представить, что сейчас происходит возле палаток, и почувствовал, как холодок побежал по спине. Неужели менты, но откуда они могли взяться в этой глуши? Споткнувшись о какую-то кочку, Савося полетел на землю, больно ударившись коленом. Заматерившись, хотел подняться, но снова приник к земле. Рядом из темноты появились две темные фигуры, в руках блеснули под луной автоматы.

– Давай перекурим, а то уже уши пухнут, – предлагает один.

– Терпи казак, а вдруг кто выскочит на нас, мы же не знаем, сколько их там.

– А кто они такие, что мы как зайцев их в ночи ловим?

– Капитан же объяснял, что уголовники прячутся в тайге от закона. Их бы еще лет десять не нашли, если бы они сидели тихо и не стали убивать местных жителей. Вот и нашли приключения на свою задницу.

– Попался бы ты мне голубчик, – подумал Савося и сжал рукоятку ножа висящего на ремне.

– Ладно, кури в рукав, а то изведешься. Хорошо, я не курю, Вот грамульку накатить сейчас, я бы не отказался.

Под тихий смех служивые стали удаляться. Наступила тишина. Страх некоторое время не позволял Савосе подняться, но чувство самосохранения подняло парня, и он двинулся дальше в темноту ночи. Вот и изгородь крайних домов, огней нигде нет, собаки молчат. Савося не заходя в поселок, вдоль огородов пробрался к крайнему дому. В доме Никиты темно, наверно, дрыхнет кореш. Савося знал, что дверь этого дома не замыкается, собаки в ограде нет, и смело поднялся на крыльцо.

Скрипнула дверь, в лицо ударил застоявшийся запах давно не проветриваемого помещения. Пахло перегаром, чесноком и чем-то жареным. Савося включил фонарь, луч света выхватил кровать, на которой храпел хозяин, не раздеваясь, на не разобранной постели. Лежал Никита неловко, запрокинув голову. Савося не стал его будить,

пройдя за русскую печь, он снял со стены какую-то телогрейку, и бросил ее на лавку. Лег, надеясь уснуть, но сна не было, было, чувство безопасности, но успокоение не приходило. Савося поднялся и прошел в кухню, пошарил лучом фонарика по столу, по остаткам пиршества – хлеб, банка соленых огурцов, в сковородке засохшая картошка. Луч фонарика скользнул по окну, на подоконнике блеснула початая бутылка самогона.

Стакан вонючей жидкости и соленый огурец окончательно успокоили парня. «Где бы я сейчас был, не растолкай меня черножопый на ночное дежурство. Нет, что ни говори, а судьба благосклонна к умным людям. Надо пожить у Никиты, пока все устаканится, а там посмотрим, в какую сторону ветер дунет».

Дожав остатки самогона, Савося почувствовал, что хочет спать. Волнения и алкоголь сделали свое дело, он упал на лавку и заснул, крепко, без сновидений, без страха и волнения за завтрашний день.

Проснулся Савося от чьего-то пристального взгляда. Соскочив, он схватился за нож готовый к самому худшему, но перед ним стоял Никита, помятый с опухшим лицом, и с любопытством разглядывая ночного гостя.

– Запусти в меня сапогом, чтобы я проснулся. Ты что мне снишься?

– Ага, снюсь, и что твою заначку выпил, тебе тоже приснилось.

– А вот это уже плохой сон, просто кошмарный. Чем я должен лечиться, ты не подумал?

– Сейчас тебе снится, что я достаю из кармана червонец, и ты идешь за бутылкой.

– Вот это уже хороший сон, но было бы еще лучше, если бы ты достал два червонца. – Никита берет деньги и выносит свою больную голову на утренний моцион.

Савося встал, потянулся, на ходиках было уже пол двенадцатого – самое время выпить, и снова завалиться спать. «Вот только бока болят от этой лавки. Может, хозяин уступит кровать для гостя, а сам здесь на лавке пова-

ляется? Хорошо попросить, уступит»», – решил незванный гость. Все косточки ноют, словно его отмолотили вчерашние коллеги по бизнесу. Вспомнив своих собратьев по оружию, он хитро улыбнулся: «Вот вам возмездие, не надо было на Савосю клыки точить. Савося хитрый, вот он, самогоночку попивает». Он несколько раз присел, разминая косточки, помахал длинными руками, хотел выйти на крыльцо, но вовремя вспомнил о своем нелегальном положении. «Да, на воздух придется вылезать только ночью».

– Где же Никита, он что за бутылкой в леспромхоз умотал? – Ворчит Савося

Прошел в куть, смел со стола остатки вчерашнего пиршества, наломал хлеба, хотя нож висит на поясе, ополоснул стаканы и сел на лавку, ожидая собутыльника. Никита что-то задерживается.

«Что же делать дальше? Оставаться здесь надолго – бессмысленно. Ксива, на имя Осипова Олега Захаровича, которую он купил в Иркутске, сейчас у Алтханова, а где сам Алтханов неизвестно. Раз менты напали на плантацию, значит, и он погорел. Что же делать? Думай Савося, думай. Ни кто тебе не поможет, надуйся только на себя».

Заскрипели половицы на крыльце, Савося нырнул за русскую печку, мало ли кто мог войти к Никите.

– Выходи ночной пришелец! – Раздался голос хозяина. – Что заждался меня? Не сердись, я узнавал поселковые новости, а они для тебя не совсем приятные.

Никита вынул две бутылки и пучок зеленого лука. Загадочно глядя на Савосю, он пригласил его к столу. Когда выпили по первой, и намного отдышались от мутного, вонючего пойла, Никита выложил последние известия сарафанного радио.

– Хреново твои дела друг, я брал этот чудесный напиток, у Ивана Потакужева, а его баба ходячее радио, она все поселковые новости первая узнает. В поселке полно ментов – человек двести. Вчера в лесополосе была настоящая

война, убито много, еще больше арестовано. По поселку шныряют военные, ищут беглых уголовников.

– Давай выпьем Никита, за то, чтобы нас эти страсти обошли стороной, а то не пить нам с тобой долго-долго.

Огурцом, закусив сивуху, Никита продолжал.

– По поселку рыщет студент, что у тунгуса живет, ищет какого-то кореша. Говорит, шибко охота ему с тем корешем встретится, наверно друзья. Да, еще две моторные лодки с солдатами направились в леспромхоз, наверно и там будут аресты. Ну, как от таких новостей не запить?

– Наливай Никита, когда пьян ничего не страшно! – но страх стер краски с лица Савоси. – Что же делать?

Савося держит в руке стакан, рука лихорадочно дрожит, а взгляд где-то там, в темном, как ночь пространстве. Он прикидывает и так, и эдак, но не может сообразить, что ему делать. Понятно для парня одно: здесь ему оставаться нельзя, надо делать ноги и немедленно, возможно сегодня ночью. Но идти через тайгу ночью для Савоси не совсем приемлемо, парень не отличается храбростью, к тому же у него нет ксивы, а без документов он не человек. В городе без документов можно дойти только до первого мента и поднять руки. А это в планы Савоси не входит.

– Послушай Никита, как фамилия вашего начальника милиции?

– Какого начальника? У нас нет, и никогда не было милиции.

– Но где-то же ты получал паспорт?

– Знамо где, в районе получал.

– А, как фамилия начальника?

– А я что знаю? Нашел о чем спрашивать.

– В паспорте должна быть фамилия, он же ставит свою роспись в документе. Давай посмотрим, возможно, мне придется к нему обращаться.

– А ты думаешь, я знаю, где мой паспорт? Постой, дай Бог памяти...Ага, в новом пиджаке, я же в город ездил паспорт получать, лет семь тому назад, с тех пор из кармана его не вытаскивал. – вяло смеется Никита.

Парень лезет в шифоньер, достает пыльный пиджак, в светлую полоску, и торжественно вынимает паспорт.

– Вот она моя документация! Любишься друг, новенькая еще.

Савося раскрыл книжицу, полистал и небрежно бросил на стол.

– Не разберешь, каракули вместо фамилии, – Савося допил содержимое стакана. – Завтра утром пойду в город, ты не проводишь меня до дороги на Кир-Ленск?

– Конечно, провожу. У соседа лодка на берегу, так что переплаваю тебя на тот берег и провожу. Наливай друг.

Летом рано светает, но Савося встал до рассвета. Он давно уже отвык умываться, да, в лесополосе, это было и ни к чему. Закурив, парень вышел во двор. Деревня еще спит, но небо на востоке уже начинает бледнеть, звезды теряют свою яркость. Утро нового дня пробует свои акварели, краски бледные, но нежные и сочные. В природе спокойствие и порядок, но не в душе Савоси. Что ждет его завтра? Паспорт Никиты лежит в кармане, но теперь придется избавляться от этого дурака, иначе жди ареста, как только он заявит о пропаже документа.

– Рано ты что-то поднялся, – в дверях появился Никита. – Но раз нет сна, может, перекусим перед дорогой?

Завтракали молча, взбодрились стаканом вонючей жидкости, заели вареной картошкой с соленым огурцом и зеленым луком. Из вещей у Савоси была только кепка, так что сборы были быстрыми. Когда спускались к реке не взлаяла ни одна собака. В лодке соседа переплавились через реку и вдоль берега направились в сторону Еловки. Скользящий плитняк под ногами не давал идти быстро, но парни и не спешили. Вот и поселок навсегда скрылся из виду. Лесные птахи встречали утро веселым щебетом, река чуть слышно переливалась на перекате, весело перекликались кулики. Жизнь просыпалась на берегу реки. Когда они добрались до Еловки над тайгой, над рекой, над заброшенными, поросшими чертополохом полями, вставал новый день.

– Вот и пришли, – сообщил Никита, – вон видишь Красный Яр, за ним начинается дорога на Кир-Ленск. Дорога не легкая, где-то часов шесть, придется тебе топтать.

– С ума сойти, шесть часов – целая вечность.

– У тебя есть, где остановиться в Кир-Ленске?

– Я там не был ни разу, откуда у меня могут быть знакомые?

– Улица Луговая дом шестнадцать, спроси Керима. А вот и дорога на город.

– Посидим Никита, отдохнем. – Савося первым опустился на траву, друг сел рядом.

Деревня перед ними чернела грустными развалами прежней жизни. Видно все когда-нибудь кончается: была деревня, сотни лет пронеслись над этими домами, над судьбами их обитателей. Рождались дети и навсегда уходили старики, поколения сменялись за поколением, и вот прервался ход времени – лежит всеми покинутая деревня. Ни когда здесь не раздастся смех ребенка, не зазвучит, пусть даже пьяная, песня, не разбудит ночь лай собаки. Все кончено. Савося, зловеще улыбаясь, положил руку на рукоять ножа.

Никита не успел понять, почему вдруг померк свет, даже боль в боку он не почувствовал, а просто от удивления открыл рот, и тонкая струйка крови стекла по щеке, а с ней и последние капли жизни, которая лишь только начиналась.

Глава 18

Надька очнулась от какого-то странного дурмана, голова шумела, в горле застрял отвратительно горький ком. Она подняла голову, чтобы осмотреться, где находится, но голова закружилась и снова упала на подушку. И ввремя упала, дверь в углу комнаты загремела железами и открылась. Сквозь полу прикрытые веки Надька разглядела вошедших. Алтханов в шикарном, восточного шитья, позолоченном халате, и крепкий, горбоносый кавказец с шевелюрой неуправляемых волос склонились над Надькой. Она плотнее сжала веки, притворившись спящей.

– Вы что ей лошадиную дозу впрыснули? – заворчал Алтханов, – она мне к вечеру живая нужна. Какая-то слишком молодая, еще не хватало мне статьи за малолетку.

– А статья за старуху, что приятнее, – заржал горбоносый, – пусть уж лучше будет за малолетку.

– Покаркай мне, быстро на лесоповал пойдешь.

– Придется звать русского лепилу, он к вечеру ее на ноги поставит.

– Михайловича? Да, какой же он русский, он скользкий, как еврей. Зови, пусть поколдует над девкой, он у меня на крючке.

Алтханов ладонью откинул прядь волос со лба девчонки, провел рукой по груди.

– Хороша девчонка. Пошли Федору пару бутылок коньяка. Скажи ему, если девчонка не порченная, еще его отблагодарю.

– Да, они в утробе матери невинность теряют, – ржет чубатый.

– Перебрось из лесосеки четырех наших на плантацию, а на лесоповал возьми у Федора шесть охотников, он обещал.

– Будет сделано! Я сам в зверосовхоз поеду.

– Да, не пей там с Федором, а то он и лошадь спить может.

– Я не лошадь Арсен Джаманович.

Мужики вышли, на двери щелкнула щеколда, и снова, до звона в ушах тишина. А, может, это дурман звенит в голове? С трудом, приподнявшись на локте, Надька осмотрелась.

Маленькая комнатка, кровать, стол и два стула. На столе блюдо, накрытое полотенцем, на стуле ведро с водой. Надька подумала о еде, и ее стошнило, а вот воды испить не мешает. С трудом, встав с кровати, девчонка хотела напилась, но ведро оказалось пустым, воды не было. Уже внимательнее осмотревшись, Надька отметила два окна размером с кирпич. Несомненно, это были винтелиционные окна подвального помещения. Чтобы пролезть в них не было и речи. В углу возле дверей стоит газовый баллон, шланг от баллона уходит вверх через отверстие в потолке.

– С удобством устроился ирод, – зло шепчет Надька.

Сев на кровать, девчонка старается вспомнить, что же произошло в тот злополучный вечер. Мысли путаются, голова кружится, в ушах противный звон.

Катюха ушла, оставив Надьку дома, не хотела она идти на вечерку без Аркадия. Достав старое, но еще крепкое платье, Надька хотела укоротить его. Устроившись с ногами на кровати, она умело работала иглой, что-то тихо напевая. Настроение было хорошее, Надька вспоминала последнее свидание с Аркадием и тепло улыбалась Хороший, милый Аркаша, как согрел он своей любовью битую жизнью девчонку.

Надька достала из кармана халатика маленькую, никелированную зажигалку, вспомнив, как вчера забрала ее у Аркадия. Чиркнула колесиком и с улыбкой смотрит на пламя. Еще вчера Аркадий объяснял ей, что такое огонь, но видно такие премудрости не для ее ума. И все же кое-что она поняла из объяснений Аркадия. Поняла, что надо учиться, если видит себя рядом с этим парнем, если нет для нее жизни без него.

Надька не слышала, когда возле дома остановилась машина, а когда на крыльце раздались шаги, она подумала, что вернулись парни. Вошли парни, но совсем не те, которых она ждала. Двое крепких, черноволосых кавказца и один маленький, лысый человечек неизвестной национальности.

– Привет хозяйка! – раскланялся один из вошедших.

– Дорогих гостей встречай телка, – выскочил вперед недоумок, но его за рукав отбросили на то место, которого он достоин.

Парни были пьяны, и Надька с ужасом поняла, что ей грозит. Она соскочила с кровати и, одернув платье, встала возле стола, понимая, что стол очень хлипкая преграда между ней и непрошеными гостями. Один из гостей вынул из кармана бутылку водки и банку каких-то консервов.

– Будем гулять хозяйка, давай стаканы! – Весело предложил один. – Хлеб-то есть в этом доме?

Надька послушно сходила в куть, вынесла три стакана и пол булки хлеба.

– А сама что из горла пить будешь? Давай еще стакан.

– Я не пью, – еле прошептала Надька.

– У нас все пьют, – прошепелявил недоумок, и сам пошел в куть.

Поставив стакан на стол, недоумок пытается обнять Надьку.

– Умри Савося! – обрывает его кавказец. – Не для тебя персик, хозяин нам всем яйца поотрывает, если с ней что случится.

Один из кавказцев достал перочинный нож и ловко открыл банку, потом разлил водку по стаканам.

– Вздрогнем кореша! – И вонючая жидкость исчезает в глотке уродца. – А ты что не пьешь или ждешь особого приглашения?

– Оставь ее Савося, – останавливает его один из парней. – Собирайся девка, поедешь с нами.

– Что вам нужно! – голос вдруг прорвался и Надька почти кричит. – Никуда я с вами не поеду! Уходите, сейчас придет дядя, он у соседей! Уходите сейчас же!

– Вместе с вами мадам, – глумясь над беззащитной девочкой, Савося наступает на Надьку.

Надька схватила подвернувшийся под руку стакан и с силой метнула в урода, стакан пролетел мимо. Сзади ее уже схватил один из кавказцев, в руке второго появился какой-то баллончик, и струя удушливого газа накрыла лицо девушки. Надька задохнулась, и уже в полу сознании ухватилась за край скатерти, падая, она потянула за собой скатерть, а на ней недопитая бутылка водки с наполненными стаканами и горящая лампа. Керосин из лампы выплеснулся на пол, пламя жадно метнулось на скатерть, побежало по полу. Надька не помнит, как ее выносили из горящего дома, как бросили на заднее сидение, и машина понесла ее навстречу неизвестности.

Алтханов стоял в магазине, разглядывая витрину, когда возле гаража напротив, остановилась крытая машина. Дежурка привезла бригаду лесорубов из леса. Рабочие, переговариваясь, расходятся по домам, некоторые заходят в магазин, покупая курево, и кое-какие продукты для дома. Кто-то здоровается с хозяином, но большинство делают вид, что не замечают своего благодетеля. Эта показная неприязнь рабочих раздражает Арсена Джамоновича, и он отвечает той же монетой, исходя желчью против этого быдла. Ничего, не взяв в магазине, он направился к выходу, но в полу темном тамбуре, вдруг слышит свою фамилию. Говорили трое остановившихся возле магазина лесорубов.

– Не по душе мне это предложение подслушивать, да подглядывать, я своими руками этого Алтханова готов скрутить, и сдать куда следует, – говорил густой бас с раздражением.

– Тебя никто не заставляет подглядывать, – голос принадлежал леснику. – Сколько можно объяснять, день, два

и его возьмет милиция, в район уже ушел наш человек. Наша задача, не дать уйти Алтханову, не попрощавшись.

– Да, все он понимает Аркадий, характер дурной у человека, – вмешался простуженный баритон. – Он во всем всегда сомневается, а делает по уму.

Голоса удаляются, продолжая спорить, а по спине арендатора бегут холодные струйки пота. Он шкурой чувствовал, что назревают какие-то неприятные события, и старался опередить их. Перебросил своих людей в лесопосадки раньше, чем рассчитывал начать уборку конопли и мака, еще неделю и товар уйдет в город. Но, видно нет у него этой недели. Что делать, где выход из тупика? Алтханов пришел в себя от минутного шока, продолжая все еще стоять в тамбуре. Люди недовольно косятся на хозяина, бочком выходя из магазина.

Алтханов подошел к машине, что ожидала его за углом, и наклонился к, читающему газету, шоферу.

– Али, я иду домой, подышу немного, а ты заправь машину, наполни бензином канистру и поставь в багажник, машину оставишь возле моего дома и можешь отдыхать.

– Вы что сами собираетесь куда-то ехать? – интересуется шофер.

– Доеду до лесосеки, лесник актами замучил, посмотрю, что можно исправить.

Махнув рукой, он отпустил машину и отправился к своей усадьбе.

Надька проснулась от страшного грохота, казалось, что над головой разорвалось, рассыпалось по полу что-то огромное, не понятное для разума. Она села на кровати, не понимая, где она и что происходит в этом полумраке. Но новый сильный разряд осветил убожество ее приюта, и треск переходящий в грохот, заставил невольно упасть на подушку, закрывая уши ладонями. Гроза, первая за это лето гроза, обрушилась на землю. Надька соскочила с кровати и подбежала к маленькому оконцу. Новая молния ослепила девчонку, а страшный грохот, упавший из-под небес готов был вдавить ее в этот грязный пол, поставить

на колени, заставить трепетать перед этой не познанной стихией. Но, странное дело, Надьку охватила вдруг какая-то эйфория радости, ее огромные глаза, полные изумления и наслаждения, были распахнуты навстречу этой всепобеждающей стихии. Она дышала ею, она пила этот необыкновенный воздух, замешанный на пламени и грохоте, она купалась в этом торжестве природы.

С детства Надька любила эти летние грозы, когда все вокруг грохочет, и разряды молний режут небо огромными огненными змеями, извивающимися между тучами. Когда подружки, да и взрослые тоже, прятались от этой огненной круговерти, Надька выбегала под дождь, под грохот и наслаждалась этим не понятным для нее явлением природы.

Сейчас Надька забыла, где она находится, забыла про своих тюремщиков, про тот ужас, что приготовила для нее судьба. Как мелки, как ничтожны ее беды перед этим парадом небес, еще мгновение, и небо упало на землю не бывалым доселе ливнем. Вода хлестала землю, ломала кроны деревьев, била по окнам темницы, омывая грязные стекла.

Девчонка долго смотрела на это буйство природы, наслаждаясь маленькой отдушиной в череде лишений и потерь. А небо грохотало, посылая все новые потоки воды, на эту грешную землю, как бы стараясь смыть всю грязь и мразь, что, паразитируя, присосались ко всему живому на этой земле.

А жажда стала невыносимой, ни о чем кроме воды девчонка не могла думать. За оконцем хлещет водная стихия, а Надьку мучает жажда. Очередной разряд молнии освятил комнату, Надька хватает пустое ведро и с силой, с остервенением бросает его об пол, потом еще и еще бьет об бетонированный пол, пока ведро не превращается в измятого уродца. Приступ какого-то психоза обуял девчонку, схватив подвернувшуюся под руку табуретку, она с силой запустила ее по узкому оконцу. Табурет разлетелся на запчасти, не причинив вреда оконному стеклу.

Схватив, отлетевшую от табурета ножку, Надька ударила ею по своему отражению в оконце.

Звон разбитого стекла, заглушили раскаты грома, и поток свежего воздуха, отягощенного небесной влагой, ударили в лицо. О, Боже, какая это благодать вдыхать, пить эту прохладу ночи под аккомпанемент распоясавшейся стихии. Схватив со стола тарелку, Надька подставила ее под водный поток, и вот, уже небесная влага, как живая вода возвращает девчонку к жизни. Блаженно улыбаясь, она присела на кровать, мелькнула мысль, что хорошо бы набрать воды про запас, но ведро было совершенно не пригодно для хранения воды. Надька подушкой прикрыла разбитое окно и упала на постель. Сон смарил обессиленную девчонку.

Ночью Надька спала плохо, при любом стуке над головой, соскакивала с постели и бросалась к двери, боясь, что пьяный хозяин сорвет дверь. С вечера хозяин пытался ввалиться в подвал, где девчонка дрожала от каждого стука, но она закрыла дверь изнутри на массивный засов. Когда же хозяин заработал топором, Надька предупредила, что взорвет баллон с газом. Это отрезвило сластолюбивого хозяина дома, на некоторое время он умолк, видно заправляясь алкоголем, потом снова начал, уже уговорами, склонять Надьку к благоразумию. Девушка отвечала молчанием, что еще больше распяляло горячую кровь джигита.

Надька действительно была готова открыть газ и чиркнуть зажигалкой, но она все еще надеялась на чудо, она была так молода, что мысли о смерти не умещались в ее славной головке. И все же в критический момент она видела только один выход – взорвать тюрьму вместе с тюремщиками. Наконец наверху наступила тишина и Надька, как сидела на кровати с поджатыми ногами, так и уснула, забыв об опасности. Видно и тюремщика тоже сморил сон, тихо стало наверху. Только луна, заглядывая в узкое оконце, видела, как беспокойно спит девчонка, вздрагивая во сне.

Подкрался серый рассвет, где-то орут петухи, лают собаки, просыпаются в поселке люди, готовясь к новому рабочему дню. В дверь забарабанили. Надька слышала, как, чертыхаясь, Алтханов направился к выходу. Потом заговорили, затопали, заматерились, хорошо был слышен раздраженный голос Алтханова.

– Когда сами думать научитесь? Почему я должен вникать в каждую мелочь?

Потом перешли на свой язык и Надька, как не напрягалась, не могла понять, о чем там говорят. Прошло минут сорок, прежде чем наверху все успокоилось, видно, все ушли из дома. Думая, о своем не завидном положении, Надька, снова, незаметно уснула.

Арсен Джаманович бросил на заднее сидение не большой баул, захлопнул двери и повернулся к собравшимся возле машины.

– Я на пару дней смотаюсь в зверосовхоз. Лес отгружайте круглые сутки. Надо спешить, чует мое сердце, отхозяйничали мы здесь.

– Неужели все так плохо Арсен?

– Обложили гады! А лесника пора отправить к Аллаху.

– Пробовали, не получилось, – вставил один из провожающих. – Но ничего, в тайге работа опасная, все может случиться.

– Ты Жора, остаешься за старшего, смотри за ситуацией, – Арсен жмет руку чубатому с седыми висками, но еще молодому мужчине. – Да, внизу девчонка осталась,... словом займись, она должна исчезнуть. Привезли статью на свою голову. Открывай ворота!

Алтханов вывел машину, улица еще пуста, кое-где в окнах горит свет, поселок просыпается. Машина направляется в сторону зверосовхоза, но при выезде из поселка свернула на грунтовую дорогу, что вела к городской автостраде. За деревьями мелькают дома поселковой улицы, машина быстро катит по зеленому коридору тайги в сторону города.

Мужики еще спали, когда Люся стала хлопотать возле печи. Она решила побаловать своих парней блинами, когда Аркадий проснулся из кути уже вкусно пахло

– Повезло Саньке, – заглянув в куть, улыбается Аркадий, – жена – хозяйка хлебосольная, красавица и певунья.

– Сейчас реже стали концерты закатывать, – смеется Люся. – А после свадьбы, бывало, выйдем на крыльцо, он как растянет меха баяна, а я затаю свою любимую, весь барак сбегался. Молодые были, глупые.

Аркадий грустно улыбается. После смерти Надежды, все реже можно видеть улыбку на лице парня. Но Люся замечает, что понемногу отгаивает Аркадий.

В дверь постучались, Люся удивленно смотрит на Аркадия.

– Кто бы это так рано? Открой, наверно мужики из Санькиной бригады.

На пороге стоит Егор, его физиономия светится, как новенький полтинник.

– Привет! Так вот где ты отсыпаешься! – загремел он с порога.

– Ты, как меня нашел?

– Петр Сергеевич объяснил, он меня на моторке доставил, с ветерком.

– Люся, познакомься – это мой квартирант, нахлебник и болтун, каких свет не видел.

– Егор, – представился парень, – Можно Егорушкой, я не обижусь.

– Зато я могу обидеться и кое-кому репу начистить, – выходя из спальни, бубнит Санька, но, увидев Егора, заулыбался. – Это что еще за ранний гость? Ты с кем приехал?

– Меня на моторке подбросили. Дело идет к развязке, надо поговорить, – шепнул он Аркадию.

– Санек, пошли на речку помоемся.

– Я в рукомойник теплой воды налила, – вмешалась Люся, – на речке утрами уже прохладно.

– Разве мы не мужики? – Смеется Аркадий, подталкивая хозяина к двери.

Возле речки, действительно, прохладно. Туман стелется над самой водой, изредка в тумане играет рыба, да кулики поют свою утреннюю песню.

За туманом, на том берегу, шумит тайга.

– Ну, что ты меня сюда привел? – Ворчит Санька. – Люся же говорила, что здесь холодно.

– Ничего Санек, надо закаляться, а то скоро зима, морозы ударят. Что будешь делать?

– Не пугай, не первую зиму здесь живем.

– Рассказывай Егор, с чем приехал? Санька в курсе, так что рассказывай.

– Из города приехали, вернее, прилетели парни из СОБРа. В лесополосе вчера ночью арестовали всех плантаторов, а вот Савося сделал ноги, сбежал гад, а на его совести смерть Алика, Ромашки. Как у меня на него руки чесались!

– А что мы должны делать? – Аркадий взволнованно ходит вдоль штабеля леса. – Значит, если Савося появится здесь, то разбегутся все, как тараканы.

– Ты что думаешь его здесь задержать? – вмешался Санька. – Да у него десятки дорог он может появиться из-за любой сосны. Где мы его должны ждать?

Санька, видно, совсем замерз и, приплясывая, поглядывает на барак, мечтая о тепле.

– Мое дело прокукарекать. – смеется Егор, глядя на Саньку. – А что вы намерены делать, когда взойдет солнце, это треба покумекать.

– Скажи-ка друг Егор, что это ты один заявился, или сам будешь братков арестовывать, а где собравцы?

– Собравцы арестованных вертолетом в город сопровождают, но через пару часов будут здесь. Скорее всего, на моторках рекой.

– Так-так, но что нам делать, чтобы кролики не разбежались?

Аркадий задумался, потом повернулся к Саньке.

- Послушай абориген, у твоих друзей оружие есть?
- Мы же в тайге живем Аркаша, оружие есть, но не у всех оно законное, не у всех есть разрешение на его хранение. А сюда, как я понял, придет милиция?
- Снова закавыка! – выругался Аркадий. – Значит нет ни одного законно приобретенного ружья?
- У меня два ружья и разрешение есть, – сообщает Санька.
- Вот это уже мужской разговор.
- А я думал, что ты только на баяне играть умеешь, – подковырнул Егор.
- Собирай своих друзей Саня, видно наше время пришло, надо задержать кавказцев. Если здесь появится Савося, милиция может не успеть.
- Что мы втроем можем сделать, даже с ружьями? – уже не улыбается Егор. – Надо ждать, когда наши подъедут.
- У Саньки есть друзья, а у меня, кажется, идея. Надо собрать всех кавказских лесорубов в вагончике столовой и закрыть их там. Вагончик металлический, пробить стену не просто, а окна держать под прицелом. Что повоюем ребята?
- Вот это по мне! – загорелся Егор, – да нам с часок продержаться, а там милиция подоспеет.
- Еще вопрос, как будем добираться до лесосеки, – задумался Аркадий. – Ехать с бригадой вооруженными не годится, возникнут вопросы, нездоровый интерес.
- Успокойся Аркадий, – останавливает друга Санька. – У Олега есть машина, сам собирал, машина надежная. Вот только мне надо о подмене подумать, да и парням тоже отпрашиваться надо, а то прогулы бригадир нарисует.
- Аркадий засмеялся, потом шутливо хлопнул Саньку по плечу.
- Думаю, что сегодня в лесу будет не до работы. Ладно, пошли блины есть, а то когда еще перекусить придется.
- С вечера Федор Раков пил горькую, это было его повседневное занятие в последнее время. Жена и дочь сидели в комнате Розы, стараясь реже появляться перед пья-

ным хозяином. Жена чувствовала, что мужа точит какая-то неведомая тревога, какой-то всепоглощающий страх. Трезвым, он почти не мог спать, и только водка помогала забыться. Но и пьяным он ворочался в постели, скрипел зубами и кого-то материл во сне. Ульяна боялась спать с мужем, и ютилась в одной комнате с Розой и внучкой, постелив себе на сундуке. А ночи такие длинные, когда не можешь уснуть, когда горькие мысли одолевают старую, уставшую жить женщину.

«Работал конюхом в колхозе Федор, каким хорошим был мужиком. Одно горе одолевала тогда мужа – не было сына, не было наследника, а разве Ульяна виновата, что одни девки рождались. Но и тогда не пил так Федор: ну после бани, ну в праздник какой забутылит мужик, разве это грех Бедно жили, но руки почти не распускал, редко когда синяк посадит, а потом извиняется. А что теперь творит старый, внучку не признает, на дочь волком смотрит, а ее материт всяко, да подзатыльниками кормит. Ну, что случилось с мужиком? Живут не в пример прошлой жизни, на столе пусто не бывает, да и на себя, срам прикрыть есть чем, а он пьет, как скаженный. Может, кто порчу навел на мужика?»

Роза кормит малышку, для нее все вывихи папаши, как комариные укусы. Вот дочь, причмокивая, сосет грудь, вот ее счастье. Не думала, не гадала Роза, что этот маленький человечек принесет так много радости в ее жизнь, а что отец опять запил, ее мало беспокоило, вот только мать жалко. Какая большая, шумная была семья, а сейчас тихо в доме, как на кладбище. Дочка и то редко плачет, наверно понимает, что нельзя деду мешать, когда он пьет. Роза засмеялась, разглядывая каждый прыщик на личике дочери. Ульяна удивленно смотрит на дочь.

– Что смешного? – спрашивает мать.

– Посмотри, она уже улыбается.

– Ага, скоро материться будет.

– Неужели мама и она так же жить будет, как мы, каждого стука бояться, в этой вечной нужде биться?

– В какой нужде, что у тебя надеть нечего или голодная сидишь?

Роза укоризненно посмотрела на мать, положила дочь между подушек и встала с постели.

– Ты что мама не понимаешь, что мы ворованное едим? Или ты от хорошей жизни здесь на сундуке валяешься? Сколько можно так жить?

Ульяна тихо заплакала, дочь села рядом, глядя седые волосы. Дверь в комнату отворилась, вошел Федор. Он еще крепко держится на ногах, но налитые кровью глаза и одутловатая физиономия говорят, что не первый день принимает мужик на грудь, что тяжелому запою предшествует ни один день.

– Шепчетесь, все отца поносите, дармоедки, не могли мне внука родить, только и можете, что этих мокрух плодить. А ты что здесь разлеглась? А ну пошла в свою спальню! – Ульяна мышкой шмыгнула из комнаты Розы. – Что спит мокруха? Я что-то голоса еще ее не слышал, она хоть орать умеет или, как вы, больше молчит?

– Тихая она батя, спокойная.

– Спокойная – это хорошо. Эх, девки вы мои мокрохвостые, как жить будете без отца?

– Ты что батя, умирать собрался?

– Может, умереть лучше бы было, да где она смерть-то не дозовешься. Прости меня дочь, за мать, за сестер прости.

Федор сжал голову между ладоней, казалось, он плачет этот большой крепко скроенный человек.

– Ну, что уставилась? Меня еще рано списывать и что пью, ни кого не касается. А...идите вы все!

Федор заматерился и, пошатываясь, вышел из комнаты. Роза пристроилась рядом с дочкой, но долго не могла уснуть. Постепенно сон сморил женщину, она видела какие-то обрывки сна, выхваченные из прошлой жизни. Разбудил сильный стук в окно, она подошла и, в слабом утреннем свете, увидела Петра Сергеевича и двух незнакомых мужиков. Накинув халат, пошла открывать дверь.

Из своей комнаты выглянул отец и каким-то незнакомым, испуганным голосом прошептал.

– Не открывай дочь, ...подожди.

Но крючок уже сброшен с петли, и в горницу входят не знакомые люди. Поднялась и мать, она как-то испуганно жметя к отцу, словно ищет у него защиты. Халат, брошенный на плечи, полу расстегнут, волосы распущены, и вся она выглядит какой-то растрепанной, потерянной.

– Федор Викторович Раков будете вы? – заговорил высокий подтянутый мужчина.

Федор молча, словно у него отнялся язык, кивнул головой.

– Я начальник рай отдела милиции, вот мое удостоверение

– Чем обязан? – заплетающимся языком выдавил Федор.

– Вы арестованы Федор Викторович, оденьтесь, соберитесь, мы подождем. . – Федор стоит, словно не воспринимаемая сказанного. Глаза его были пустыми, руки висели, как плети.

Глава 19

Газ-69 – перекроенный, переделанный, видно находился в надежных руках специалиста. Двигатель гудит ровно, хорошие рессоры сглаживают недостатки таежной дороги. Ребята молчат, словно все давно было переговорено и общие темы исчерпаны до доньшка. А, может, просто волнуются парни перед предстоящей работой. Да, и работой предстоящие события назвать трудно.

Когда послышался рокот трактора, и дисканты бензопил, прерываемые шумом падающих деревьев, машину остановили и загнали в придорожные кусты.

– Слушайте сюда парни, – заговорил Аркадий, – сидеть в машине до тех пор, пока не прекратится в лесу эта какофония. Метрах в пятидесяти отсюда возле дороги увидите вагончик, на дверях будет висеть замок с ключом, закрывайте вагончик на замок и берите окна и крышу пол прицел.

– Ох, и влетит нам ребята за самоуправство, – чешет затылок Санька. – Как думаешь Егор, прорвемся?

– Бог не выдаст, свинья не съест!

– На дороге появится повариха, возьмите ее в машину, пусть технику караулит. Ну, я пошел ребятя.

Аркадий неслышно растворился в кустах, даже ни одна ветка не треснула под ногами. А в лесу стоит шум, треск, свист. Трактор, взвалив на хребет несколько хлыстов, натужно тащит их к месту раскряжевки и штабелевки. О чем-то перекликаются лесорубы, со стоном падают деревья, ломая молодой подрост. А вот и вагончик, над крышей вьется дымок, возле вагончика повариха колет дрова.

– Здравствуй Клава, все своих нехристей кормишь?

– Аркадий, опять ходишь, цветочки собираешь?

– Собираю Клава, сегодня возможно последние соберу. Дело у меня к тебе, бросай эту работу и дай мне ключ вот от этого замка. . – Аркадий забрал топор у ни чего не понимающей женщины. – Быстро уходи отсюда, там наша машина стоит в кустах, дождись в машине приезда милиции. Ох, останешься ты Клава, без кавалеров.

– Кажется, я начинаю понимать. Вот ключи, обед почти готов, подбрось там дровишек в печь.

– Подброшу Клава, подброшу. Я их сегодня сам обедом кормить буду. .

Когда повариха скрылась за поворотом, Аркадий подошел, к висящему возле вагончика обрезку рельса, и ударил по нему обухом топора. Звонкий, дребезжащий стон

поплыл над лесом, а Аркадий, как в набат, бил и бил по железу.

– Ты что безобразишь лесничий, – раздался за спиной низкий, простуженный голос. – До обеда еще больше часа, зачем от работы отрываешь?

За спиной стоит бригадир, прут в его руке хлещет по голенищу, во рту дымит сигарета.

– Шабаш бригадир, собери, пожалуйста, бригаду, пусть мужики покурят, а я с ними поговорю. Сейчас Алтханов подъедет, он возле первой бригады задержался.

– Перекур дело хорошее! Эй, Гоги, зови мужиков, – кричит бригадир парню, что машет топором неподалеку от вагончика.

– Пусть заходяи в вагончик, – бросил Аркадий и скрылся за дверью.

Вскоре стали собираться лесорубы, по одному и группами они заходили и усаживались за столами.

– Закуривай мужики! За чем собрали-то?

– Говорят, Арсен должен подъехать.

– Садись поплотнее, места всем хватит.

– Бригадир, проверь, все собрались? – спрашивает Аркадий. Сам он спокоен, только голос почему-то немного осип. Он откашлялся и стал ходить перед сидящими, словно собираясь с мыслями.

За дверью послышался скрежет металла о металл и раздался характерный щелчок поворачивающегося ключа. Люди с удивлением переводят взгляда с закрытых дверей друг на друга, словно спрашивая, что бы это значило.

– Кажется, нас закрыли, что бы это значило?

– Это что еще за шутки? А где повариха?

Аркадий молчит, он хорошо понимает, что его ждет, но страха нет. Ребята успеют, не могут не успеть, главное продержаться. Бригадир подскочил к Аркадию, глаза мечут молнии, брызгая слюной, кричит.

– Что это значит лесник? Тебе что жить надоело?

Мужики уже ломаются в двери, но не тут то было, дверь не поддается. Бросаются к окнам, но там решетки, тогда

монтажной, попавшей под руку, ломают решетку, но первый выстрел с наружи по окну, и картечь, застучавшая по обшивке вагончика, отрезвляет горячие головы. В столовой стало тихо, некоторые пригнули головы словно картечь пролетела над ними.

Бригадир бьет Аркадия, парень отлетает к окну раздачи, его тащат на середину вагончика, губа рассечена, по лицу течет кровь. Несколько человек пинками начинают вымещать зло на беззащитном человеке. Мат и крики наполняют вагончик. Снаружи снова звучит выстрел и стук картечи останавливает избиение.

– Эй, работнички! Если хоть один волос упадет с лесничего, – голос принадлежит Егору, – отвечать будет бригадир, я его лично евнухом сделаю!

В вагончике тишина, Аркадий лежит в луже крови, лова воздух рассеченными губами, один глаз заплыл.

– Что с ним будем делать? – спрашивает кто-то полушепотом.

– Уже сделали, или по баланде скучаешь? – трезво рассудил пожилой лесоруб.

– Если Арсен не отмажет, точно срок намотают. – ворчит золотозубый, хотя следы и от его сапог, остались на боках Аркадия.

– Да, что же это такое, откуда взялись эти мерзавцы? Почему не появляется Арсен?

Бригадир осторожно подходит к окну и кричит.

– Эй, вы там! Вы что творите, зачем закрыли нас? Да, Алтханов с вас шкуру снимет!

– В тюрьме встретишься со своим хозяином. Арестовали Алтханова!

Этого удара ни кто не ожидал. Наступила такая тишина, что было слышно, как где-то дятел на сосне сыплет морзянку.

– Господи! Я не хочу в тюрьму, откройте, я не хочу!

– Прекрати истерику Гоги, ты же мужчина, – бригадир бьет по щеке лысого парня с худым не бритым лицом.

Потом трясет парня, только голова болтается из стороны в сторону.

– Я не хочу в тюрьму! Я не хочу! – повторяет парень.

Бригадир усадил парня на лавку, взял со стола графин с водой и опрокинул его на стриженую голову парня. Тот затих, с удивлением, как после сна оглядел собравшихся, и вдруг тихо заплакал, уронив голову на руки.

К сидящему на полу Аркадию, бригадир поднес стакан с водой и подал платок, чтобы тот утерся.

– Послушай лесник, ты, что из ментов? Здесь у меня работают честные люди, мамой клянусь, они ни в чем не замараны.

– Вот и хорошо, – Аркадий платком вытирает кровь с лица, но она появляется снова. – Если мужики чисты перед законом, им бояться нечего. Так что сидите спокойно.

– Ты, мент поганый, – подскочил к Аркадию чубатый, черный, как головешка мужик. – Да, я тебе пасть порву, прежде, чем ты на меня браслеты наденешь.

От крепкого кулака бригадира черномазый отлетел в сторону и затих.

– А ну тихо! Чего раскудахтались? Послушай лесник, мы же тебе ни какой подлянки не делали. Давай договоримся миром. Ты даешь нам уйти, мы тебе мажем на лапу. И парни твои в накладе не останутся, – он кивает головой на окно.

– Эх, бригадир, всех ты на деньги меряешь. Неужели жизни не жалко? За решеткой лесоповал, на свободе лесоповал: там вертухай за спиной, здесь Алтханов и постоянный страх ареста.

– Хватит лесник, давай серьезно договариваться.

– На разных языках мы с тобой говорим, не поймем друг друга.

Бригадир заскрипел зубами, но ударить Аркадия поостерегся. Он нервно ходит по вагону, потом подскакивает к зарешеченному окну и кричит.

– Эй, вы там! Не стреляйте, подойди кто-нибудь разговор есть.

К окну подошел Егор с дробовиком в руках.

– Что надо парламентар? В туалет от страха захотел, извини, здесь я что-то туалета не найду.

– Слушай дорогой, выпускай нас пятьдесят кусков плачу.

– Наличными? – интересуется Егор. – Вот незадача, куда же мне их сложить, у меня карманы мелковатые.

– Сто пятьдесят – это хорошие деньги парень!

– Деньги действительно большие, но грязные, – кривляется Егор. – Нет, дядя, я брезгливый, с чужих рук не ем.

Егор поднимает ружье, и выстрел глушит что-то еще говорящего бригадира. В воздухе кружит сбитая с дерева хвоя. Высокие договаривающиеся стороны не пришли к консенсусу.

На дороге появляется кузовная машина, крытая брезентом, мотор натужно ревет на небольшом подъеме. Из кабины выходят Петр Сергеевич и начальник гор отдела милиции, а из кузова выпрыгивает капитан, что командуется собровцами.

– Командуй капитан! – Приказывает подполковник.

Пока из-под брезента выпрыгивают автоматчики, подполковник подходит к Егору.

– Что тут происходит? У вас разбежались лесозаготовители?

– Обижаете, товарищ подполковник! Посмотрите, разве от таких орлов кто убежит? – Представляет Егор Саньку и его друзей.

– А где Аркадий? – Подходит Петр Сергеевич. – Что у вас случилось Егор?

– Аркадий вместе с этими абреками закрыт здесь, в вагончике.

– Как закрыт, он живой еще? Эй, Аркадий! – кричит охотник. – Как ты там?

– Порядок Петр Сергеевич, принимайте задержанных. – радостно отзывается Аркадий.

Открывается дверь вагончика, первым появляется лесничий – глаз заплыл, губы кровоточат, лицо вымазано запекшейся кровью, но глаза блестят неподдельной радостью. Он смущенно улыбается.

– Ну-ка дай я тебя обниму, – Петр Сергеевич облапил парня, Аркадий морщится от боли. Видно пинки кавказцев не прошли даром.

– Я бы тебе парень шею намылил, да, ладно победителей не судят. – Начальник милиции жмет парню руку

Собровцы по одному выводят из вагончика работников леса и сажают в машину.

– Товарищ подполковник, может, солдаты перекусят, – предлагает Аркадий, – а то, обед готов, а есть некому.

– Что Костя, может, примем предложение отобедать, – приглашает друга в столовую Петр Сергеевич.

– Двое охранять машину, остальные на обед, – командует подполковник. – Пошли капитан перекусим и мы.

Все уходят в вагончик, возле машины остаются два молодых солдата с автоматами на груди. А в лесу тишина, только ветер шумит где-то в верхушках уцелевших, от варварской рубки, деревьев.

Надька лежит, глядя в потолок, какой-то дискомфорт мешает сосредоточиться, назойливая мысль никак не поддается осмыслению, но и не улетучивается из разболевшейся головы. Наконец Надька поняла. Что это голод сосет в поджелудке, возможно и в голове от этого стоит этот противный шум. Она встала и обследовала стоящий рядом стол. Под салфеткой лежал изрядно подсохший соленый огурец и сухарь черного хлеба. Надька вонзила зубки в черный сухарь, не замечая неприятного запаха, что исходит от огурца. Нет, голод не проходит, Надька вспомнила, как жарила рыбу в доме Петра Сергеевича, как весело с аппетитом уплетали ее ребята. Где вы сейчас вспоминаете ли Надьку? Три дня просидела она в этом подвале, вспоминая о счастливых днях в доме дяди Пети, и эти воспоминания греют душу девчонки. Аркаша, милый Аркаша! Неужели ты не чувствуешь, как мучается

здесь в подвале твоя Надька, без воды, без еды, в постоянном страхе? Как ты будешь жить без нее, как ты сможешь дышать тем воздухом, который когда-то пьянил твою непокорную девчонку? Егор – смешной, задиристый, но такой ранимый мальчишка, ты всегда старался помочь, услужить Надьке: то дров принесешь, то лук почистишь. Маленькие услуги, но как они приятно грели душу.

Каждый час, каждую минуту вспоминает Надька своих друзей. Кажется, сон снова уносит ее от страшной действительности. Положив руки на стол, она уронила на них тяжелую голову, и куда-то провалилась. Но чуток ее сон, шум за дверями возвращает ее к действительности. Щелкнул крючок, в дверь раздаются удары.

– Послушай барышня, ты может, хочешь кушать? Я принес шашлык, зелень, лепешки.

Несколько шагов от стола и Надька возле дверей. Все в ней трепещет, как в лихорадке, слишком ненадежна эта дверь, а ломаются пьяные, мало, что соображающие люди. Лихорадочно, боясь, что не успеет, Надька сбрасывает шланг с одного из баллонов и открывает вентиль. Немного подумав, она открывает вентиль и на втором баллоне, Нашупала в кармане зажигалку, готовая к последнему шагу в этой жизни.

– Ты что молчишь? Открой дверь, будем кушать, будем пить вино, слушать музыку. Ты что гордая да? Ладно, мы подождем. Кушать захочешь, выходи

Наверху включили музыку, громко заговорили, кто-то запел непонятную для Надьки песню. А она все стоит, прижавшись к двери, ее колотит нервная дрожь. Сколько раз жизнь приносила ей свои жестокие сюрпризы? В детстве чуть не утонула Надька в быстрых водах Тунгуски, когда спасала погибающую собаку. А если вспомнить слюнявую пасть медведя, готового к последнему броску, и сейчас холодный пот прошибает. Как это было давно, где-то в той, иной жизни. И все равно, как хороша была та далекая жизнь, ведь и счастье было под этим серым небом, в этой вечно зеленой сказке, которую нарекли тайгой. Любила

Надька и зимы, но лето – это что-то необыкновенное, это песня для северных народностей, к которым Надька причисляла и себя. Как хорошо, что Бог дал родиться в этом краю на берегах этой чудесной реки, среди грубых, трудно живущих, но таких надежных людей, как дядя Петя. Жаль, что все в жизни кончается.

Газ щиплет глаза, а, может, воспоминания, слезы кажутся по щекам, в горле стоит какой-то горький ком, совсем нечем дышать. Надька чувствует, что последние силы покидают ее: закрыть глаза, прилечь у этих дверей и все – уже ничто не жаль, исчез страх и этот постоянный голод, наконец, куда-то отступил. Но, что это? Дверь под Надькиной рукой медленно и бесшумно приоткрылась, где-то в другой комнате пьяно разговаривают мужики. На краю жизни и смерти Надька случайно отодвинула щеколду, а пьяные мужики не закрыли дверь на крючок. Первый осторожный шаг к свободе. Господи, как хочется жить Тихо, легкой тенью Надька выскальзывает в прихожую, а вот и дверь открытая настежь. Воздух ударил в легкие, какой вкусный воздух, почему люди не замечают, какой вкусный воздух. Тихо закрыта дверь, там за дверями остался пьяный шум, хохот. Лом, что стоял на веранде, легко входит в ручку двери – возьмите теперь девчонку.

Надька, шатаясь, вышла на крыльцо, широко раскинув руки, с удовольствием вздохнула полной грудью. Как хорошо, как прекрасно жить!

Пол зашатался под ногами девчонки, взрыва она не слышала, горячая волна воздуха бросила ее с крыльца в какую-то яму, и ночь, темная непроницаемая ночь опустилась над Надькой.

Народ бежит от всех близ лежащих барачков. Взрыв, прогремевший в доме Алтханова, поднял всех от малого до старого. Кто-то в гараже бьет в рельс, и тревожный набат поднимает людей из самых дальних барачков. Появилась пожарная машина, четверо мужиков мучают пожарную помпу и рукава, проброшенные от реки, доставили воду к горящему дому. Два брантсбойта ударили тугими стру-

ями по языкам пламени. Мужики и бабы носят воду ведрами, поливая горящий дом и толпящихся зевак. Шум, треск горящих бревен, пламя, лижущее кроны стоящих неподалеку тополей. Какая-то торжествующая безнадежность в этой огненной какофонии, в многоголосых криках и разгулявшейся стихии. Под водным напором языки пламени не успевали разгуляться, с шипением сворачивались и гасли. Часа с небольшим хватило, чтобы погасить этот внезапно вспыхнувший костер, из старых просохших бревен и досок. Когда мужики вошли во внутрь дома, среди обломков мебели и опавшей штукатурки обнаружили три обгоревших трупа. Определить, кто эти несчастные не было никакой возможности. Да, и кто мог находиться в доме кроме хозяина?

Так молва людская похоронила Алтханова Арсена Джамоновича – первого и последнего арендатора лесных угодий, возомнившего себя хозяином этих мест.

Арестованных лесозаготовителей отправили вертолетом в Кир-Ленск. Подполковник милиции пожал руки нашим героям, тепло обнял Петра Сергеевича.

– Славные ребята растут Петя, такие же, как мы когда-то, но грамотнее, амбициознее. Вон Егор на мое кресло замахнулся шкет, меня сменить грозитя.

– Наша молодость где-то далеко на дорогах войны осталась, – охотник с грустной лукавинкой смотрит на друга. – А что Костя в милицию взял бы этих орлов?

– Взял бы Петя, но им еще учиться надо, время сейчас такое.

– Сам ты Костя, сколько университетов окончил?

– Да примерно столько же, сколько и ты Петро. Жизнь нас учила, война на ноги ставила. А учиться я бы и сейчас пошел, да годы давят. Прошло наше время Петя, прошло.

– Что Санек, покормишь нашу ораву, или голодными восвосяи отправишь? – обращается Егор к Саньке.

– Обижаешь друг, Люся на всех нажарила, мы гостей голодными не провожаем. Пошли ребята пообедаем, хотя время уже к ужину, день не заметно проскочил.

– Давайте вперед Аркадия пустим, – шутит Егор, – Люся, как увидит его физиономию, сразу поймет, что люди из боя вышли. И тебе Санька больше любви и уважения перепадет.

– Уймись Егор, – Останавливает друга Николай, – Аркадию и без твоих шуток тошно.

– Пошли Костя, пообедаем, – Приглашает друга Петр Сергеевич, – до города, когда еще доберетесь, да и день сегодня легким не назовешь.

– Знал бы ты дружище, сколько у меня таких дней, вся жизнь моя из таких дней соткана. А вот от обеда не откажусь.

– Послушай Костя, а что с теми плантациями маковыми делать? – интересуется Петр Сергеевич.

– По инструкции положено скосить и сжечь, я там оставил ребят, да боюсь им с таким объемом работы не справиться. Я в затруднении, но уничтожит посадки, как-то надо.

Товарищ подполковник, – вмешался Аркадий, – а что если тракторами, треками гусениц перепахать, перемолотить всю растительность с землей перемешать. Весной конечно на этом месте взойдут новые всходы и придется снова перепахать. А сейчас вы скосите и сожжете, все равно по весне поднимутся новые всходы.

– Молодец парень, но как трактор сможет работать между посадками деревьев?

– А это вы вон с Санькой поговорите, – вмешался Егор, – он не только на баяне играть умеет, он и на тракторе, как по нотам чешет.

– Придется тебя просить Петр Сергеевич, дело это ответственное, организуй уничтожение этой заразы.

– Это сколько же у Алтханова денег пропало? – интересуется Егор.

– Да, наверно ни один миллион в дым превратился, – вставил Николай.

– Эх, мне бы такие деньги, – размечтался Егор.

– И что бы ты с ними делал? – смеется Николай.

Егор задумчиво чешет затылок, даже останавливается, пропуская вперед товарищей.

– А черт его знает, что с ними делать.

– Учится надо ребята, чтобы уметь распоряжаться такими деньгами и большим настоящим делом. – Наставительно замечает подполковник.

На крыльце барака, где живет Санька, стоит Люся, высматривая среди приехавших, своего непутевого мужа. А вот и он грязный, уставший, но с довольной улыбкой на лице. Она бросается к мужу.

– Осторожно жена, мы грязные, как черти из преисподней.

– Я сейчас мыло вынесу и полотенце, идите к речке.

Мужики свернули к реке, и, вскоре, она огласилась веселыми голосами, как в далеком, невозвратном детстве.

Ближе к вечеру пожарище опустело у людей свои заботы, свои неотложные дела. Несколько пацанов копаются в обгоревших остатках прежнего скарба богатого хозяина.

– Ничего не осталось, ложки с вилками и те поплавились.

– Эх, Колька, найти бы пистолет, ведь у них, наверно, было оружие, – отозвался второй кладоискатель

– Тимка, ты, что там притих или золото нашел? – кричит первый парнишка.

– Ребята, идите сюда, здесь кто-то стонет! – Кричит третий мальчишка, что копал палкой возле крыльца.

Пацаны присоединяются к Тимке, со страхом и любопытством, разглядывая развалины пепелища.

– Где стонет? Вечно ты выдумываешь. – шепчет Колька.

– Да, тише ты, где-то здесь, в этих вот развалинах

Ребята стали растаскивать обгоревшие доски, теплые еще, мокрые головни.

– Ох, и перемажемся паря, – вздохнул Колька. – Опять от матери ремня получу.

– Да, тебе ремень, как комариные укусы, у тебя на заднице короста выросла, палкой бить надо, не почувствуешь.

– Тише пацаны! Слышите?

Ребята притихли, но все было тихо, лишь с почерневшей крыши падали капли воды.

– Да, что ты выдумываешь!

– Тихо! Слышите?

Слабый стон раздался откуда-то из-под ног. Колька отпрянул в сторону, в любую минуту готовый дать стрекача, но Тимка ухватил его за рукав.

– Стой, куда ты? Ромка копай палкой под ногами.

– Да здесь какие-то доски, постой вот, кажется, край.

– Ну-ка дай, – Тимка взял у Ромки палку и ловко подсунул ее под край доски. – А ну помогай ребята! Раз, два взяли!

Втроем, навалившись на палку, они приподняли доску, это оказалась дверь, сорванная с петель, сдвинувшись на четверть в сторону, она приоткрыла пасть ямы.

– Эй, кто там!? – Тимка наклонился над ямой, стараясь рассмотреть, кто там в темноте.

Из ямы послышался тихий стон, потом кто-то выдохнул с болью.

– Помогите...люди.

К ребятам подошел дед Силантий, сторож из гаража, видно, шел на дежурство.

– Что нашли ребята, делить будем?

– Дед Силантий, – обрадовались дети, – там, кажется, человек живой.

– Человек говорите?

А ну-ка, уберем эти доски.

Уже вчетвером они раскидали грязные, мокрые доски и без труда откинули дверь. В яме лежала девушка, глаза излучающие боль и надежду, чуть теплились на грязном изможденном лице. Дед прыгнул в яму, осторожно приподнял девушку и положил на край ямы, она была в сознании, только сильно ослаблена.

– Чья ты деваха? – наклонился к самому лицу Силантий.

– Из зверосовхоза я, – прошептала Надька, – помогите встать.

– Лежи милая, – Силантий снял плащ, свернул и подложил под голову девушки. – Ну, вот что ребята, давай-ка один бегом к Саньке трактористу, он, кажется, со зверосовхозом дружбу водит, может, знает деваху. А ты лежи милая, отдыхай.

Ребят не пришлось упрашивать, Тимка с Колькой сорвались и убежали, а Ромка присел на корточки, разглядывая спасенную.

У Надьки, вроде, ни что не болело, но она не могла пошевелить ни рукой, ни ногой, а душа девчонки пела, глядя на пожарище, она понимала, что все ее беды где-то далеко.

– Как ты оказалась в этой яме дочка? – присел на какой-то ящик Силантий.

– Работники Алтханова силой привезли меня в этот дом и держали в подвале. – Надька устала говорить и прикрыла глаза.

– И, как долго ты в подвале просидела?

– Я считаю, дня три у них была, закрылась я, они не могли меня достать. Только жрать сильно хотела, да воды не было.

– Ну, фашисты за все ответят, всех их переловили, а Алтханов с дружками в доме сгорел.

Надька чувствовала, что снова теряет сознание, перед глазамиплыли какие-то давно забытые образы, туман заволакивал сознание, и снова тьма, как ночь.

Не видела Надька, как бежали к сгоревшему дому парни, веря и не веря, что это она, их погибшая подруга, лежит среди обгоревших досок. Не видела Надька, как упав перед ней на колени, с разбитым, опухшим лицом, плакал Аркадий. И не стыдно было парню за эти слезы радости и боли. Подошли Петр Сергеевич с подполковником.

Старый охотник опустился на колени, нежно разгладил волосы девушки, прильнул щекой и замер.

– Бедная моя девочка, я чувствовал, что ты не могла умереть, сердце не хотело верить, что тебя нет, и ты вернулась к нам. Костя это моя пропавшая дочь. Я прошу, разберись, как она попала в этот дом, кто виновен в ее беде?

– Я думаю, что еще одно преступление ляжет на плечи этих выродков. – Вздохнул подполковник.

Аркадий осторожно поднял на руки Надьку, и понес драгоценный груз к берегу, где стояли моторные лодки.

Глава 20

Никогда не видел такого шумного застолья маленький домик Аркадия. Надька, умытая и причесанная Екатериной, наколотая леспромхозовской фердшерицей, сидит на кровати обложенная подушками. Голова еще кружится, может, от слабости, а может, от великой радости снова быть среди друзей, видеть дорогие лица, слышать смех милых ей людей. Сколько же прошло дней, как появились эти парни, две-три недели, а сколько всего случилось? Течет Тунгуска – жизнь продолжается.

– Дорогие мои ребятишки, можно, я подниму этот стакан за вас, – Петр Сергеевич обвел взглядом собравшихся. – За вашу молодость, за ваши чистые души, – он какое-то время молчит, словно что-то вспоминая. – Сейчас много пишут, что пошла не та молодежь – ерунда и еще раз ерунда. Я старый тунгус заявляю: отличная молодежь, надежная молодежь. Спасибо вам парни, за порядочность вашу спасибо.

Все молча выпили, и на какое-то время тишина опустилась над застольем.

– Если бы в отцах не было порядочности, откуда бы ей взяться в детях. , – философски изрек Егор.

– Смотри, а ты иногда что-то умное сказать можешь, – подначивает Николай.

– У меня друг очень умный, учусь, – не остался в долгу Егор.

– Спасибо вам ребята от имени гор отдела внутренних дел, ну и от меня конечно. Большое дело сделали, ведь под крышей леспромхоза орудовала банда преступников, многие из которых находятся в розыске. Сам Алтханов матерый вор в законе, – подполковник вышел из-за стола, достал из папки фотографии и протянул их парням. – Вот он в форме боевика среди чеченской оппозиции. Лес, пушнина, наркотики – многие миллионы потекли бы к хозяевам Алтханова, а это оружие, новые современные технологии ведения войны, это новая кровь ребята. Так что вы не только раскрыли тайну гибели друга, вы довели до завершения то, за что он отдал свою жизнь. Ну, что притихли? За вас, за вашу молодость!

– Товарищ подполковник, – закричал Егор, – это он, я узнал его, это тот князь из альбома!

– Какой князь, какой альбом? – удивленно смотрит на Егора подполковник.

– Альбом мне давали смотреть у вас в рай отделе, мне показались знакомыми глаза грузинского князя. А вот здесь он с бородой среди боевиков – это же одно лицо с тем, на фотографии.

Подполковник смотрит на фотографию, потом на Егора, удивление и восхищение в глазах опытного криминалиста.

– Вот это фокус, вот это метаморфоза. Ну, Егор, если твои предположения подтвердятся, уступлю тебе свое кресло, есть в тебе та изюминка, что необходима в нашей работе. Хорошие парни растут Петя.

– Товарищ подполковник, это правда, что вы с Петром Сергеевичем...

– Правда, правда, – не дав Егору закончить фразу, перебивает подполковник. – Вместе воевали, вместе к немцам в тыл ходили, вместе демобилизовались. Вот только он, как был, так и остался охотником, а мне приходится всю жизнь в дерьме копать. Такая видно судьба, – развел руками подполковник.

– Только вам, наверно, за дерьмо всю грудь орденами разукрасили, – вставил Егор, – а у Петра Сергеевича кроме радикулита я что-то ничего не замечал

– Это что же разговоры! – шутливо нахмурил брови подполковник. – А ну фронтовик, надеть ордена!

– Сгорели Костя мои заслуги, все огонь сожрал. – Грустно улыбнулся охотник.

Екатерина выскользнула в соседнюю комнату, и через минуту, подбоченясь, гордо подняв голову, шагнула в проем двери. На плечах ее наброшен китель с погонями старшего лейтенанта, а на груди три ордена Славы, орден Красной звезды и медали, медали. Ребята встали и молча смотрят на этот иконостас признания.

– Катя, да как же это? Ведь все сгорело, где ты это взяла?

– Китель в сундуке в амбаре лежал, все ты забыл с этим пожаром тятя.

– Петр Сергеевич, – распухшими губами заговорил Аркадий. – Я всегда вас уважал, как старшего, мудрого товарища, но я не представлял, что рядом со мной живет человек такой героической судьбы. Давайте выпьем за вас, чтобы вы всегда были счастливы.

– Всегда быть счастливым, наверно, скучно, – улыбнулся Константин Васильевич.

– Счастье – это когда вот так, самые близкие люди рядом, – заговорил охотник. – Вот у меня сгорел дом, весь скарб прахом пошел, а я счастлив: Надюшка нашлась, друг фронтовой рядом, и молодые люди, вчера еще не знакомые, сегодня родные и близкие. Что еще надо человеку для счастья? За вас парни, пусть будут счастливы родители, что вырастили вас.

– Тихо...посмотрите, – шепчет Екатерина.

Все невольно оглянулись. Надька спала, откинувшись на подушку, румянец играл на бледных щеках и улыбка, такая счастливая улыбка, озаряла прекрасный облик девчонки.

– Вот оно счастье, – тихо промолвил старый охотник, и почему-то вытер рукавом глаза.

Машина из гор отдела пришла к полудню, и остановилась за рекой. Шофер, выйдя из машины, подошел к кромке берега и закричал.

– Товарищ подполковник, из области прибыл товарищ, вас к себе требует!

– Требует, – ворчит подполковник, – Ну, и пусть требует, на то им и власть дана, чтобы требовать. Семен, покемарь пока в машине, – кричит он подчиненному, – минут через двадцать поедем.

Он подходит к Петру Сергеевичу, стоящему с трубкой на крыльце.

– Хорошо здесь у тебя дружище, приехать бы сюда в отпуск порыбачить, уток на зорьке попугать или просто посидеть со старым товарищем, вспомнить ребят, что навсегда остались там,

– В любое время, – улыбается Петр Сергеевич, – приезжай с женой, с сыном. Лучшего отдыха и желать не надо.

– Эх, Петя, где он тот отпуск, ведь у нас все не как у людей, работа круглые сутки, а отпуск зимой и то не каждый год.

– Сам работу выбирал. – смеется Петр Сергеевич, – и как будто на всю жизнь.

– Сам Петя сам, а что на трудности жалуюсь не обращай внимание: работой доволен, семья обеспечена, сын чудесный растет.

– Послушай Костя, моих парней подбрось до города, собрались домой вояки, да и каникулы у них заканчиваются.

– Какой разговор. Катя тоже едет или рано еще?

– Пару недель пусть дома побудет, потом сам на лошади увезу.

На крыльце появляются Николай с Егором, уже с рюкзаками на плечах.

– Ну, что Петр Сергеевич, прощаться будем? – подходит к охотнику Николай. – Спасибо вам за приют, мы не плохо отдохнули, порыбачили

– Особенно я! Эх, как вспомню, какая дура сорвалась, – тяжело вздыхает Егор, но потом весело смеется. – Ничего я в следующем году приеду, обязательно ее выужу, а пока пусть растет.

– Приезжайте ребята, – Петр Сергеевич улыбается, а глаза полны печали. – Вы для меня, как родные стали, приезжайте, не забывайте старика.

Вышел Аркадий с девчонками, и вся компания направилась к лодке, что ждала их на берегу. Аркадий присел на чью-то перевернутую лодку, а девчонки по щиколотки забрели в воду, махая руками отъезжающим. Полоса воды все шире и шире, друзья оставшиеся на берегу все дальше и дальше. Лодка ткнулась в прибрежную гальку, ребята выпрыгивают на берег. Петр Сергеевич поднимает руку в последнем прощальном приветствии.

– Счастливо оставаться Петр Сергеевич!

– Вам без приключений доехать!

– Аркадий, девчонок береги! – Кричит Николай.

– Приезжайте ребята! – в один голос отзываются девчонки.

Загудела машина и тихо пошла, переваливаясь на камнях. Ребята стоят в кузове, что-то кричат, не слыша, что им кричат в ответ с другого берега.

Эпилог

Вылет на Иркутск задерживался на неопределенное время. В мыслях ребята давно уже там, в своих институтах, среди друзей и подруг. Николай стоит у стойки регистрации, его ни кто не провожает, а Егор сидит с сестрой и племянником, слушая последние наставления. По залу уныло бродят уставшие, не выспавшиеся пассажиры. Изредка из репродуктора раздается плохо понятная информация, и люди бросаются друг к другу с вопросом, какую информацию передали.

В зал ожидания входят подполковник Марков с молоденьким старшим лейтенантом. Офицеры проходят в комнату дежурного по вокзалу. Николай направляется следом, но в кабинет дежурного войти не решился, остался читать объявления украшающее дверь. В углу, возле окна, два мужичка играют в карты, по проходу со смехом бегают девчушка, еще плохо держащаяся на ножках, мать ходит рядом, дрожа над каждым неверным шагом дочурки. Вокзал живет своей таборной, беспокойной жизнью.

Из дежурки вышли офицеры, увидев Николая, подполковник улыбнулся, как старому знакомому.

– Здравствуй студент! Что в Иркутск летишь или провожаешь кого? Дежурный сказал, что полет задерживается на два часа. Ты один летишь?

– С Егором товарищ подполковник. Вон сестра его напутствует. А вы тоже летите?

– Я сотрудника провожаю, – указал глазами на старшего лейтенанта подполковник. – Клиентов в Иркутск отправляем.

– Тех, что на тунгуске задержали?

– Нет, с теми еще разбираться надо. Там несколько человек, что скрываются от закона, но есть и такие, кого придется отпустить. Ладно, студент, всего тебе хорошего.

Следом за офицерами Николай вышел на при вокзальную площадь и подошел к киоску купить газету.

– Коля привет! – послышался знакомый голос. – Опять вместе летим?

Возле киоска стрит Димка Сорокин: светло серый костюм, как на денди, темно синий узкий галстук и модная шляпа дополняют портрет. Хорош Димка в модном фирменном прикиде. От вокзала к парням подходит Егор.

– Это кто же такой красивый, это чей же такой не целованный не обласканный? Лучшего подарка для женщин к восьмому марта и не придумашь! – Егор обнимает товарища и кружит вокруг себя.

– Егор, поставь на место, помнешь, разобьешь, тебе женщины этого не простят! – со смехом кричит Николай.

– Как давно я ничего красивее в руках не держал! – шутит Егор, отпуская товарища.

– Дурак, совсем закружил, у меня вестибулярный аппарат слабый, – поднимая шляпу ворчит Димка. – Теперь голова болеть будет.

– А я думал, что ты под шляпой прячешь? Оказывается там у тебя вестибулярный аппарат. Это вам в мореходке выдали или на черном рынке приобрел? У меня у бедного никакого вестибулярного нет. Ладно, старики, вон лавочка свободная, пошли посидим

Некоторое время ребята молчат, Николай чертит веточкой на песке, Егор, полу прикрыв глаза, высматривает что-то в небе.

– Как отдохнул Дима, наверно девчонкам мозги пу-дрил? – положил руку на плечо товарища Егор.

– Какой отдых – скука. Спал до обеда, потом по хозяйству предкам помогал. По телевизору смотреть нечего, два канала крутят старые фильмы. Вечером сходить не куда – скукота. На следующее лето во Владике останусь.

– Напрасно с нами не поехал, мы хорошо позагорали, – стал рассказывать Егор, – Я таких шук ловил, закармлил всех рыбой.

– И все равно деревня есть деревня! Там хотя бы клуб приличный есть? Наверно, еще на балалайках играют.

– А тебе что симфонический оркестр подавай, – вспыхнул Егор. – Ты где родился: Рим, Париж, Токио? Или забыл, что все мы родом из полу разрушенных деревень, и в какие бы одежды не рядились от нас за версту родным навозом пахнуть будет. . И не надо отрешиваться от родных корней Николай с удивлением смотрит на своего малохольного друга. Что с ним, какая муха парня укусила?

– Что ты на меня кричишь? Сам прекрасно понимаешь, что после городской жизни, здесь скукота невероятная.

– Я и забыл, что после мореходки здесь тебе тесновато, твои корабли сюда никогда не зайдут, фарватер мелковат для таких, как ты.

– Николай, с ним что сегодня? Кидается на меня, а за что, наверно, и сам не знает.

Друзья молчат, Егор, соскочив с лавки, нервно ходит, потом останавливается, дружеская улыбка снова красит его лицо.

– Извини Димка, ты верно сказал, сам не знаю, что говорю. Завидую, наверно, немного, ты вот с легким сердцем уезжаешь в свой Владивосток, а меня, мое деревенское прошлое, крепко держит за жабры.

– Ничего, институт закончишь и тебя в эту яму праником не заманишь.

– Дать бы тебе по шее за то, что мое родовое гнездо ямой зовешь, – уже беззлобно огрызается Егор.

– Никогда тебя таким агрессивным не видел. Ты что озверину принял?

– Какого к черту озверину – просто душа не на месте. Я уже третий раз улетаю из дома, а никогда такой тоски не испытывал.

За зданием аэропорта раздались какие-то крики. Несколько человек, что стояли у киоска «Союз печати», бросились за угол здания. Парни переглянулись, чувство любопытства подняло их с лавочки. Подбегая к углу здания они снова услышали крик

– Ой, убили, убили! Люди добрые, помогите! Да, что же это такое?

Напротив аэровокзала, на другой стороне улицы, стоит столовая, узкий проулок отделяет ее от стоящего рядом гаража. Возле столовой на траве сидит женщина, опершись руками о землю. Кофточка на предплечье пропитана кровью, растрепанные волосы упали на лицо, а из под волос смотрят, совсем не испуганные, скорее удивленные, ничего не понимающие, глаза.

Вторая женщина с криком бежит от пострадавшей до угла столовой и обратно. Небольшая толпа уже окружила пострадавшую, когда подбежали парни.

– Что случилось, кто вас? – наклонился Николай над женщиной.

– Я не знаю его, сумку вырвал и вон туда, – она кивнула головой в конец проулка.

Егор бросился бежать по проулку, на углу остановился. Улица на которую выходил проулок была пуста, лишь в конце улицы спокойно шел, переваливаясь из стороны в сторону, какой-то мужчина. Постояв, Егор уже пошел обратно, как вдруг память остановила его. Походка, длинные не по росту руки и не большой рост, неужели он? Егор был почти уверен в своей догадке, когда бросился обратно. Мужика на улице уже не было, но Егор помнил, что там тупик с узким проходом на другую улицу. Он бежал, не замечая, что за ним никто не последовал.

Николай просто не заметил исчезновение друга. Появилась милиция, подошел подполковник Марков, скорая помощь, распугивая сиреной встречных, остановилась возле столовой. Вскоре женщину подняли и осторожно повели к машине, толпа стала расходиться.

– Ты что-то без друга? – заговорил с Николаем подполковник.

– Он был с нами, мы вместе прибежали, – оглядываясь по сторонам, ответил Николай. Куда он мог уйти?

– А ваш друг вон туда бегом побежал, – вклинился какой-то пацан в разговор взрослых.

– Пойдем Николай, неужели он бросился за преступником?

Подполковник с парнями дошли до угла, но на улице было пусто.

– Ну-ка дорогой, – обращается подполковник к пацану, сбегай в вокзал, посмотри по лавкам и бегом обратно.

– Раз он побежал в эту сторону, на вокзале его быть не может, – рассудил Николай.

– Вот что парни, – подполковник заметно волнуется. – В конце улицы возле тупика не большой проход, вы идете по этой улице до тупика, я по параллельной, в конце встретимся.

Егор добежал до тупика и чуть не ткнулся в спину преследуемого. Тот стоял за углом, роясь в дамской сумочке, переправляя что-то в свой карман.

– Ну, здравствуй кореш! – Егор говорил спокойно, но все в нем напряглось в жгучий комок ненависти, – Что с добычей можно поздравить?

Савося оглянулся, сумка полетела под ноги, к руке прильнул нож.

– Опять ты? Думал, уже не встретимся, но видно нам не разойтись.

– Нет Савося, не разойтись, не надейся.

– А, может, разбежимся, что нам делить? Ты эту бабу не знаешь, я тоже.

– Ты моего друга погубил, может, еще не забыл студента в тайге? Ты Ромашку жизни лишил, да и эта женщина мне ближе, чем твоя мерзкая хоря.

– Ах, ты фраер, – Савося поднимает нож, но резкий удар в скулу, напоминает ему, о существовании земного притяжения.

– Вставай, я лежачих не бью, – зло цедит Егор.

Вытирая с подбородка кровь, Савося встал, потом наклонился, ощупывая колено. Егор схватил его за ворот куртки и дернул на себя, но острая боль возле ключицы, казалось, пронзила все тело. Он видит, что Савося зло ухмыляясь, снова поднял нож. Последним усилием воли, Егор схватил руку с поднятым ножом, и с такой силой

крутанул ее, что раздался какой-то противный хруст, и нечеловеческий крик Савоси. Они оба свалились в траву, но даже теряя сознание, Егор, как клещами держал ненавистную руку. Савося был в сознании, но любое движение рукой, причиняло такую боль, что он считал за благо не шевелиться. На что он надеялся? Может, на то, что омертвелая рука Егора сама разомкнет стальную хватку. Напрасно. Из-за угла показался Николай с каким-то парнем, а от противоположного, по проулку бежал подполковник милиции.

«Все, кранты мальчишечка», только и успел подумать Савося. Даже нож и тот лежал далеко в стороне, равнодушный к судьбе хозяина.

Николай разорвал рубашку на груди Егора, из раны, чуть ниже ключицы. Сочится кровь. Видно бандит целил в шею, но промахнулся. Обрывком рубашки Николай зажал рану друга, и поднял глаза на подбежавшего подполковника. Что делать дальше он не знал.

– Беги парень, вызывай скорую и милицию, – приказывает он Димке. – А этого гада отпусти, пусть бежит, при первом движении я с удовольствием прострелю ему задницу.

Савося сидит, прислонившись к забору, как ребенка поддерживает руку и тихо стонет.

Подполковник присел рядом с Николаем, боль острая, невыносимая боль, за лежащего без сознания Егора, плещет в глазах Константина Васильевича.

– Что же ты парень, один пошел за этим выродком? Что же ты наделал Егор?

Николай сидит бледный, лишь глаза пылают каким-то лихорадочным светом.

– Он будет жить Константин Васильевич?

– Надо надеяться Коля, что все будет хорошо. Да где же скорая?

В проулке показались два сотрудника милиции, подполковник поднялся им навстречу.

– Возьмите! – Он указал на Савосю, – закройте покрепче, и глаз не спускать

Наручники с легким звоном защелкнулись на запястье Савоси, и это была последняя музыка в его никудышной жизни.

Показались врачи скорой помощи, Не молодая уже, затурканная жизнью женщина, склонилась над парнем. Обработала рану, наложила повязку, распорядилась чтобы принесли носилки.

– Как его состояние доктор? – Обратился подполковник, – ранение серьезное?

– Могло быть и хуже. В рубашке родился парень, но пару недель он наш.

– Значит, он будет жить доктор? – надежда и радость в голосе Николая. – Значит ранение не опасное?

– Порез пальца молодой человек, и то опасен, а здесь проникающее ножевое... Да, будет жить ваш парень, и танцевать будет, и детей нарожает. Беречь себя надо молодой человек, жизнь она, как пламя свечи, кто-нибудь дунет случайно и темнота. Если себя не жалеете, так близких своих, стариков своих пожалейте.

Она, как-то странно мотнула головой, словно отгоняя видения, и быстро пошла к выходу из переулка.

– У доктора сын недавно утонул, – поднимая носилки, прошептал один из санитаров. Подполковник с Николаем пошли следом за носилками.

– Я не могу сейчас лететь Константин Васильевич, – шепчет Николай. – Не могу я Егора оставить.

– Чем ты ему поможешь Коля? Каникулы заканчиваются, пора на занятия.

– Все понимаю, но не могу, Егор мне, как брат. Ну, как я его упустил, как не заметил, что он пошел за этим мерзавцем?

– Не вини себя Коля, всего не предусмотреть. Да, и Егор был парень горячий, не всегда управляемый. Тьфу ты, – подполковник выругался, – что я о Егоре в прошед-

шем говорю? Он поправиться, такие парни должны жить, так что будем верить.

– Но, как я буду учиться, сидет в аудитории, когда Егор...

– Надо Коля учиться и хорошо учиться, по иному нельзя. Да, что я тебе говорю, у тебя своя голова на плечах. Учись парень, и за Егора не переживай, у нас врачи хорошие поднимут парнишку.

Возле машины скорой помощи плачет сестра Егора, Николая тронул за локоть Димка.

– На Иркутск регистрацию объявили, надо поторопиться.

– Без вас не улетят, – услышав Димку, проговорил подполковник. – Идите ребята, регистрируйте билеты, а для Егора пока вылет задерживается.

Владимир Крестьянников

Каникулы на Тунгуске

Повесть

Издательство «Оттиск»

Лицензия ЛР № 066064 от 10.08.1998.

Подписано в печать 17.08.2012 г. Формат 60/84/32.

Усл. печ. л. 11,6. Уч.-изд. л. 14,2.

Бумага офсетная. Печать трафаретная.

Тираж 1 000 экз. Заказ № 282.

Отпечатано в типографии «Оттиск»

664025 г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 28.

Тел.: 34-32-34, 241-242.

E-mail: ottisk@irmail.ru